

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

3(15) 2007
апрель

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№3'2007

Общество

■ ЭКОНОМИКА

Л. Преснякова

Инвестиционно-сберегательные инструменты:
практический опыт и предпочтения россиян 7

■ СЕМАНТИКА

И. Шмерлина

Что такое провинция? 30

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

Е. Вовк

Многодетность как ценность и практика:
образы многодетных семей 33

■ СОЦИАЛЬНАЯ ТКАНЬ

Г. Кертман

Мы разучились нищим подавать? 47

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 61

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”

Иван Климов
“Цифры”

Людмила Преснякова
“Между прочим”

Анатолий Черняков
Арт-директор

Анна Данилова

Ответственный секретарь

Мария Каневская

Маркет-менеджер

Светлана Басманова

Редакторы выпуска

Анастасия Егорова

Мария Каневская

Корректор

Наталья Шарова

Оригинал-макет

Любовь Софейчук

Рисунки

Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель

Фонд “Общественное мнение”

Президент

Александр Ослон

Директор по исследованиям

Елена Петренко

Директор по технологиям

Алексей Чуриков

Финансовый директор

Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:

Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4

Тираж 700 экз.

Цена свободная

Номер подписан в печать

02.05.2007 г.

Адрес редакции журнала:

119421, Москва,

ул. Обручева, 26, корп. 2

тел.: (495) 745-87-65

факс: (495) 745-89-03

e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:

<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии

ООО “Группа Море”

101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Форум

К юбилею Т.И. Заславской 57

■ КНИЖНЫЕ ДЕБРИ

Г. Любарский

Слова двух культур 58

■ ОТКЛИК

И это все о нем...

(Портрет социолога на фоне интервью) 84

Мастерская

От редактора раздела 89

■ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ

В. Чеснокова

Фердинанд Тённис.

Община и общество 90

■ ЭТИКА

О. Оберемко

Локальная идентичность благотворителя

как представление о “территории свободы” 106

■ ПРОЕКТЫ

А. Ослон

Мегаопросы населения России.

Проект “ГеоРейтинг” 117

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент... 46

Умер Борис Ельцин, первый президент России. Первый за всю российскую историю глава государства, избранный всенародным голосованием. Возглавив страну на одном из самых крутых поворотов ее исторического пути, он испытал и любовь, и неприязнь миллионов сограждан, и безоглядное доверие, и полное непонимание.

В Борисе Николаевиче удивительным образом сочетались воля и интуиция капитана огромного государственного корабля, чувство истории – и способность сопереживать простым людям, слышать их, ощущать свою ответственность за выпавшие на их долю трудности. Он нес эту ответственность мужественно, с достоинством истинного лидера нации и цельного, крепко стоящего на земле человека.

Исторический масштаб этой фигуры еще предстоит оценить – нужна большая дистанция. О роли Ельцина еще долго будут спорить и думать. Но каков бы ни был вердикт потомков, одно неоспоримо: первый президент России неизменно верил, что мы и они способны жить в условиях свободы, стремился создавать эти условия и беречь самые первые, еще очень уязвимые проявления свободы в образе жизни и образе мыслей сограждан. Уже за это мы сохраним благодарную память о Борисе Ельцине – человеку, чья судьба неотделима от нашей общей истории.

CO B T C E E F E O

Л. Преснякова

Инвестиционно-сберегательные инструменты: практический опыт и предпочтения россиян

В 11-м номере журнала “Социальная реальность” за прошлый год мы анонсировали первые результаты нового проекта ФОМа “Гражданин инвестор”, посвященного изучению зарождающегося класса “новых инвесторов” [Ослон А., Мишкинене Ю., Галицкий Е., Седнев В. 2006.] – граждан, уже вложивших или готовых в ближайшем будущем вложить свои средства в российскую экономику, приобретая акции российских предприятий. Более подробное и детальное осмысление этого социального явления на страницах нашего журнала еще предстоит; отметим только, что пока еще слой частных инвесторов в России составляет лишь десятые доли процента – даже несмотря на то, что за последние год-два число граждан, вкладывающих средства в акции или ПИФы, многократно выросло. В массе же своей россияне используют сегодня совсем иные инструменты сбережения и инвестирования денежных средств. Изучению существующих стратегий сбережения, мотиваций и предпочтений в этой сфере мы и решили посвятить данную статью (некоторым образом предваряющую последующее исследование стратегии инвестирования в акции).

Существующие инвестиционно-сберегательные практики

Сегодня только 22% опрошенных россиян заявляют, что имеют сбережения¹. При этом стоит отметить: доля граждан, утверждающих, что у них есть сбережения, в последние десять лет менялась мало; лишь в 1998 году она заметно снизилась, причем это произошло накануне дефолта, а не после него, как можно было бы ожидать (*график 1*)².

¹ Общероссийский опрос населения от 22–23 апреля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Приводимые данные корреспондируют с результатами исследований Левада-центра, проводившихся в 2002–2005 годах: на вопрос “Есть ли у Вас, Вашей семьи в настоящее время какие-либо сбережения, накопления?” ответ “есть” в 2002 году дали 26% опрошенных, в 2003-м – 24%, в 2004-м – 24%, в 2005-м – 21%.

<http://www.levada.ru/ecsavings.html>

График 1. Динамика ответов респондентов на вопрос о наличии сбережений (% от числа опрошенных)

О наличии в их семье накоплений чаще прочих заявляют граждане, обладающие наибольшими социальными ресурсами: лица с высшим образованием, с относительно высокими доходами, москвичи и жители больших городов; об отсутствии сбережений чаще остальных говорят представители низкоресурсных групп, в частности малообеспеченные респонденты и жители сел (табл. 1).

На первый взгляд, может показаться неожиданным, что о наличии сбережений чаще прочих говорят респонденты в возрасте 55 лет и старше, традиционно полагаемые одной из наименее обеспеченных социальных групп. Объясняется это, с одной стороны, тем, что пожилые люди, особенно пенсионеры, тратят на себя меньше, чем молодые, а с другой стороны, тем, что у пожилых граждан в силу сокращения социальных ресурсов повышается потребность в формировании финансового запаса (вплоть до обычая откладывать так называемые “гробовые” – деньги на похороны).

А вот граждане наиболее работоспособного возраста (36–54 года), как видно из приводимых данных, чаще прочих говорят об отсутствии сбережений, что также неудивительно, если учесть, что именно в этом возрасте наиболее высоки потребительские расходы.

Стоит отметить, что жители Москвы и других мегаполисов чаще прочих затруднялись с ответом на простой, в общем-то, вопрос о наличии у них сбережений. Возможно, это объясняется нежеланием отвечать на подобный вопрос незнакомому человеку – интервьюеру (именно в мегаполисах не лишенный основания страх перед криминалом особенно распространен). Можно предположить, что в действительности у многих из этих респондентов сбережения есть – просто они не хотят об этом говорить³.

Если доля граждан, заявляющих в опросах о наличии у них или их семей накоплений, все последние годы оставалась стабильной, то объемы сбережений на

³ Кстати, чаще всего затруднялись ответить на этот вопрос те же, кто затруднялся с ответом на вопрос о доходе.

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Возраст			Образование				Доход на члена семьи			Тип населенного пункта				
		18 - 35 лет	36-54 года	55 лет и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее специальное	высшее	до 2000 руб.	2000-3000 руб.	более 3000 руб.	Москва	мегаполис	большой город	малый город	село
Скажите, пожалуйста, в Вашей семье есть сейчас сбережения, накопления?																
Есть	22	22	19	27	15	20	21	35	11	21	36	33	17	32	21	16
Нет	70	65	76	69	80	71	74	54	83	75	58	52	67	61	71	81
Затрудняюсь ответить	8	14	5	4	5	10	5	11	5	5	7	15	16	7	8	2

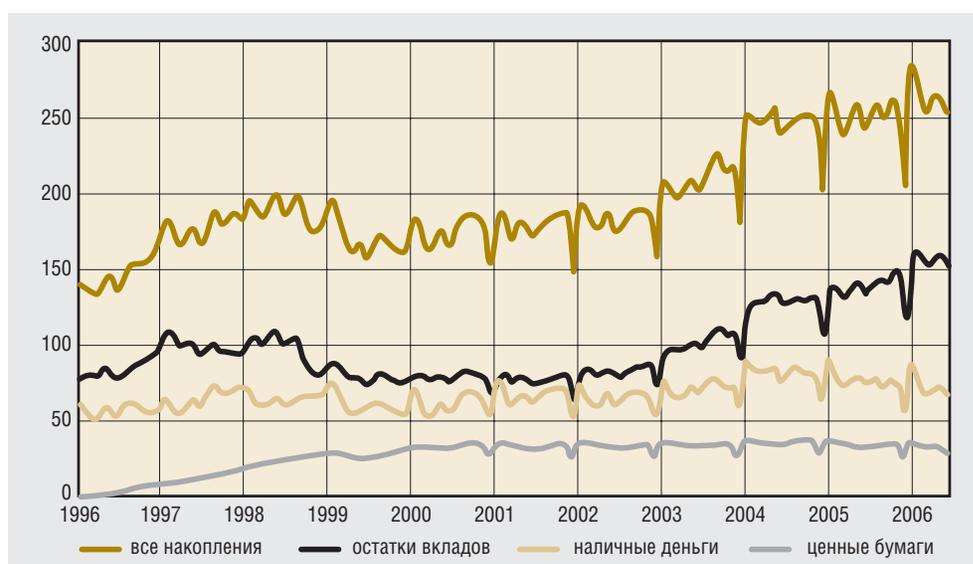

График 2. Накопления на душу населения (% от среднедушевой заработной платы) [Мониторинг финансовой активности населения России. 2006. С. 25.]

селения, по данным различных исследований [см., например: Мониторинг финансовой активности населения России. 2006], напротив, возрастали (график 2).

Важно заметить, что эти данные вовсе не противоречат приведенным ранее результатам опросов. Увеличение объемов сбережений может происходить не только и не столько за счет “прироста” доли “сберегателей”, но и за счет роста их доходов – а они за последние годы ощутимо возросли. Так, если в 2000 году среднедушевой доход населения, по данным Госкомстата, составлял 2281,1 рубля в месяц на человека, то уже в 2005 году он вырос почти вчетверо и составил 8023,2 рубля⁴, что, очевидно, способствовало и росту объемов сбережений. Однако склонность человека делать сбережения зависит не только от уровня его доходов и материальных возможностей, но и от целого ряда иных факторов. От таких, например, как психологические и социокультурные особенности

⁴ http://www.gks.ru/free_doc/2006/b06_13/06-01.htm

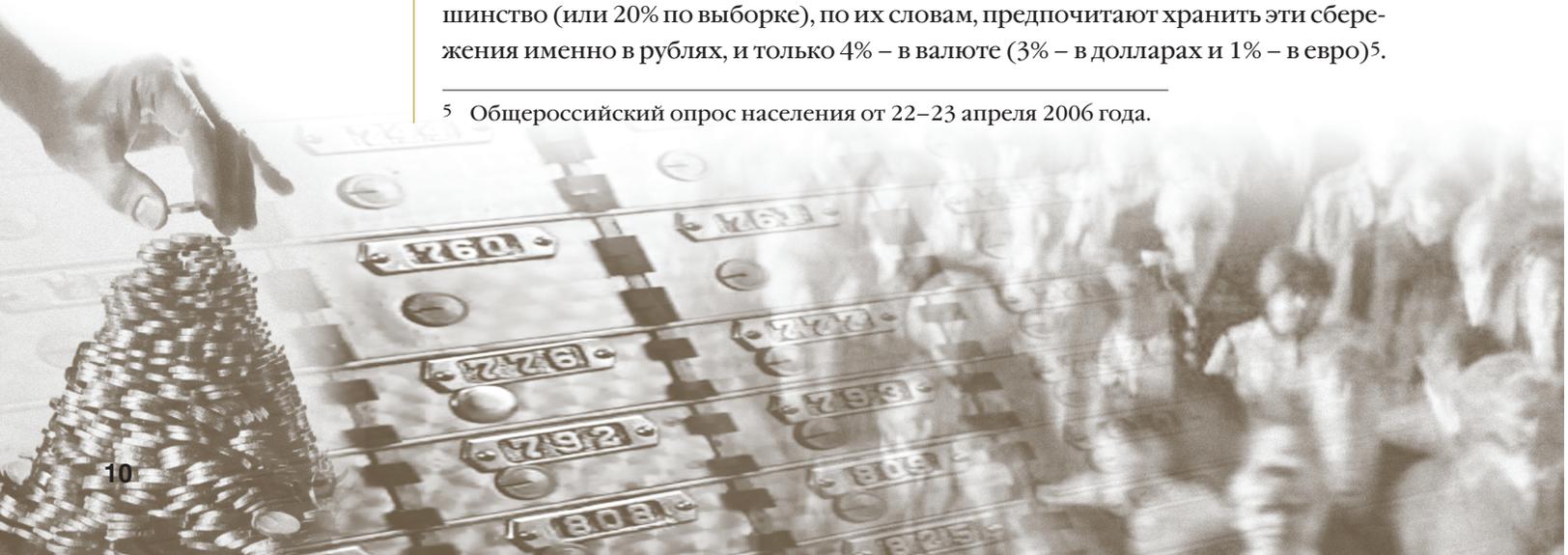
индивида, его демографические характеристики, опыт финансового поведения, существующие в обществе нормы и ценности финансовой культуры. Наконец, от конкретной экономической и политической ситуации, воспринимаемой как благоприятная или неблагоприятная для создания сбережений, и многих других. [Sheffrin H. M., Thaler R. H. 1978; Furnham A. 1985. P. 354–73; Lunt P. K., Livingstone S. M. 1992; Van Veldhoven G., Groenland E. 1993. P. 508–509; Furnham A., Argyle M. 1998; Warneryd K.-E. 1999; Кузина О. Е. 2004. С. 82–105.] Поэтому рост объемов накоплений, повторим, не обязательно свидетельствует об увеличении доли граждан, делающих сбережения. Кроме того, бурно развивающаяся в последние два года практика кредитования стала серьезно конкурировать со сберегательными стратегиями мобилизации средств для покупки дорогостоящих товаров, что, очевидно, также не способствует росту числа “сберегателей”.

И тем не менее реальная доля граждан, имеющих сегодня финансовые накопления, по-видимому, все же превышает заявленную в опросе, что связано с самой опросной методикой. Во-первых, далеко не все опрошиваемые, как уже сказано, готовы рассказывать интервьюеру подобную информацию о себе. Во-вторых, само понятие “сбережения”, используемое в вопросе, трактуется респондентами по-разному: для кого-то сбережения “начинаются” от определенной суммы, для кого-то не считаются “сбережениями” инвестиции в ценные бумаги или бизнес, для кого-то банковский вклад выглядит не сбережениями, а просто “остаточными” деньгами, не истраченными в рамках определенного периода времени, и т. п. Однако нас в данном случае будут интересовать как раз те респонденты, которые интерпретируют имеющийся у них или их семьи финансовый запас как результат определенных накопительных усилий: они скорее будут задумываться об обеспечении сохранности этого запаса, росте и приумножении своих накоплений. Те же, кто не воспринимает имеющиеся в их распоряжении суммы денег именно как сбережения, вероятнее всего, потратят их при первой возможности. Поэтому именно граждане, признающие наличие у себя сбережений, образуют ту социальную среду, в которой постепенно формируется слой “новых инвесторов” (какие бы инструменты вложений они ни выбрали).

Из приведенных на *графике 2* данных видно, что сегодня в структуре накоплений россиян лидируют банковские вклады, существенно отстают от них сбережения в наличности, а наименее популярными являются вложения в ценные бумаги.

При этом россияне предпочитают держать свои накопления в рублях: так, среди тех, кто заявил в нашем опросе, что имеет сбережения, подавляющее большинство (или 20% по выборке), по их словам, предпочитают хранить эти сбережения именно в рублях, и только 4% – в валюте (3% – в долларах и 1% – в евро)⁵.

⁵ Общероссийский опрос населения от 22–23 апреля 2006 года.

Приведенные данные о структуре сбережений россиян – это усредненная картина в целом по стране; совершенно очевидно, что предпочтения тех или иных сберегательных инструментов могут варьироваться – и в разных социальных группах, и в разных регионах страны. В ходе мегаопроса “Теорейтинг”, проводившегося в августе 2006 года⁶, мы задали респондентам вопрос о том, какими именно институционализированными финансовыми инструментами, способами сбережения и инвестирования они пользовались в последние год-два. В предложенный респондентам перечень ответов⁷ были включены различные позиции – от вкладов в Сбербанк и другие коммерческие банки до вложений в ПИФы, акции и облигации, от покупки-продажи наличной валюты до пользования пластиковыми карточками, от расплаты за товары через интернет до пользования кредитами – с целью оценить, насколько россияне включены в современные практики и технологии оперирования деньгами; для последующего анализа мы воспользуемся только теми позициями, которые позволяют судить о распространенности использования именно инвестиционных и сберегательных практик⁸.

Самыми популярными сберегательными инструментами, по данным опроса, являются **банковские вклады** – за последние год-два ими воспользовались в целом 16% опрошенных, из них 7% – депозитом в Сбербанке, 7% – пенсионным вкладом в том же Сбербанке⁹, 4% – вкладом в другом коммерческом банке¹⁰.

Именно граждане, признающие наличие у себя сбережений, образуют ту социальную среду, в которой постепенно формируется слой “новых инвесторов”

⁶ Общероссийский опрос населения от 18–31 августа 2006 года (1954 населенных пункта, 69 субъектов РФ, 34500 респондентов).

⁷ Респондентам был задан вопрос: “Скажите, пожалуйста, что из перечисленного Вам приходилось делать за последние год-два?” Варианты ответов были перечислены на карточке и включали в себя следующие позиции: “обменивать валюту на рубли/рубли на валюту”, “покупать/продавать акции, ценные бумаги”, “расплачиваться за товары и/или услуги при помощи пластиковой карточки”, “получать на карточку заработную плату (стипендию, пенсию)”, “расплачиваться за товары и/или услуги при помощи интернета”, “покупать/продавать паи в паевых инвестиционных фондах (ПИФах)”, “получать дивиденды от акций, ценных бумаг”, “покупать товары в кредит/брать кредит в банке”, “класть/снимать деньги со своего пенсионного счета в Сбербанке”, “класть/снимать деньги со своего непенсионного счета в Сбербанке”, “класть/снимать деньги со своего счета в коммерческом банке”, “вкладывать деньги в собственный бизнес”, “покупать/продавать государственные облигации”, “покупать/продавать корпоративные облигации”, “совершать операции с фьючерсами, с опционами”.

⁸ Отметим, что в карточку не входили варианты инвестирования, которые, совершенно очевидно, охватывают крайне узкие сегменты населения, например вложения в недвижимость, в золото, антиквариат и некоторые другие. Кроме того, в карточку не была включена позиция “хранение наличных денег”.

⁹ Тут следует оговориться, что наличие пенсионного вклада в Сбербанке не всегда предполагает наличие собственно сбережений – для кого-то это просто способ доставки пенсий. Однако если учесть, что именно представители старшей возрастной группы чаще прочих склонны заявлять об имеющихся у них накоплениях, можно предположить, что для многих из них пенсионный вклад в Сбербанке все же служит, помимо прочего, и сберегательным инструментом.

¹⁰ Мы не стали включать в группу “вкладчиков” респондентов, заявивших, что они получают на карточку зарплату, стипендию или пенсию (18%), и пользующихся пластиковой карточкой для оплаты товаров и услуг (9%). Несмотря на то, что обладание пластиковой банковской картой всегда предполагает наличие счета в банке (на который даже могут начисляться проценты), отнести эти инструменты к сберегательным нельзя (особенно последний, воспринимающийся именно как платежный), хотя и исключить, что какая-то доля денег остается и накапливается на карточках, тоже нельзя.

Примерно 3% россиян вкладывали свои деньги в **ценные бумаги и паи** (3% – в акции, 0,3% – в ПИФы, по 0,1% – в корпоративные или государственные облигации и фьючерсы и опционы), и еще столько же – инвестировали свободные средства в **собственный бизнес**.

Всего 19% опрошенных пользуются теми или иными из перечисленных институциональных инвестиционно-сберегательных инструментов; в то же вре-

мя 79% россиян за последние год-два не делали ни вкладов в Сбербанк или другой коммерческий банк, ни вложений в ценные бумаги (акции, облигации, фьючерсы и опционы), в ПИФы, в собственный бизнес (что, впрочем, не исключает того, что часть из этих людей имеют сбережения, но хранят их дома, “в чулке”).

Как видно на *карте 1*, наиболее “продвинутыми” регионами, в которых выше всего доля граждан, пользующихся современными институциональными инструментами сбережения и инвестирования, являются Москва (где таковых насчитывается 40%) и два северо-западных региона – Рес-

публика Коми и Мурманская область (по 33%). Наиболее “отсталыми” выглядят Псковская область, где имеющих банковские вклады, вложения в ценные бумаги, ПИФы или в собственный бизнес насчитывается 8%, а также Костромская и Курганская области, Мордовия и Приморье, где количество таковых не превышает 7%.

Вкладами в Сбербанк (пенсионными и обычными) чаще прочих пользуются в Москве (30%), Республике Коми (27%) и Мурманской области (26%). А вот что касается использования других финансовых инструментов, то тут явно выраженной региональной специфики не существует – в большинстве регионов доли граждан, делавших вложения в коммерческие банки, ценные бумаги, ПИФы или в свой бизнес, практически не отклоняются от средневыборочных значений. Выделяется на этом фоне только Москва, где доля вкладчиков в коммерческие банки составляет 9% (против 4% по выборке), а доля инвесторов в ценные бумаги и ПИФы – также 9% (против 3% по выборке).

Сегодняшние вкладчики и инвесторы: кто они?

Рассмотрим подробнее, что представляют собой группы респондентов, использующих те или иные институциональные инструменты сохранения и приумножения денег. В *табл. 2* приведены данные уже упоминавшегося опроса “Теорейтинг” (август 2006 г.).

Социально-демографические параметры группы граждан, не пользовавшихся никакими из этих инструментов, практически совпадают с параметрами выборки в целом (что объясняется уже многочисленностью этой группы).

Что касается лиц, пользующихся вкладами в Сбербанк или другой коммерческий банк, инвестирующих в ценные бумаги, ПИФы и в собственный бизнес, то они по своим социально-демографическим характеристикам заметно отличаются от “среднестатистического респондента” – эти люди обладают ощутимо большими социальными ресурсами, чем прочие россияне. Так, в этих группах намного чаще, чем по выборке в среднем, встречаются люди среднего возраста (31–50 лет), граждане с доходом свыше 5000 рублей на члена семьи в месяц, рес-

Наиболее “продвинутыми” регионами в плане пользования современными институциональными инструментами сбережения и инвестирования являются Москва, Республика Коми и Мурманская область

понденты с высшим образованием (особенно много таковых среди вкладчиков коммерческих банков) и жители Москвы (больше всего – среди владельцев ценных бумаг и ПИФов). Среди вкладчиков коммерческих банков (помимо Сбербанка) и владельцев собственного бизнеса мужчин больше, чем женщин (что отличает эти группы от всех остальных и от выборки, где наблюдается обратная ситуация). Наконец, любопытно отметить возрастные различия между представителями выделенных групп: так, среди вкладчиков Сбербанка в большей степе-

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	За последние год-два делали вложения в...				Не пользовались институциональными инструментами сбережения и инвестирования
		Сбербанк	другой коммерческий банк❖	ценные бумаги и ПИФы	свой бизнес	
Пол						
Мужской	48	45	58	52	58	48
Женский	52	55	42	48	42	52
Возраст						
18–25 лет	19	22	25	16	17	19
26–30 лет	9	12	16	9	16	9
31–40 лет	17	23	26	28	37	16
41–50 лет	26	25	23	29	25	26
51–60 лет	11	9	7	9	5	11
Старше 60 лет	19	9	3	9	0	19
Доход						
До 2000 руб.	17	12	8	7	11	19
От 2000 до 2600 руб.	18	14	6	10	8	19
От 2600 до 3500 руб.	18	16	10	12	9	19
От 3500 до 5000 руб.	14	16	12	15	10	14
Более 5000 руб.	25	34	52	46	48	22
Образование						
Ниже среднего	14	7	3	5	2	15
Среднее общее	30	25	20	16	22	32
Среднее специальное	39	42	34	44	40	38
Высшее	17	26	43	35	36	15
Тип населенного пункта						
Москва	8	17	20	23	11	5
Санкт-Петербург	3	2	4	2	4	3
Мегалополис	9	7	12	11	11	9
Большой город	17	16	17	16	18	17
Малый город	40	41	39	37	38	40
Село	24	16	9	11	16	26

❖ Оговоримся, что, несмотря на то, что по выборке в целом доля этих респондентов составляет 4%, детальный анализ этой группы возможен, так как общая выборка составляет 34 000, то есть размер группы – примерно 1360 человек; на таком массиве можно делать статистически достоверные выводы. Аналогичная ситуация с группой вкладчиков в ценные бумаги и собственный бизнес.

ни представлены граждане в возрасте 31–40 лет, среди вкладчиков других коммерческих банков – эта же группа и особенно молодежь (лица в возрасте до 30 лет), а среди обладателей собственного бизнеса наибольшую долю составляют те, кому 26–40 лет. То есть из приведенных данных видно, что чем большими социальными и материальными ресурсами обладает человек, тем активнее он использует современные рыночные инструменты – более доходные, но и более рискованные.

Следует также отметить, что вкладчики Сбербанка и других коммерческих банков, а также люди, вложившие деньги в ценные бумаги и в собственный бизнес, чаще остальных респондентов говорят об улучшении своего материального положения за прошедший год (27, 35, 27 и 40% соответственно против 20% по выборке в целом)¹² и чаще ожидают его улучшения в ближайшем году (31, 39, 33 и 48% соответственно против 24% по выборке)¹³.

Кроме того, граждане, пользующиеся тем или иным современным институциональным инструментом инвестирования, нередко параллельно используют и какой-либо другой инструмент. Так, среди вкладчиков коммерческих банков каждый пятый инвестирует в собственный бизнес, каждый шестой – имеет вклад в Сбербанке, 16% – вкладывают деньги в ценные бумаги и ПИФы. У пятой части владельцев ценных бумаг и паев в инвестиционных фондах есть вклады в Сбербанке или коммерческом банке, а 12% из них также вкладываются еще и в свой бизнес. А вот владельцы бизнеса чаще, чем представители прочих групп, склонны пользоваться услугами коммерческих банков (26%), 15% из них имеют счета в Сбербанке, 13% – вложения в ценные бумаги.

Финансовые инструменты: гипотетические предпочтения россиян и их мотивация

Выбор гражданами сберегательно-инвестиционных инструментов обуславливается целым набором различных факторов: это и доступность того или иного способа хранения и приумножения денег, и наличие определенного финансового опыта, и представления о выгодности и надежности тех или иных финансовых инструментов, и знание (а чаще – незнание) механизмов функционирования рынка и др. Посмотрим, как именно эти факторы влияют на выбор россиянами финансовых инструментов.

Мы поинтересовались у респондентов, как бы они распорядились крупной суммой денег, если бы у них таковая была и ее можно было бы не тратить в течение нескольких лет.

Как видно из приводимых на *графике 3* данных, наши сограждане в предложенной им гипотетической ситуации заметно чаще предпочитают не столько инвестиционные, сколько именно сберегательные стратегии (так же, как и в своем реальном опыте): первенство среди выраженных ими

¹² Вопрос: “Ваше материальное положение за последний год улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?”, распределение ответов по выборке: улучшилось – 20%, практически не изменилось – 54%, ухудшилось – 24%, затрудняюсь ответить – 2%.

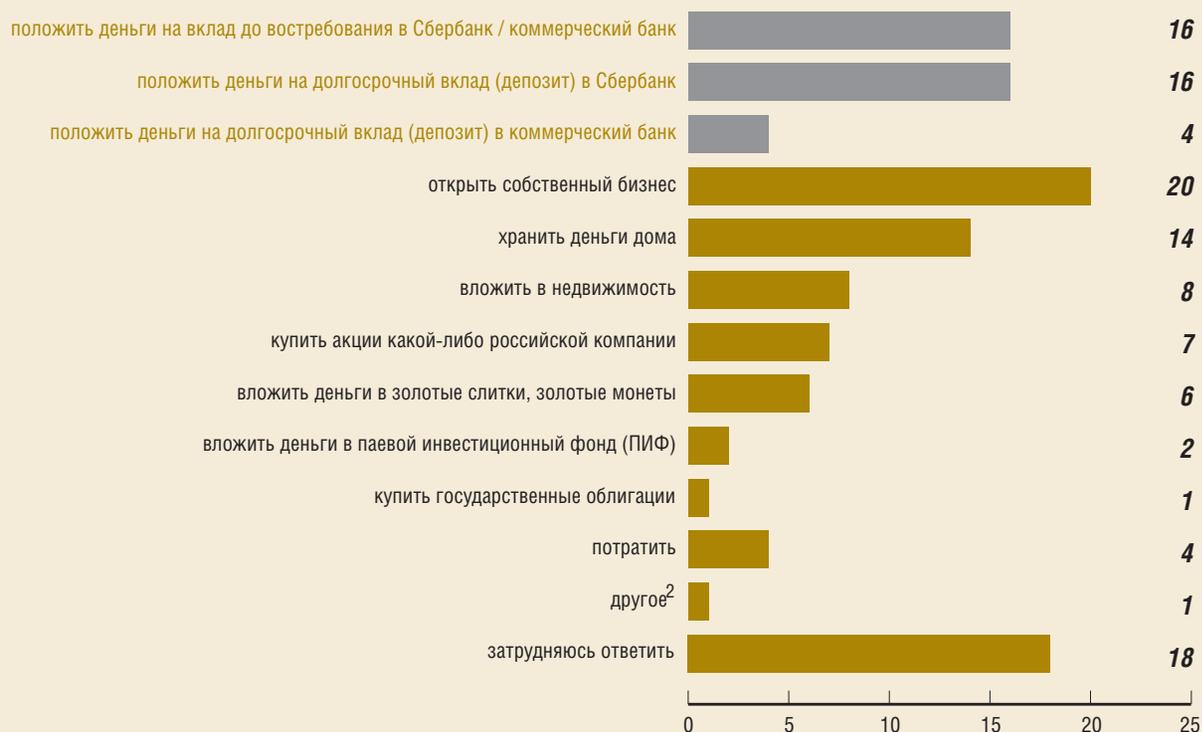
¹³ Вопрос: “Как Вы думаете, в ближайший год Ваше материальное положение вероятнее всего улучшится, ухудшится или практически не изменится?”, распределение ответов по выборке: улучшится – 24%, практически не изменится – 40%, ухудшится – 16%, затрудняюсь ответить – 21%.

предпочтений принадлежит **банковскому вкладу** – его в том или ином виде отметили 34% респондентов. Весьма популярным оказалось хранение денег **дома** (14%, третье место в иерархии), 6% опрошенных предпочитают вложения в золото, 1% – в государственные облигации, в целом же инструменты, которые можно определить как в чистом виде “сберегательные”, предпочли 51% россиян.

Ориентация респондентов в первую очередь на “сбережение” (а не на приумножение) денег выводит на первое место в мотивации выбора того или иного финансового инструмента такой критерий, как надежность.

Так, “вкладчики”, как это видно из графика, среди банков чаще всего выбирают Сбербанк – 16% предпочитают сделать туда долгосрочный вклад, еще столько же, хотя и выбрали позицию “положить деньги на вклад до востребования в Сбербанк/коммерческий банк”, судя по всему, подразумевают также в большей степени именно Сберегательный банк. Это предположение подтверждают

Представьте, что у Вас есть крупная сумма денег, которую Вы можете не тратить на повседневные нужды в течение нескольких лет. Какой или какие из перечисленных вариантов Вы бы предпочли? (Карточка. Не более трех ответов)¹

¹ В вопросе предлагалась карточка с ответами, включающая в себя все варианты, перечисленные на графике, кроме позиций “недвижимость” и “потратить”. Респондент мог назвать свой вариант ответа, помимо перечисленных на карточке, эти варианты записывались, а затем кодировались – отсюда появление вариантов “недвижимость”, “потратить” и “другое”.

² В позицию “другое” вошли самые разнообразные ответы респондентов, не совпадающие с предложенными в карточке позициями и вариантами “недвижимость” и “потратить”, например: “в накопительную часть пенсии”, “дать в долг под проценты”, “оставила бы на похороны и купила бы хорошие лекарства” и т. п. Стоит отметить, что в этих репликах респондентов крайне редко упоминались какие-то иные финансовые инструменты инвестирования, помимо перечисленных на графике, а такие совсем уж “экзотические” варианты, как вложения в антиквариат или предметы искусства, не звучали вовсе. Поэтому в дальнейшем мы сконцентрируем внимание только на тех инструментах, которые пользуются хотя бы какой-то популярностью среди населения.

График 3. Гипотетические инвестиционные стратегии россиян (% от опрошенных)*

* Общероссийский опрос населения от 18–31 августа 2006 года (1954 населенных пункта, 69 субъектов РФ, 34 500 респондентов).

результаты другого опроса¹⁴, где респондентам был задан аналогичный вопрос и варианты ответов были те же, что и в опросе от 18–31 августа 2006 г., за одним исключением – там были разделены две позиции: “положить деньги на вклад до востребования в Сбербанк” (ее предпочли 18% опрошенных) и “положить деньги на вклад до востребования в коммерческий банк” (3%).

Вклад в Сбербанк кажется россиянам наиболее надежным на фоне остальных финансовых инструментов, главным образом благодаря широко распространенному представлению, что этот банк – государственный. Так, в одном из опросов¹⁵ мы поинтересовались у респондентов, знают ли они, что Сбербанк – это частная компания с государственным участием, ОАО; осведомленными об этом обстоятельстве оказались лишь 23% опрошенных, а большинство (57%) были уверены, что это полностью государственный банк (еще 3% считали Сбербанк полностью частным банком, а 17% затруднились с ответом).

И в ответах на открытый вопрос, почему они вложили бы средства именно в Сбербанк¹⁶, респонденты чаще всего (две трети ответивших) выражают уверенность в “государственном статусе” последнего.

“Банк этот более надежный, государственный”; “больше доверия к государственному учреждению”; “больше некому доверять – этот банк под контролем государства”; “государство более надежно, хоть и обманывало нас”.

Кто-то из респондентов считает Сбербанк более надежным из-за того, что вклады в нем застрахованы (“дают компенсацию, если пропадут”), а для кого-то это более надежный способ по сравнению с хранением денег дома (“дома деньги страшно держать”; “дома могут обворовать”), но такие мотивы звучат уже намного реже (об этом говорит каждый седьмой предпочитающий Сбербанк).

А вот возможная выгода от вложения средств в Сбербанк мотивирует куда меньшую долю опрошенных – о ней говорил лишь каждый шестой ответивший на открытый вопрос.

“Если положить на проценты, то можно еще и прибыль получить”; “там все-таки годовой процент, польза была бы”; “там неплохой процент”.

Наконец, единицы озвучивали и иные мотивы предпочтения вкладов в Сбербанк: привычка и удобство (“ближе”; “пенсию туда переводят”; “удобнее”;

Граждане, пользующиеся вкладами в Сбербанк или другой коммерческий банк, инвестирующие в ценные бумаги, ПИФы и в собственный бизнес, обладают ощутимо большими социальными ресурсами, чем прочие россияне

¹⁴ Общероссийский опрос населения от 13–14 января 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

¹⁵ Общероссийский опрос населения от 13–14 января 2007 года.

¹⁶ В общероссийском опросе от 22–23 июля 2006 года респондентам был задан закрытый вопрос: “Представьте, что у Вас есть крупная сумма денег, которую Вы можете не тратить в течение нескольких лет. Какой из перечисленных вариантов Вы бы предпочли?”, можно было выбрать только один ответ из следующих вариантов: “положить деньги на счет в Сбербанке” (37%), “положить деньги на счет в другом банке” (4%), “купить акции какой-либо крупной компании” (9%), “вложить деньги в паевой инвестиционный фонд (ПИФ)” (2%), “хранить деньги дома” (11%), “другое” (17%), “затрудняюсь ответить” (20%). Затем респондентам был задан открытый вопрос, почему они выбрали именно такой способ распорядиться деньгами. Ответы на этот вопрос рассматриваются здесь и далее.

“Сбербанк, он привычен для меня”; “это знакомо”), неосведомленность о других способах сохранения денег (“а куда еще можно положить? Мы больше не знаем ничего и никого”; “в остальном плохо разбираюсь”).

Среди тех, кто предпочитает **хранить наличные деньги дома**, большинство (так же, как и среди выбравших вклад в Сбербанк) убеждены, что это наиболее надежный способ сберечь средства (“дома спокойнее”; “самое надежное место – дом”; “хранить дома – это лучше всего, надежно”), при этом финансовые инструменты и институты не вызывают у этих респондентов доверия.

“Не доверяю никакой организации”; “банки могут прогореть”; “можно обанкротиться, все банки ненадежны”; “никакому банку нет веры”; “я не доверяю Сбербанкам”; “банки несколько раз обманывали нас”; “не раз обманывали людей, я потеряла все уже – все сбережения”.

Кроме того, среди мотивов выбора именно такого способа хранения сбережений некоторые упоминали и то, что в этом случае деньгами можно воспользоваться в любой момент.

“В любое <время> взял бы и приобрел что-нибудь”; “всегда под рукой”; “лень куда-то идти”; “чтобы сразу можно было их использовать”.

Граждане, выбирающие из предложенного “набора” вложения в ценные бумаги, ПИФы, а также вклады в коммерческие банки, в отличие от предпочитающих Сбербанк и “чулок”, в основном аргументируют свои предпочтения тем, что использование этих финансовых инструментов может принести прибыль; для них это в первую очередь инвестиции, а не сохранение средств. Так, из реплик явного большинства тех, кто выбрал вложения в акции, явствует, что они в этом случае рассчитывали бы на прибыль.

“Больше денег можно выручить за дивиденды”; “в банке процент мал”; “выгоднее всего”; “на данный момент акции покупать выгодно”; “деньги должны работать и приносить доход”; “для получения процентов”.

Для небольшой части тех, кто выбирает вложения в акции, это способ долгосрочного инвестирования (“для будущего”; “для детей, внуков”); единицы считают, что акции – “это более надежно, чем банки”.

На вложения в **коммерческий банк** в основном ориентируются те, кто хочет, “чтобы деньги не потеряли своей ценности”; “чтобы набежал процент”, и кто убежден, что в коммерческих банках прибыль выше, чем в Сбербанке (“в других банках больше проценты”).

Аргументы тех, кто из предложенного набора финансовых инструментов выбрал **ПИФы**, также сводятся к ожи-

данию прибыли (“выгодней, чем вклад в банки”; “дают больший процент дохода”); кроме того, кому-то этот инструмент представляется весьма надежным (“в паевом фонде если у одного убытки, то у другого прибыль, и в целом нормально”; “в ПИФе одна компания другую подстраховывает”). Из приведенных реплик респондентов видно, что этот способ предпочитают люди, более или менее компетентные в деятельности паевых фондов.

А вот о мотивах тех, кто при ответе на вопрос, куда они вложили бы свободные деньги, выбирает ответы “вложить в недвижимость” или “открыть собственный бизнес”, стоит поговорить отдельно.

Вклад в Сбербанк кажется россиянам наиболее надежным на фоне остальных финансовых инструментов главным образом благодаря широко распространенному представлению, что этот банк – государственный

Совершенно очевидно, что для подавляющего большинства россиян такой способ инвестирования, как вложения в **недвижимость**, сегодня просто недоступен, так как предполагает слишком высокий для рядовых граждан финансовый “порог вхождения” в эту сферу инвестиций. Более того, большинство из них не только не имеют возможности вкладывать “свободные средства” в недвижимость с целью их сохранения и приумножения, но даже не могут просто приобрести недвижимость для того, чтобы решить свои насущные жилищные проблемы. Так, сегодня 70% россиян, по их словам, нуждаются в улучшении жилищных условий и покупке квартиры, однако подавляющее большинство из этих респондентов (или 58% по выборке в целом) уверены, что не смогут этого сделать в ближайшие три-пять лет; всего 6% считают, что смогут приобрести себе квартиру или дом, и еще 6% оценивают свои шансы на покупку жилья как “50% на 50%”¹⁷.

Более того, те респонденты, которые при ответе на вопрос, как бы они распорядились крупной суммой денег, назвали вариант “недвижимость”¹⁸ (напомним, таковых набралось 8%), вели речь не столько об инвестиции, сколько о решении конкретной проблемы с жильем для себя или своих родственников: “квартиру куплю”, “в жилье детям”, “строительство собственного дома”, “дочери квартиру”, “достроила бы дом”, “жилье детям купила бы”. То есть для многих, особенно тех, кто нуждается в улучшении своих жилищных условий, покупка недвижимости является не инструментом **накопления** денег, а целью их **траты**.

Вместе с тем вложения в недвижимость интерпретируются нашими согражданами и как способ инвестирования, причем в сознании многих этот способ выглядит весьма выгодным из-за постоянного роста цен на “квадратные метры”. Кроме того, этот вариант представляется надежным, так как он предполагает наличие вполне осязаемой собственности (в отличие от виртуального счета в банке или малонадежных “бумажек” – акций и пр.). Так, когда респондентам был задан вопрос: “Если бы у Вас попросили совета, в какой форме сегодня надежнее хранить свои сбережения, то что бы Вы ответили?”¹⁹, именно ответ “вкладывать в недвижимость” звучал чаще всех прочих – 37% (причем аналогичные результаты получают и другие исследователи²⁰). Однако, повторим еще

Выбор вложений в ценные бумаги, ПИФы, а также вкладов в коммерческие банки в основном обусловлен тем, что использование этих финансовых инструментов может принести прибыль

¹⁷ Общероссийский опрос населения от 10–28 февраля 2006 г. (1954 населенных пункта, 69 субъектов РФ, 34 500 респондентов). Вопрос: “Вы бы хотели или не хотели купить себе квартиру или дом? И если хотели бы, то насколько вероятно, что Вам, Вашей семье удастся в течение ближайших трех-пяти лет купить квартиру или дом?”.

¹⁸ Отметим, что мы сознательно не стали включать этот вариант ответа в карточку, а оставили респондентам возможность самим назвать его: тех опрошенных, кто выбрал позицию “другое”, просили расшифровать, что они имеют в виду – именно здесь и можно было назвать “недвижимость”.

¹⁹ Общероссийский опрос населения от 17–18 июля 2004 г. (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

²⁰ В частности, в исследовании Левада-центра в 2005 году был задан вопрос: “В какой форме сейчас, на Ваш взгляд, наиболее выгодно и безопасно хранить свои сбережения, накопления?” Вариант “в недвижимости” был самым распространенным – 36%, далее ответы распределились следующим образом: “на счету в Сбербанке” – 24%, “в наличных деньгах” – 13%, “на счету в коммерческом банке” – 2%, “в акциях предприятий” – 2%, “в золоте, драгоценностях” – 8%.

<http://www.levada.ru/ecsavings.html>

раз, несмотря на всю свою привлекательность, этот инструмент сегодня доступен для очень небольшой доли респондентов.

Как и в случае с недвижимостью, далеко не все из тех, кто, отвечая на вопрос о распоряжении гипотетической крупной суммой денег, выбрал позицию **“открыть собственный бизнес”** (всего по выборке, напомним, – 20%), рассматривают такое вложение средств именно как финансовый инструмент – ин-

терпретируют его как инвестицию, способ организации сбережений только половина из тех, кто предпочитает такой вариант. Эти респонденты видят в таком вложении денег способ извлечения прибыли (*“чтобы сохранить и приумножить”*; *“это путь быстрого накопления денег”*; *“можно получить большие проценты с этого”*), создания своего рода капитала на будущее (*“чтобы обеспечить себе достойную старость и помочь детям”*; *“чтобы было какое-то будущее”*); некоторые считают его более надежным по сравнению с другими способами хранения и умножения денег (*“другим видам вложений нет доверия”*; *“акциям, облигациям, банкам не доверяю”*; *“это самое надежное вложение денег”*).

Большинство россиян не только не имеют возможности вкладывать “свободные средства” в недвижимость с целью их сохранения и приумножения, но даже не могут просто приобрести недвижимость для того, чтобы решить свои насущные жилищные проблемы

Для другой половины выбравших этот вариант ответа его привлекательность обусловлена совсем иными факторами, нежели инвестиционный потенциал такого способа вложения денег. Эти респонденты просто мечтают о собственном бизнесе как о роде занятий, обладающем, по их мнению, большими преимуществами по сравнению с другими вариантами занятости: одни говорят о желании работать на себя, а не “на дядю” (*“хочу только на себя работать”*; *“чтобы на себя работать, а не на кого-то”*; *“я – хозяин своего дела”*), другие надеются, что свой бизнес будет приносить стабильный заработок и обеспечит работой (*“всегда будут работа и деньги”*; *“это будет постоянный доход”*; *“государственной работы нет”*), третьи связывают с этим мечты и надежды на профессиональную самореализацию (*“мечта”*; *“реализовать свои возможности”*; *“лучше проявить себя в жизни”*; *“у меня есть шанс показать себя”*).

Реальный опыт и гипотетические предпочтения финансовых инструментов

Теперь рассмотрим, как сказывается на выборе гипотетической стратегии организации сбережений реальный **опыт обращения** с различными финансовыми инструментами. Судя по приводимым ниже данным, уже опробованный инструмент выглядит, как правило, более привлекательным. Кроме того, граждане, пользовавшиеся какими-либо современными инвестиционно-сберегательными инструментами, более расположены и к другим – пусть пока и не опробованным (табл. 3).

Так, респонденты, имеющие пенсионный вклад в Сбербанке (большинство из них – неработающие пенсионеры), в своих сберегательных стратегиях наиболее консервативны и предпочитают вложения именно в Сбербанк. Пользующиеся непенсионным вкладом в Сбербанке помимо ориентации на уже знакомый способ организации сбережений чаще, чем респонденты в среднем, до-

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	За последние год-два делали				
		пенсионный вклад в Сбербанк	вклад в Сбербанк	вклад в коммер- ческий банк	вложения в ценные бумаги и ПИФы	вложения в свой бизнес
Представьте, что у Вас есть крупная сумма денег, которую Вы можете не тратить на повседневные нужды в течение нескольких лет. Какой или какие из перечисленных вариантов Вы бы предпочли? (Карточка. Не более трех ответов)*						
Вклад до востребования в Сбер- банк / коммерческий банк	16	23	20	15	15	6
Долгосрочный вклад (депозит) в Сбербанк	16	25	26	14	23	10
Долгосрочный вклад (депозит) в коммерческий банк	4	3	6	15	7	5
Открыть собственный бизнес	20	12	28	39	27	59
Хранить деньги дома	14	12	9	4	7	8
Купит акции	7	8	12	18	21	13
Вложить деньги в (ПИФ)	2	2	5	8	7	8
Купит государственные облигации	1	1	2	3	4	4
Вложить в недвижимость	8	8	9	7	8	6
Вложить деньги в золотые слитки, золотые монеты	6	6	8	13	9	15
* Общероссийский опрос населения от 18–31 августа 2006 года (1954 населенных пункта, 69 субъектов РФ, 34500 респондентов)						

пускают для себя возможность инвестиций в собственный бизнес и ценные бумаги. Вкладчики иных коммерческих банков, естественно, предпочитают уже проверенный вариант, но при этом проявляют интерес и к другим современным инвестиционным инструментам – вложениям в бизнес, акции, золото, ПИФы. Владельцы паев в инвестиционных фондах чаще “среднего респондента” выбирают, с одной стороны, довольно рискованные, но прибыльные инструменты (вложения в бизнес и акции), а с другой стороны – более консервативные и надежные (депозит в Сбербанке). Вероятно, эти респонденты, даже рассуждая о гипотетических стратегиях инвестирования, пытаются соотносить риски своих капиталовложений и диверсифицировать средства; что любопытно, ПИФы среди них выбрали бы немногие. Респонденты, имеющие свой бизнес, в первую очередь предпочли бы делать вложения именно в него (более половины из этой группы); чаще, чем в среднем, их также привлекают акции, ПИФы и вложения в золото, а вот к Сбербанку здесь проявляют наименьший

интерес. Примечательно, что привлекательность такого вида организации сбережений, как вложения в недвижимость, мало зависит от наличия или отсутствия у людей опыта использования современных инвестиционно-сберегательных инструментов.

Интерес к экономической информации и гипотетические предпочтения финансовых инструментов

Выше мы уже отмечали, что некоторые из респондентов, предпочитающих вклад в Сбербанк всем прочим вариантам хранения денег, мотивируют свой выбор тем, что просто не знают, какие еще бывают способы. Судя по всему, подобная некомпетентность может распространяться весьма широко и оказывать, в свою очередь, влияние на выбор той или иной стратегии организации домашних финансов. Уровень **информированности россиян и их интереса к экономической информации** в целом и к темам, касающимся различных сберегательно-инвестиционных инструментов в частности, нельзя назвать высоким. Так, например, половина респондентов (51%) заявили, что не интересуются сообщениями о том, что происходит в экономике; информация такого рода вызывает интерес у 45% опрошенных²¹. При этом, согласно данным того же опроса, доля граждан, заявляющих об интересе к конкретным сюжетам, которые могут иметь практическое значение для потенциального участника инвестиционной жизни, еще меньше: так, курсом рубля по отношению к валюте интересуются, по их словам, 21% россиян, ситуацией в российской промышленности – 19%, колебаниями цен на нефть – 14%, налоговым законодательством – 13%, покупкой и продажей российских предприятий, а также

положением дел в малом и среднем бизнесе – по 7% опрошенных, ситуацией в банковской сфере – 3%, а курсами акций российских и иностранных предприятий – 4% россиян.

Весьма невелика доля тех, кто хоть в какой-то мере интересуется положением дел на фондовом рынке: только 9% опрошенных постоянно или часто уделяют внимание информации об этом, 24% редко интересуются такими сюжетами, тогда как 40% не обращают внимания на новости о ситуации на фондом рынке, а 23% заявляют, что такие новости и вовсе не попадают в СМИ²².

При этом степень интереса к подобной информации существенно выше у тех респондентов, которые пользуются наиболее современными и рискованными инвестици-

онно-сберегательными инструментами: среди лиц, имеющих вклады в коммерческом банке, вложения в ценные бумаги, ПИФы или свой бизнес, доля тех, кто постоянно следит за ней или часто уделяет ей внимание, составляет 23, 30 и 22% соответственно (против 9% по выборке).

²¹ Общероссийский опрос населения от 23–24 апреля 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

²² Общероссийский опрос населения от 18–31 августа 2006 года.

Опробованный инструмент сбережения и инвестирования выглядит, как правило, более привлекательным. Кроме того, граждане, пользовавшиеся какими-либо из современных инструментов, более расположены и к другим — пусть пока и не испробованным

Социально-демографическая и географическая специфика гипотетических предпочтений финансовых инструментов

Предпочтение респондентами того или иного инструмента связано и с их социально-демографическими характеристиками. Судя по данным опроса, респонденты, предпочитающие наиболее прибыльные, но и наиболее рискованные инвестиционные инструменты (*вложения в акции, ПИФы, свой бизнес*), как правило, обладают большими социальными ресурсами, в том числе и финансовыми: среди них больше, чем по выборке в среднем, мужчин (58, 54 и 54% против 48%), лиц не старше 30 лет (41, 37 и 50% против 28%), обладателей высшего образования (26, 38 и 23% против 17%) и граждан с доходами свыше 5000 рублей на человека в месяц (37, 45 и 34% против 25%). Во многом похожи на вышеописанные группы те, кто предпочел бы положить свои деньги на депозит в коммерческий банк: здесь также большинство – мужчины (56%), лица в возрасте до 30 лет включительно (40%), с высшим образованием (26%) и относительно высоким доходом (44%).

А вот среди ориентирующихся на депозиты Сбербанка чаще встречаются женщины (57% против 52% по выборке), в остальном же по своей структуре эта группа мало отличается от выборки. Респонденты, предпочитающие вложения в золотые слитки и монеты (консервативный, хотя достаточно надежный и доходный инструмент), также относятся к высокоресурсным категориям граждан – здесь 55% мужчин, 44% респондентов не старше 30 лет, больше, чем в среднем по выборке, обладателей среднего специального (45% против 39%) и высшего образования (23% против 17%) и дохода от 5000 рублей (37% против 25%).

Среди упоминающих в этом контексте государственные облигации больше мужчин (59%), однако возраст здесь преобладает средний (31–49 лет) – 54% против 42% по выборке; здесь также больше граждан с доходом от 3500 до 5000 рублей (20% против 14% по выборке) и тех, чьи доходы превышают 5000 рублей (40% против 25%).

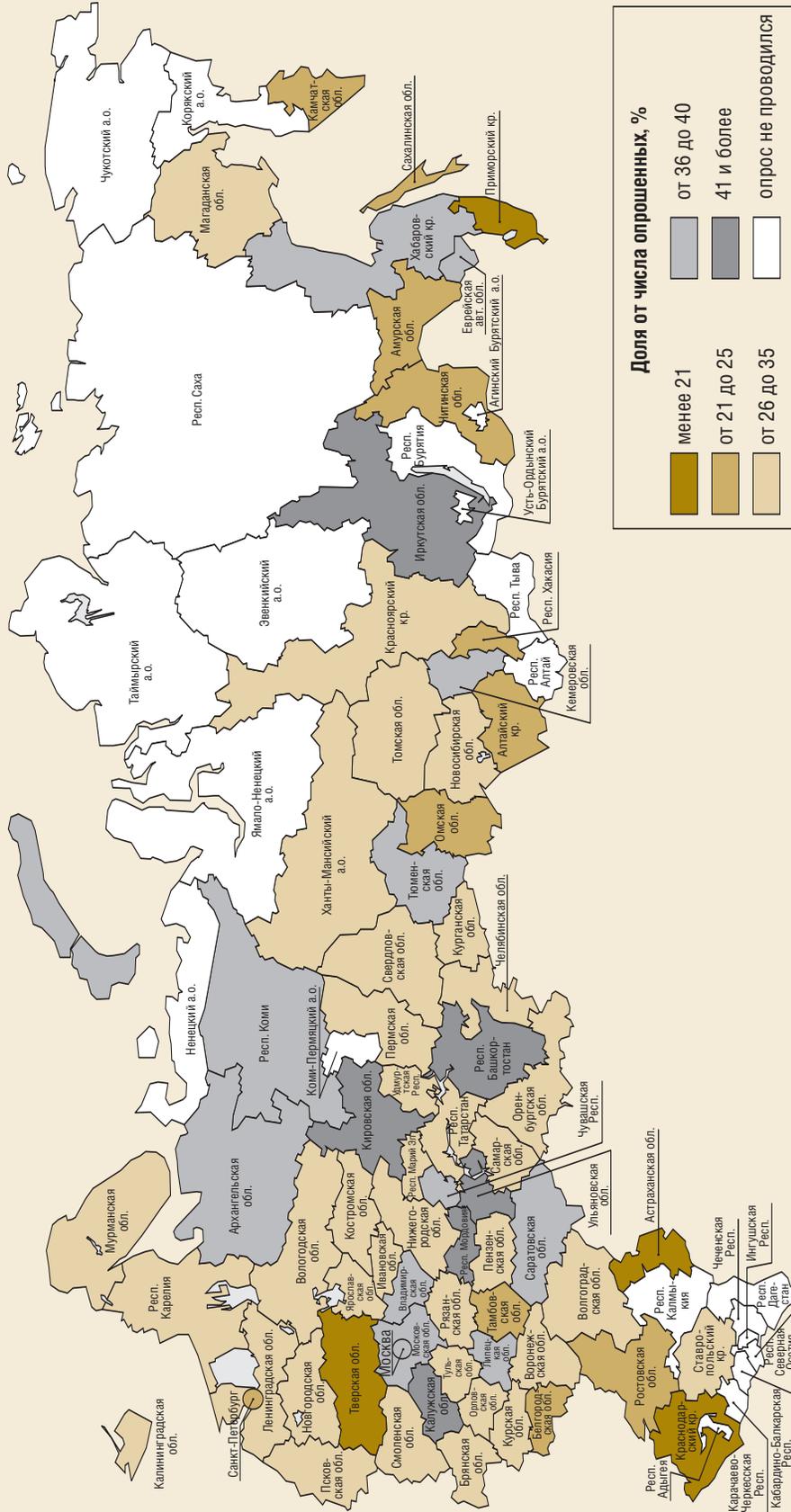
Участники опроса, назвавшие в качестве гипотетической стратегии вложения денег вариант “недвижимость”, ничем, кроме возраста, от “среднего респондента” не отличаются – в этой группе преобладают лица в возрасте от 40 до 60 лет (44% против 36% по выборке).

Наконец, рассмотрим географическую специфику распределения предпочтений, отдаваемых тем или иным гипотетическим стратегиям организации денежных средств (карты 2, 3, 4).

Ориентация на вложения в Сбербанк оказалась шире всего распространена в регионах Приволжья – Башкортостане и Ульяновской области (где по 45% респондентов вложили бы крупную сумму денег именно в этот банк), Кировской области (42%), Мордовии (41%), Чувашии и Саратовской области (по 38%). Большая доля “поклонников” вкладов в Сбербанк обнаруживается также в Иркутской (42%), Калужской (41%), Архангельской (40%), Липецкой (39%), Владимирской (38%), Тюменской (37%) и Кемеровской областях (36%), а также Хабаровском крае (40%). При этом показатели интереса респондентов из этих регионов

Как правило, в регионах заметно тяготение только к какому-нибудь одному инвестиционно-сберегательному инструменту; регионы, в которых популярны сразу несколько таких инструментов, встречаются крайне редко

**Вклад “до востребования” или долгосрочный депозит в Сбербанке
(31% по выборке)***

Карта 2. Ориентация на вклад в Сбербанке (% от опрошенных)

* Общероссийский опрос населения от 18–31 августа 2006 года (1954 населенных пункта, 69 субъектов РФ, 34 500 респондентов)

к другим инструментам сбережения и приумножения денег не отличаются от средних значений по выборке. Исключение составляют два субъекта Федерации – Башкортостан, где респонденты чаще, чем в среднем по стране, из гипотетических стратегий выбирают не только Сбербанк, но также “свой бизнес” (28% против 20% по выборке) и покупку акций (18% против 7%), а также Саратовская область, где “повышены” доли респондентов, вложивших бы крупную сумму денег в акции (14%), и предпочитающих хранить деньги дома (19% против 14% по выборке).

“Лидерами” по количеству респондентов, предпочитающих среди разных стратегий сбережения и инвестиций *покупку акций*, помимо уже упомянутых Башкортостана и Саратовской области, являются Ханты-Мансийский АО (где доля таковых составила 15% против 7% по выборке), Астраханская (16%) и Тамбовская области (12%).

Ориентация на *собственный бизнес* ярче выражена в Южном федеральном округе, особенно в Краснодарском крае, где этот вариант ответа выбрали 31% опрошенных (против 20% по выборке), и на Ставрополье (30%), в южных регионах Центрального округа – Тамбовской и Орловской областях (по 27%), в Белгородчине (26%), а также в Хакасии (27%).

В регионах Зауралья и Сибири выше среднего показателя доли тех, кто предпочел бы вложить крупную сумму денег (если бы таковая у них была) в *недвижимость*: в Томской области – 23% (против 8% по выборке), в Новосибирской – 16%, Ханты-Мансийском АО – 15%, Магаданской области – 14%, Тюменской – 13%; высока доля таких респондентов также в Ставропольском крае (14%).

Наконец, сторонников наиболее консервативного способа организации сбережений, а именно *хранения наличных денег дома*, больше в регионах Центрального и Северо-Западного округов: в Тверской области их 34%, в Псковской – 30%, Тульской, Брянской и Смоленской областях – по 21%, Вологодской – 20%, Ярославской, Ленинградской и Архангельской – по 19%; также больше “инвестиционных консерваторов” в республиках Татарстан и Марий Эл (по 21%).

Стоит отметить, что значимой региональной специфики в распространенности таких инструментов, как *вклады в коммерческие банки, вложения в ПИФы, покупка золота или государственных облигаций*, не наблюдается – ориентации на каждый из этих способов сбережения и инвестиций распространены во всех регионах более или менее равномерно.

Как правило, в регионах заметно тяготение только к какому-нибудь одному инвестиционно-сберегательному инструменту; регионы, в которых значимо превышены в сравнении со средними показателями доли респондентов, предпочитающих сразу несколько таких инструментов, встречаются крайне редко. К ним относятся упоминавшиеся выше Башкортостан и Саратовская область, а также Тамбовская область (где превышают среднестатистические значения доли предпочитающих *акции* и *свой бизнес*) и ХМАО (где чаще среднего встречаются граждане, ориентированные на *акции* и *недвижимость*).

Сегодня в структуре накоплений россиян лидируют банковские вклады, существенно отстают от них сбережения в наличности, а наименее популярными являются вложения в ценные бумаги

---

* * *

Итак, сегодня лишь примерно четверть респондентов заявляют о наличии у них сбережений. Количество тех, кто, по данным исследования, пользуется современными институциональными инструментами организации сбережений (хранит их в банке или инвестирует в ценные бумаги, ПИФы или свой бизнес), еще меньше и составляет примерно пятую часть от всех опрошенных. При этом доля граждан, которые за последние год-два не пользовались никакими институциональными финансовыми инструментами сбережения, наоборот, весьма значительна – 79% респондентов.

Среди используемых инструментов по распространенности лидируют банковские вклады (причем вложения в Сбербанк доминируют над вложениями в коммерческие банки). Вложения в ценные бумаги, ПИФы, собственный бизнес распространены пока очень мало, однако граждане, пользующиеся этими инструментами, обладают большими социальными ресурсами, нежели прочие – это чаще мужчины, люди молодые, образованные, относительно

обеспеченные и уверенные в своем материальном благополучии. Эти люди не только обращаются к более рискованным финансовым инструментам, но и активнее диверсифицируют свои средства, используя одновременно несколько способов организации своих накоплений. Причем молодые люди чаще делают вклады в коммерческие банки, а люди среднего возраста – помещают сбережения в ценные бумаги и вкладывают их в бизнес.

Предпочтение (как реальное, так и гипотетическое) того или иного способа организации сбережений обусловлено целым рядом факторов. В частности, к таким факторам относятся доступность того или иного инструмента. Так, сегодня россияне склонны считать самым надежным и выгодным способом хранения денег недвижимость, однако подавляющее большинство граждан не могут себе позволить не только воспользоваться этим инструментом именно как способом инвестиции, но даже и просто улучшить свои жилищные условия, в чем многие нуждаются. Свой бизнес, очень популярный среди граждан в качестве предпочтительного инструмента сбережения средств, тоже многим недоступен в силу того, что требует не только финансовых, но и социальных, временных, профессиональных, психологических ресурсов, каковыми обладают далеко не все.

Более доступными для рядовых россиян выглядят банковские вклады и в меньшей степени – вложения в ценные бумаги и ПИФы (степень доступности последних двух вариантов ограничивается как материальными возможностями граждан, так и уровнем их информированности о механизмах функционирования этих инструментов). По степени популярности лидирует Сбербанк. Его основное преимущество, в представлении респондентов, – надежность по сравнению с другими банками и прочими способами вложений; это обусловлено тем, что россияне в своих предпочтениях ориентируются в первую очередь на сбережение (а не на приумножение) денег, отсюда и выбор в большей степени сберегательных, а не инвестиционных стратегий. Те же,

Более доступными для рядовых россиян выглядят банковские вклады и в меньшей степени – вложения в ценные бумаги и ПИФы (степень доступности последних двух вариантов ограничивается как материальными возможностями граждан, так и уровнем их информированности о механизмах функционирования этих инструментов). По степени популярности лидирует Сбербанк. Его основное преимущество, в представлении респондентов, – надежность по сравнению с другими банками и прочими способами вложений; это обусловлено тем, что россияне в своих предпочтениях ориентируются в первую очередь на сбережение (а не на приумножение) денег, отсюда и выбор в большей степени сберегательных, а не инвестиционных стратегий. Те же,

кто выбирает акции, ПИФы или коммерческие банки, больше ориентированы на извлечение прибыли; при этом фактор надежности для них отступает на второй план.

Наличие определенного финансового опыта также оказывает влияние на предпочтения граждан. Как правило, уже опробованный инструмент выглядит более привлекательным; при этом люди, использовавшие те или иные современные инвестиционно-сберегательные инструменты, более расположены и к другим, в том числе и не испробованным. Уровень информированности о современных экономических реалиях и компетентности в этой сфере также коррелирует с предпочтениями тех или иных сберегательных инструментов.

Сегодня исследования свидетельствуют о росте объемов сбережений у населения. Однако из приведенных данных видно, что консервативные инструменты организации накоплений преобладают – и в массовых практиках, и в предпочтениях граждан – над более современными (и более рискованными), а обращение к последним пока что требует от людей не только финансовых, но и образовательных, информационных и даже психологических ресурсов. Не способствует распространению современных инвестиционных практик и отсутствие традиций и навыков инвестирования, а также общее недоверие к финансовым институтам (появившееся у части наших сограждан в том числе и вследствие негативного опыта взаимодействия с таковыми в 90-е годы). Вместе с тем слой инвесторов – людей, вкладывающих средства в акции, ПИФы, собственный бизнес, – сегодня, хотя и узок, но уже существует. О том, каковы его перспективы в российском обществе, – в одном из следующих номеров нашего журнала. ■

Литература

- Furnham A., Argyle M.* The Psychology of Money. London; New York: Routledge, 1998.
- Furnham A.* Why do people save? Attitudes to, and habits of saving money in Britain // Journal of Applied Social Psychology. 1985. No.15 (4).
- Lunt P. K., Livingstone S. M.* Mass Consumption and Personal Identity: Everyday Economic Experience. Buckingham, U.K.: Open University Press, 1992.
- Sheffrin H. M., Thaler R. H.* An Economic Theory of Self-Control // NBER Working Papers. No. 208. 1978.
- Van Veldhoven Gery M., Groenland Edward A. G.* Exploring saving behavior: a framework and a research agenda // Journal of Economic Psychology. 1993. Vol. 14. Issue 3. P. 507–522.
- Warneryd K.-E.* The Psychology of Saving. Cheltenham, UK; Northampton, USA: Edward Elgar Publishing, 1999.
- Ослон А., Мишкинене Ю., Галицкий Е., Седнев В.* “Гражданин инвестор” – новый исследовательский проект Фонда “Общественное мнение”. // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 25–37.
- Кузина О. Е.* Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 3. С. 82–105. Мониторинг финансовой активности населения России (проект “МФАН”). Вып. 6. Динамика финансовой активности населения России 2000–2006. Циркон. Москва, 2006.

И. Шмерлина

Что такое провинция?

“Где жизнь течет без суеты...”

Реплика респондента

В гуманитарном лексиконе слово “провинция” отзывается щемящей грустью. Этот концепт “трудно описать, невозможно замерить, нельзя пощупать”, и между тем провинция “все равно безошибочно узнаваема – по неизгояемому духу русской литературы, по левитановской прелести пейзажей, по выживающим из последних сил и всегда полным театрам, по чудом сохранившимся библиотекам и любовно лелеемым краеведческим музеям. По застенчивой гордости провинциалов, по тому, что жизнь в ней продолжается своим тихим стоическим чередом”, – пишет один из ведущих гуманитарных журналов страны¹.

Действительно, концепт “провинция” – из тех, что не замеряются непосредственно. Его, безусловно, “нельзя пощупать”, однако описать – вполне возможно. В опросе, результаты которого представлены ниже², нас интересовали обыденные описания – те коннотации, ассоциации, образы, эмоции, которые возникают у людей, когда они слышат слово “провинция”.

Оказалось, что в массовых представлениях о провинции доминирующими являются не лирико-романтические настроения, а территориально-ресурсный подход, основанный на противопоставлении центра и периферии.

В целом реконструкция тех смыслов, которые прозвучали в совокупности ответов людей на открытый вопрос *“Что такое провинция, по Вашему мнению? Как Вы это понимаете?”*, позволила выделить шесть основных критериев, которыми люди пользуются, определяя место этого слова в своем словаре.

Подход, построенный на основе территориальной оппозиции *“Провинция – Центр”*. Ответы, реализующие его, в своей совокупности дают некоторый континуум.

⇒ По мнению 15% россиян, провинция – это территории, расположенные *“вдали от крупных городов”*. Некоторые респонденты указывали даже конкретные параметры удаленности – например, *“все, что дальше 150 километров от крупного города”*.

⇒ Для части россиян подобной точкой отсчета является вполне определенный крупный город – столица: *“все, что дальше от Москвы на 200 километров, наш город”*; *“далеко от столицы”*; *“отдаленный от столицы город”*.

¹ От редакции // Отечественные записки. 2006. № 5.

² Общероссийский опрос населения от 28–29 октября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

- ⇒ “Столичный критерий” наиболее четко сформулирован в ответах 7% респондентов, определявших провинцию как *“всю Россию, кроме Москвы”*, а также, в ряде случаев, Санкт-Петербурга: *“все города, кроме столиц – Петербурга и Москвы”*; *“вся Россия, кроме Москвы и Питера”*; *“все, что за Москвой, провинция”*; *“Москва – столица, все остальное – провинция”*; *“все за МКАД”*.
- ⇒ В наиболее экстремальном виде этот критерий прозвучал в следующем определении: *“провинция – все, что за пределами Садового кольца в Москве”*.

Урбанистический критерий: провинция – это не город.

- ⇒ Такое представление о провинции характерно для четвертой части наших сограждан (24%), которые определяли провинцию как *“сельские населенные пункты”*.
- ⇒ Следуя той же урбанистической логике, отдельные респонденты пытались уловить двойственную, ускользающую природу провинции, которая есть и не город, и не село, а нечто среднее – *“середина чего-либо”*; *“что-то между городом и деревней”*; *“это среднее между городом и селом”* (1%).
- ⇒ На сочетании территориального и урбанистического критериев построены определения, авторы которых понимают под провинцией “окраину” (*“далеко от центра, окраины”*; *“загород”*; *“периферия”*; *“пригороды”* – 5%) или глубинку (2%).

В определениях провинции как окраины, глубинки звучит не просто представление об удаленности, но и мотив некоей заброшенности и отсталости провинциальной территории. Небольшое усиление эмоционально-оценочной составляющей превращает “глубинку” в “глухомань”, и таким образом совершается переход к определениям следующей группы, выстроенным вокруг идеи нехватки тех или иных ресурсов, характерной для провинции.

“Ресурсный” критерий подчеркивает обделенность провинции культурными, материальными, социальными благами, “низкое качество” провинциальной жизни.

- ⇒ Оторванность от культуры, цивилизации, образовательных центров, современного стиля жизни – принципиальный, по мнению 4% респондентов, показатель “провинциальной жизни”: *“недостаток культуры – это и есть провинция”*; *“где не хватает цивилизации”*; *“где нет культуры”*; *“города, где нет институтов”*; *“место, удаленное от развлекательных центров”*; *“отсутствие культурных учреждений для нормального культурного развития человека”*; *“там, где нет возможности сходить в театр или на концерт, если хочется”*; *“все, что далеко от прогресса”*.
- ⇒ Низкий уровень жизни, безденежье и безработица (этот критерий озвучили 5% респондентов): *“где нет работы и беднота”*; *“где уровень жизни на порядок или два ниже областных городов”*; *“область, где царит безденежье и нищета”*.
- ⇒ Отсутствие заботы о людях, неразвитость социальной сферы (2%): *“недостаток социальной сферы”*; *“отсутствие социальной сферы, особенно для детей и молодежи”*; *“там, где программы Путина реализуются с очень большим трудом”*; *“...где мало программ, улучшающих жизнь”*.

- ⇒ Для провинции, подчеркивали 2% респондентов, характерны:
  - плохие бытовые условия, неразвитая инфраструктура: “где ни дорог, ни света, ни транспорта”; “где нет всего необходимого для нормальной жизни”,
  - неразвитость промышленной сферы: “где нет предприятий”,
  - дефицит правопорядка: “куда не доходят законы”; “где волчи законы правят”.
- ⇒ Зависимость от центра – это фактор, превращающий территорию в провинцию, считает 1% респондентов: “это те территории, которые стоят перед Москвой с протянутой рукой”; “это часть территории, которая зависит от центра”; “дотационные регионы России” (1%).
- ⇒ Некоторые подчеркивали несправедливость такого рода зависимости и давали определения, сформулированные в пафосно-обвинительном ключе: “всем лучшим наша страна обязана провинции – народ честный, умный, деловой”; “территория, отдаленная от центра, в который все качается из нее, а в нее ничего не вкачивается”; “это та платформа, на которой стоит все государство и из которой оно изымает все ресурсы: человеческие, денежные, природные...” (1%).
- ⇒ Как некоторое эмоциональное обобщение приведенных выше представлений о провинции звучат высказывания, в которых провинцией называют забытые богом и правительством территории, “глухомань”, “захолустье”, “медвежий угол”, “тмутаракань” (в общей сложности около 10%).

Формальные критерии, ориентирующие на масштаб и административный статус поселения (при этом для одних людей провинция – это областной город, а для других – поселок). Определения, построенные с использованием данного критерия, отличаются нейтральностью интонации.

- ⇒ “Незначительно большой город”; “город небольшой”; “город средний”; “города с населением ниже 500 тыс. человек”; “областные города”; “по-американски – это малый городок”; “это маленький город” (9%)
- ⇒ “Мелкий населенный пункт”; “это поселок” (3%)
- ⇒ “Область”; “меньшая область”; “район” (2%).

“Остенсивные” определения (“Это – провинция”).

В ряде случаев респонденты определяли провинцию через конкретные примеры, дающие, по их мнению, наглядное представление о том, “что такое провинция.

- ⇒ “Архангельск – это провинция”; “Башкирия”; “Воронеж”; “все малые города, как наш Ульяновск, – провинция”; “Зеленоградск – это и есть провинция”; “...например, как наш Томск”; “типа нашего Волгограда”; “Усмань – провинциальный город”; “это мы, Бурятия” (5%).
- ⇒ “Провинция – там, где мы живем”; “наш город – провинция”; “наша станция”; “я в провинции живу” (7%).

Романтические определения, представляющие провинцию как патриархальную благодать, звучали очень редко (их дали 2% респондентов): “где жизнь спокойная”; “это спокойствие, тихая и размеренная жизнь”; “где жизнь течет без суеты...”

Е. Вовк

Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей

Сегодня в российском медийном и обыденном дискурсе многодетность, как правило, почитается за непреложную, не подвергаемую сомнениям ценность. В ней усматривают символ семейственности и семейного счастья, о многодетных семьях прошлых столетий говорят как о “золотом веке” российской семьи и семейной культуры¹. Нередко предполагается, что и сегодня россияне были бы счастливы заводить по многу детей, будь у них для этого подходящие условия (далее начинаются привычные ламентации по поводу недоступности жилья, детсадов, образования, медобслуживания – и критические выпады в адрес государства, не желающего сегодня обеспечивать всем этим своих граждан бесплатно).

Но столь ли очевидно позитивное отношение наших сограждан к многодетности и столь ли несомненно их желание иметь как можно больше детей? Конечно, тема эта слишком глубока и многогранна, чтобы ее можно было охватить в одном небольшом исследовании; на это мы и не претендуем. То, что будет представлено ниже, – штрихами набросанный этюд, небольшой очерк по поводу сегодняшнего образа многодетности в сознании россиян, построенный на данных массового опроса и трех фокус-групп². Нас в первую очередь интересовали общие представления россиян о многодетных семьях – их уровне жизни и общем благополучии, психологическом климате, успешности выходцев из них – и отношение к родителям, у которых “много детей”.

Один, два, много

Для начала определимся с терминами. “Многодетность” – это сколько? Если вдуматься в смысл самого слова, то “многодетность” – это нечто принципиально отличающееся как от малодетности, так и от “нормы”. На деле же сегодня это не совсем так.

¹ Правда, некоторые исследователи настаивают на том, что в прошлом семьи были многоплодными, но не многодетными – реально выживали немногие (см. в частности: Вишневский А. Демографическая модернизация России. М.: Новое издательство, 2006).

² Общероссийский опрос населения от 25–26 ноября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). ДФГ в Москве, Самаре, Новосибирске 14 ноября 2006 года.

Признаваемый большинством граждан рубеж “многодетности” – это три ребенка: более половины опрошенных россиян (56%) склоняются к мысли, что многодетной следует считать семью, где есть трое детей. Правда, некоторые респонденты даже утверждали, что и два ребенка – это уже многодетная семья (их доля в массовом опросе составила 6%). Но, судя по тону обсуждения этой темы, подобное мнение, скорее всего, содержит толику легкого эпатажа: дескать, сейчас, когда многие родители ограничиваются одним ребенком, и двое – это уже нечто, что выходит за рамки обыкновения.

По мнению 18% опрошенных, многодетной может считаться семья, где четверо детей; 13% повышают планку до пяти. Большие цифры (шесть, семь и далее) в качестве рубежа многодетности назывались крайне редко (3%). И, кстати, от возраста респондентов их представления о том, где начинается многодетность, практически не зависят.

Выясняется, что “многодетная семья”, как ее мыслят себе большинство россиян, вообще говоря, не так уж многочисленна. Действительно, почти две трети участников опроса уверены, что три ребенка в семье – это уже много, а на том, что четверо детей – это многодетная семья, сходятся более чем три четверти респондентов. С обыденной точки зрения эти суждения кажутся само собой разумеющимися: мы привыкли к тому, что даже трое детей в семье – это редкость. Но, скажем прямо, такое счисление кардинально расходится с представлениями о многодетных, многолюдных семьях прошлого, на которые любят ссылаться идеологи многодетности. Кроме того, обнаруживается, что между “малодетностью”, “нормой” и “многодетностью” фактически нет зазора. В представлениях большинства россиян один ребенок (или отсутствие детей) – это ненормально, двое – в самый раз³, а с трех – уже начинается многодетность.

Образы многодетности

Образ многодетности в сознании россиян вряд ли можно счесть безоговорочно радужным: такие семьи ассоциируются как со счастливой, полнокровной семейной жизнью, ее радостями, так и с нищетой, беспросветностью, лишениями.

Признаваемый большинством граждан рубеж “многодетности” – это три ребенка

Вот как распределились ответы респондентов на вопрос о том, что прежде всего приходит им в голову, когда они слышат словосочетание “многодетная семья”.

Треть респондентов сразу же вспомнили о нищете, неустроенности и непрестанных проблемах.

“В основном бедные”; “где искать средства на детей?”; “денег не хватает им на жизнь”;

“как их могут одеть и накормить всех?”; “недостаток финансов”; “нищета в доме”; “сосут лапу” (21%; ответы на открытый вопрос опрошенных).

“Безысходность”; “большие проблемы”; “в наше время это очень трудно”; “жилищные условия”; “как им сложно”; “нехватка всего”; “плохо, тяжело”; “проблемы одни” (13%; ответы на открытый вопрос).

³ Оба эти убеждения были отчетливо и не единожды артикулированы в ходе дискуссий на фокус-группах.

Часть опрошенных заявили, что многодетные семьи – как правило, неблагополучные, с пьющими родителями и “беспризорными” детьми.

“Алкаши”; “беспризорники”; “неблагополучная”; “незащищенные дети”; “пьяницы и наркоманы” (2%; ответы на открытый вопрос).

Кто-то выражал жалость к многодетным семьям и растущим в них детям, сочувствовал им.

“Бедненькие”; “жалко их, несчастные люди”; “жалость к детям”; “жалость, сожаление”; “отношусь к ним с сочувствием” (3%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые респонденты просто высказывались в отрицательном ключе, но иногда – весьма эмоционально.

“Абсурд”; “безрассудство”; “волосы дыбом встают”; “дурдом”; “дурость”; “какой кошмар”; “караул”; “шок” (5%; ответы на открытый вопрос).

Положительные ассоциации со словосочетанием “многодетная семья” возникли примерно у пятой части опрошенных. Одни респонденты говорили, что такие семьи – дружные и сплоченные, в них *“жизнь бьет ключом”*, всегда радостно и весело.

“В многодетных семьях взаимопонимание есть”; “весело, дружно”; “доброжелательная обстановка в семье...”; “дружная семья, счастливые” (11%; ответы на открытый вопрос).

Другие просто выражали свое одобрение, добрую зависть, уважение в адрес таких семей.

“Благо”; “возникают положительные эмоции”; “вот здорово!”; “завидую многодетным семьям”; “круто”; “люблю многодетные семьи”; “молодцы, уважаю” (10%; ответы на открытый вопрос).

Предположение, что многодетные семьи – это семьи с достатком (дескать, коли родители на это решились, значит могли себе позволить), звучало крайне редко.

“Хорошее материальное положение”; “значит, достаток есть у них”; “я думаю, что это богатая семья” (2%; ответы на открытый вопрос).

Говорилось и о том, что многодетная семья – это большой труд, постоянные заботы и хлопоты (эти реплики нельзя однозначно отнести ни к положительным, ни к отрицательным ассоциациям).

“Беспокойство”; “большое терпение и труд”; “забот полон рот”; “пеленки, распашонки”; “суета, хлопоты” (3%; ответы на открытый вопрос).

Сходная картина мнений и у участников дискуссионных фокус-групп (их просили назвать два-три образа, приходящие на ум при упоминании слова “многодетность”). С одной стороны, многодетность для респондентов – это бедность и даже нищета, нужда, это материальные и жилищные проблемы, это обуза, загруженность и хлопоты, отсутствие свободного времени, это неизбежно возникающие трудности общения и конфликты. Для кого-то многодетность – это *“страшиновато”*, для кого-то она даже ассоциируется с преступностью. Но, с другой стороны, на тех же самых фокус-группах предлагались и иные ассоциации: *“многодетность – это хорошо”, “одобрение; радость за эту семью”; “дружная работа в коллективе, воспитание кучи замечательных малышей, фонтан*

Многодетные семьи ассоциируются у россиян как со счастливой, полноценной семейной жизнью, ее радостями, так и с нищетой, беспросветностью, лишениями

энергии”. По мнению ряда участников фокус-групп, многодетность приносит удовлетворение и радость.

Кстати, любопытно: участники ДФГ нередко выражают одобрение и уважение в адрес многодетных родителей (*“более заботливые, ответственные, выносливые, готовы прийти на помощь, прощать”*; *“любовь к детям; ответственность”*), но никто не упоминает о том, что многодетная семья – благо для самих детей. И вообще, складывается впечатление, что у некоторых из участников дискуссий чувства одобрения, уважения, восхищения многодетными семьями возникли скорее потому, что многодетность представляется им своего рода героизмом – но вовсе не потому, что они считают многодетность благом для членов самой семьи. В некоторых высказываниях явно проступает интонация, с которой говорят о подвиге, ценном прежде всего самим фактом самопожертвования и самоотречения.

“Многодетность – это очень ответственное решение, очень большой труд... Это нужно очень-очень любить детей. Большая семья и большая ответственность. Это труд тяжелый – воспитать много детей” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: В данной ситуации это героизм, я считаю.

2-я участница: Преклоняюсь перед такими людьми” (ДФГ, Новосибирск).

“И сожаление, и уважение, что люди тянут такую тяжелую ношу, – мне кажется вот так” (ДФГ, Москва).

Подчеркнем, что позитивный и негативный комплексы представлений о многодетности – это не противоборствующие точки зрения, а две стороны одного целостного образа. Зачастую позитивные и негативные ассоциации с этим словом оказывались тесно сплетенными в сознании одного респондента, а те участники фокус-групп, кто говорил о плюсах многодетности, в ходе дискуссии соглашались, что имеются и определенные минусы, – и наоборот.

В целом позитивная и негативная компоненты образа многодетной семьи в представлениях россиян более или менее сбалансированы – хотя, пожалуй, минусы многодетности респондентам все же несколько более очевидны, чем плюсы. Как мы видели, негативные ассоциации со словами “многодетная семья” возникают у участников массового опроса несколько чаще позитивных. Точно так же на открытый вопрос о недостатках многодетных семей они отвечают с несколько большей готовностью, нежели на вопрос об их достоинствах (на первый содержательные ответы дали около 70% опрошенных, на второй – около 60%). В целом рассуждения респондентов о плюсах и минусах жизни в многодетной семье повторяют уже приводившиеся выше, только в развернутом виде.

Отвечая на вопрос о минусах многодетной семьи, респонденты чаще всего говорили о бедственном материальном положении, вынужденных лишениях во всем – начиная с питания, одежды и бытовых условий и заканчивая возможностями для образования детей, их общего развития и последующего трудоустройства. Это обстоятельство отмечали почти две трети участников опроса.

“Голодные, оборванные”; *“жизнь в нужде, ограничения в питании”*; *“люди живут впроголодь”*; *“бедность, невозможность дать все лучшее детям”*; *“денег не хватает на нормальное воспитание детей”*; *“недополучают дети всего”* (54%; ответы на открытый вопрос).

“Жилья нет, теснота”; “неполноценность в быту”; “нет нормальных условий проживания”; “стесненные условия”; “...невозможность уединиться” (5%; ответы на открытый вопрос).

“Детей потом трудно выучить”; “детям очень трудно дать достойное образование”; “не каждого ребенка мать может отправить учиться”; “нет перспектив образования и далее – хорошей работы” (3%; ответы на открытый вопрос).

На взгляд некоторых респондентов, в многодетных семьях дети бывают обделены родительской лаской и любовью, заброшены, предоставлены сами себе.

“Внимания на всех не хватает”; “занятость родителей, их недостаточное внимание к детям”; “родители замученные, не успевают за всеми приглядеть”; “дети растут сами по себе”; “неряхи” (4%; ответы на открытый вопрос).

Прозвучало также мнение, что дети из многодетных семей часто чувствуют себя ущербными, вырастают неуверенными в себе, им сложно чего-то добиться в жизни, многие приобщаются к алкоголю, наркотикам.

“Им сложно чего-то добиться”; “иногда дети из многодетных семей не могут найти свое место в жизни”; “...дети чувствуют себя ущербными”; “они затюканные...”; «уже в раннем возрасте начинают пить и курить», «...наркотики» (1%; ответы на открытый вопрос).

Обратим внимание: судя по репликам респондентов, в большинстве случаев подразумеваются семьи вполне нормальные. Лишь изредка звучало мнение, что основной недостаток многодетных семей – в том, что в них, как правило, родители являются алкоголиками или наркоманами, безответственно относятся к рождению и воспитанию детей.

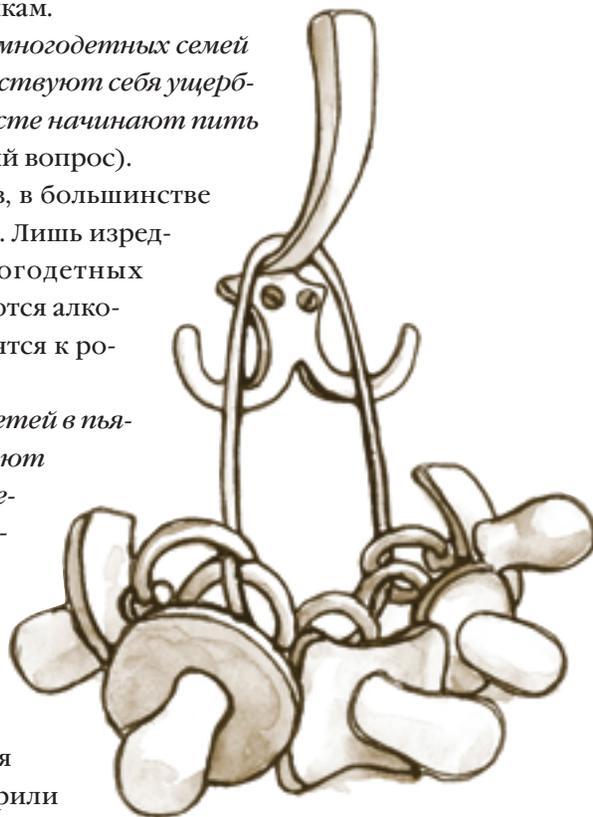
“Беспечность, безответственность”; “делают детей в пьяном угаре”; “многие родители в таких семьях пьют за счет детей”; “необдуманность”; “пьют родители, не работают” (2%; ответы на открытый вопрос).

Еще один из упоминавшихся недостатков многодетности – что она предполагает повышенную загруженность родителей: дескать, чем больше детей, тем тяжелее дается их воспитание, тем больше у родителей появляется забот и тем меньше остается личного свободного времени, – впрочем, о нем говорили немногие.

“Больше забот и хлопот”; “чем больше детей, тем тяжелее воспитывать, следить за ними”; “много времени уходит на заботу о детях, и свободного времени для себя не остается” (1%; ответы на открытый вопрос).

И только единицы утверждали, будто в многодетных семьях царит атмосфера конфликта.

“Больше конфликтов между детьми”; “дети разобщены, каждый сам по себе”; “зависть, скандалы”; “конфликты”; “неуважение друг к другу”; “ссорятся, ругаются, шум, гам”; “трение между детьми” (1%; ответы на открытый вопрос).

А вот среди наиболее часто упоминаемых достоинств многодетных семей на первом месте (в сумме около половины опрошенных) – как раз их психологический климат. Респонденты считают, что многодетные семьи, как правило, более дружные, сплоченные, нежели обычные, в них царит атмосфера доброты, взаимопомощи и уважения. В многодетных семьях, говорили участники опроса, дети поддерживают друг друга и не испытывают одиночества, всегда есть на кого опереться, с кем пообщаться, и в целом в таких семьях живет весело и радостно.

“Больше взаимовыручки им присуще”; “держатся друг за друга”; “дружба и взаимопомощь”; “дружные, поддерживают друг друга”; “есть на кого опереться в трудную минуту”; “один за всех, все за одного”; “сплоченность в семье” (21%; ответы на открытый вопрос).

“Бережное отношение друг к другу”; “в таких семьях видна невооруженным взглядом забота друг о друге”; “дети, воспитанные в уважении друг к другу, в атмосфере терпимости, жертвенности...”; “доброта, ласка, любовь”; “доверие друг к другу”; “уважение в семье и взаимопонимание”; “любовь детей к родителям и наоборот”; “мир и согласие, друг друга уважают”; “чуткость, доброта” (6%; ответы на открытый вопрос).

“Более дружные дети в таких семьях”; “дети дружные, младшие подражают старшим, старшие помогают воспитывать младших”; “дети растут в коллективе, заботятся друг о друге, защищают друг друга”; “дети будут иметь поддержку, помогать друг другу”; “достоинство в том, что дети дружат всю жизнь между собой” (7%; ответы на открытый вопрос).

“Большая семья – это хорошо, побольше родных душ”; “есть братья и сестры – нет одиночества”; “не один растет”; “больше круг общения”; “есть с кем поговорить” (6%; ответы на открытый вопрос).

“В таких семьях весело”; “весело, интересно жить”; “детям весело вместе”; “родителям веселее”; “радостно” (5%; ответы на открытый вопрос).

Правда, стоит учитывать, что, говоря об отличиях многодетных семей, респонденты зачастую сравнивали их с семьями однодетными, даже не двухдетными.

На втором месте по числу упоминаний среди достоинств многодетной семьи – ее воспитательное воздействие на детей. По мнению многих респондентов, за счет самой атмосферы такой семьи дети получают более полноценное, “настоящее” моральное и духовное воспитание. В частности, они вырастают трудолюбивыми и ответственными, не избалованными, не эгоистами, более отзывчивыми и заботливыми, более самостоятельными и приспособленными к жизни, более открытыми и общительными (ответы на открытый вопрос; в сумме 11% опрошенных).

“Моральное и духовное воспитание”; “моральные качества у детей лучшие, чем у остальных”; “полноценное развитие каждого ребенка”; “хорошие люди выходят из таких семей”.

“Более трудолюбивые, ответственные дети”; “дети с раннего возраста к труду приучены”; “дети трудятся, не избалованные”; “у детей есть обязанности, а не только права”.

Количество детей не является для россиян неким значимым показателем, характеризующим родительскую компетентность, родительские качества человека

“Дети понимают, что они не пуп вселенной”; “дети с детства учатся думать не только о себе”; “меньше вероятности воспитать эгоистов”; “они проще, не избалованы”.

“Дети более доброжелательные, добрее относятся друг к другу”; “дети вырастают более добрыми, отзывчивыми”.

“Дети более приспособлены к жизни”; “самостоятельность и независимость детей”; “умение выжить в тяжелых условиях”; “учатся дети справляться с трудностями”.

“Дети общительнее”; “они более открытые в общении”.

Но обратим внимание на то, что за некоторыми из перечисленных выше и приветствуемых респондентами качеств встает не самый позитивный образ многодетности. Ведь, как правило, привычка к труду с младых ногтей и умение “выживать” вырабатываются в не самых благоприятных жизненных условиях. Характерно, что точно такие же качества люди склонны приписывать и воспитанникам детских домов, лишенных, по всеобщему мнению, детства и родительской ласки⁴.

Еще одно достоинство многодетных семей, о котором упоминали респонденты (впрочем, нечасто), – это материальные и моральные преимущества, получаемые родителями. Одни говорили, что дети в таких семьях становятся поддержкой и опорой родителям в старости; другие подчеркивали, что сами по себе дети, продолжение рода – это счастье и смысл жизни для родителей.

“Есть кому поддержать родителей”; “опора в старости”; “дети помогают родителям по хозяйству”; “помощников много у родителей” (4%; ответы на открытый вопрос).

“В количестве продолжателей рода”; “когда много детей, есть для чего жить”; “счастье в детях” (3%; ответы на открытый вопрос).

Жизнь в многодетной семье

В целом картина получается любопытная. Жить в многодетной семье вроде бы весело и всегда есть на кого опереться, но для каждого из ее членов в отдельности такая жизнь сулит скорее тяготы и лишения, нежели преимущества. Сходное впечатление складывается и при рассмотрении ответов респондентов на закрытые вопросы.

Мнения опрошенных об отношениях между родителями и детьми в многодетных семьях неоднозначны. Но все же несколько перевешивают позитивные оценки: 37% считают, что эти отношения, как правило, лучше, 10% – что хуже, чем в других семьях. Еще 34% склонны думать, что в этом плане многодетные семьи от обычных не отличаются (и 19% затруднились с ответом).

Мнения о том, легче или труднее воспитывать детей в многодетных семьях, еще более неоднозначны: 49% говорят “труднее”, 32% – “легче”. Правда, здесь имеет место некое смешение смыслов: слово “воспитание” могло быть понято и с дидактической, и с практической (поднимать, растить) точек зрения. Но все

И установки на многодетность, и знакомство с многодетными людьми, и собственный опыт не сильно сказываются на представлениях о благополучии таких семей

⁴ См.: www.fom.ru: Доминанты. Поле мнений. 2005. № 31. Б1–Б9.

же, на наш взгляд, подобное распределение ответов может быть интерпретировано как отсутствие общепринятой точки зрения по вопросу о том, выгодна или же обременительна многодетность для родителей.

А вот в том, как многодетность семьи сказывается на карьерных шансах детей, сомнений у респондентов значительно меньше. Более половины опрошенных (57%) считают, что выходцам из многодетных семей добиться успеха в жизни сложнее, чем выходцам из семей обычных. О равенстве шансов говорят 23% респондентов, а о том, что детям из многодетных семей в практической жизни приходится легче, – только 7%.

Кроме того, многодетность, как правило, ассоциируется с бедностью и общим неблагополучием семьи. Большинство респондентов (65%), отвечая на вопрос, в каких семьях сегодня чаще бывает много детей, склонялись к мнению, что в неблагополучных. Противоположной точки зрения, согласно которой многодетная семья – это, как правило, семья благополучная, придерживаются лишь 14% опрошенных.

Правда, здесь нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, в ходе обсуждения этого вопроса на фокус-группах респонденты подчеркивали, что корреляция между многодетностью и неблагополучием семьи характерна именно для сегодняшней России, для наличествующей социально-экономической ситуации в стране. Подразумевалось, что при отсутствии помощи многодетным со стороны государства и при необходимости платить за все и вся из своего кармана содержание нескольких детей становится непосильным испытанием для семейного бюджета. Во-вторых, судя по приведенным выше ответам на открытые вопросы и по всему ходу дискуссии на фокус-группах, неблагополучие семьи респонденты считают скорее следствием, нежели причиной ее многодетности. То обстоятельство, что много детей может рождаться у безответственных, пьющих родителей, участники опроса осознают. Вместе с тем, по всей видимости, они не считают его основным фактором многодетности; им представляется, что, как правило, родители принимают подобное решение более или менее сознательно.

Иными словами, прямого и сколько-нибудь выраженного порицания тех родителей, которые обзаводятся “многими детьми”, не наблюдается. Да и вообще не сказать, чтобы при оценке родителей многодетность рассматривалась как значимый критерий. Кажется, у респондентов в принципе нет идеи, будто количество детей – некий показатель, характеризующий родительскую компетентность, родительские качества человека. Так, половина (54%) участников опроса вообще затруднились ответить на вопрос, лучше или хуже многодетные родители справляются со своими родительскими обязанностями, чем те, у кого один-два ребенка. Мнения остальных разделились поровну: 22% сочли, что лучше, 24% – что хуже. Кстати, поясняя свое мнение в ответах на открытый вопрос, первые, как правило, ссылались на воспитательную атмосферу самой семьи и более высокую сознательность родителей, а вторые – на недостаток уделяемых детям сил и внимания, на неспособность родителей обеспечить детей самым необходимым.

“Вся работа делится на много человек”; “дети помогают родителям, присматривают за младшими детьми”; “не растут эгоистами, знают, что надо делиться и помогать”; “потому что один ребенок изнежен,

а в многодетной – дисциплина, порядок”; “они больше себя посвящают детям”; “ответственность у родителей перед Богом и людьми”; “у них все думы – о детях” (ответы на открытый вопрос).

“Если бы могли нормально обеспечить семью, то и с обязанностями справлялись бы лучше”; “заняты трудом, не могут обеспечить необходимого общения”; “из-за плохого материального положения им приходится работать на нескольких работах, и не до детей”; “очень много домашних дел”; “не хватает сил на воспитание детей”; “детям не хватает родительского внимания” (ответы на открытый вопрос).

Получается следующее. Отношения между родителями и детьми в многодетной семье, может, и лучше, жить в такой семье, может, и весело, но при этом детям приходится явно туго, да и родителям – несладко, и в целом жизнь проходит в постоянной борьбе за выживание. Обратим внимание: говоря о темных сторонах многодетности, участники опроса главным образом упирали на нужду и лишения, а говоря о ее светлых сторонах – на психологический климат и чувство сплоченности. Страдают в многодетной семье, по представлению респондентов, в первую очередь дети; а вот кому достается выигрыш – уже не столь очевидно.

Кстати, распределение ответов на вопросы об особенностях жизни в многодетной семье не зависит от возраста респондентов: образ многодетности и у представителей старших поколений (среди которых многие знают о ней не понаслышке), и у молодых в целом сходен.

Вообще при анализе данных массового опроса и материалов фокус-групп возникает ощущение, что авторы позитивных, одобрительных суждений о многодетности несколько идеализируют картину. С их слов выходит, будто многодетные семьи всегда живут по принципу “в тесноте (и бедности), да не в обиде”, будто старшие дети всегда счастливы помогать родителям по хозяйству и присматривать за малышами, младшие дети – почитают за честь получить одежду с плеча старших и т. д. Вот, к примеру, несколько высказываний участников ДФГ.

“Вот я вспоминаю, когда мы второго ребенка воспитывали, где-то, наверное, до десятилетнего возраста, ну, до шестилетнего, ребенку ни одной новой вещи не купили. Он все <донашивал> со старшего... И младший никогда... он за честь почитал со старшего плеча куртец поиметь...” (ДФГ, Москва).

“Участница ДФГ: Легче в том, что пример подают старшие. Да старшие уже и смотрят за более младшими. Они как бы уже помогают маме.

Модератор: А им этого хочется?

Участница ДФГ: А им это интересно, у них живые куклы... Ну, примерно лет до двенадцати. А потом они привыкают, они уже с более взрослой точки зрения смотрят. Ну, девочки, допустим, они уже не просто как на кукол смотрят. Они уже смотрят именно как уже мамы, с опытом” (ДФГ, Новосибирск).

Правда, когда дело доходит до обсуждения конкретики и реальных ситуаций, оценки несколько меняются. Так, одна участница ДФГ, рассказывая о знакомой семье, где старшая дочь воспитывают младшую, отзывается о таком порядке (и о тамошней родительнице) весьма критически: *“ребенка лишили детства”*.

“Ну, я знаю одну женщину, у нее трое детей... Старшему 18 лет, он как бы самостоятельный стал. Но мне жалко девочку. Она [мать] родила, ну, год ребенку, а воспитывает девочка, которая учится в третьем классе. Она

ведь у нас как бабушка стала, она из школы приходит – занимается с этим ребенком... Представляете? И вот знакомая эта, она повесила на среднюю девочку это уже, и у нее нет детства” (ДФГ, Самара).

А другой респондент, сначала утверждавший, что в многодетной семье родителям управляться с детьми легче, в конце концов соглашается, что определенные проблемы здесь имеются.

“Модератор: А как вы считаете, родителям в многодетной семье легче или труднее воспитывать детей, чем в обычной?”

1-я участница: Сложнее.

2-я участница: Нет, легче.

3-й участник: Конечно, легче.

Модератор: Почему?”

2-я участница: Старшие подают пример младшим.

3-й участник: Во-первых, это опыт какой-то, а во-вторых, дети друг друга поддерживают. Ну, и веселей, и дух в семье. Один ребенок – это одно, а когда их трое – это уже гвардия, это дух.

1-я участница: А когда эта гвардия, один кричит: «Я обкакался!», второй тянет к себе игрушку, а третья требует себе новую помаду..

3-й участник: Ну и хорошо. Один ребенок – самолюб, а когда их трое – ну и обкакался, и что ж? Как говорят, один ребенок – не ребенок. Потому что балуют все. А когда трое, ласка на всех разделяется, и нормальные дети.

1-я участница: И глаза разбегаются.

3-й участник: Да. Ну, что ж сделаешь? Конечно, тяжело. Тяжелей родителям” (ДФГ, Новосибирск).

Многодетность и ответственное родительство: столкновение ценностей?

Нарисованная респондентами картина будней многодетных семей как-то диссонирует с их же утверждениями о том, сколь весела и радостна жизнь в таких семьях. Возникает впечатление, что здесь мы имеем дело со столкновением идеального образа многодетности (а возможно, фасадной, некогда заученной ценностной установки: чем больше детей, тем лучше) и представлений о том, как многодетность вписывается в современные жизненные реалии. В частности, как она уживается с современной концепцией родительства.

Представления же опрошенных о родительской ответственности и родительских обязанностях довольно ясно свидетельствуют, что многодетность является не самой одобряемой и приветствуемой репродуктивной стратегией.

Жить в многодетной семье, может, и весело, но при этом детям приходится явно туго, да и родителям – несладко

Вот несколько выдержек из рассуждений участников фокус-групп о том, что хорошие, любящие, ответственные родители должны бы обеспечить своему чаду.

“Жилищные условия, перспективы. Чтобы не пятеро детей в одной комнате, понимаете? А если двухкомнатная квартира, то одна <комната> – у супругов, а одна комната – детская, чтобы вдвоем там, но чтобы не четвером жить в одной комнате, понимаете?” (ДФГ, Москва).

“Не будешь же детей заводит, если живешь в одной комнате, и там и мама, и вы с семьей” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Жилищный вопрос – номер один сразу. Что такое пять детей? Это надо же какую площадь иметь, чтоб дети не были обделены, чтоб каждый имел свою комнату. Не у каждого так складывается.”

2-я участница: Это пока маленькие еще. А потом выдать замуж, женить – и тоже чем-то наделить” (ДФГ, Новосибирск).

“Как минимум – это чтобы он не голодал, одевался хорошо, ну, как все сверстники, образование хорошее” (ДФГ, Москва).

“Здоровье, питание. Внимание, заботу, науку какую-то, понимаете?” (ДФГ, Москва).

“Воспитать здоровым. Чтобы он был крепкий, физически крепкий... И дать ему возможность развивать музыку или там живопись, кто во что там... Чем больше он будет знать, тем ему легче будет по жизни. Владеет одним инструментом – хорошо, спортсмен – тоже хорошо. Увлекается моделированием – дай Бог, тоже может пригодиться” (ДФГ, Новосибирск).

Итак, по представлениям респондентов, в идеале родители должны предоставить ребенку отдельную комнату, хорошую школу, развивающие кружки и секции, вуз, медицинское обслуживание, желательно – квартиру на свадьбу, а кроме того – собственное время и внимание. Недаром практически все без исключения участники фокус-групп были согласны с мнением, что молодым следует сначала прочно встать на ноги – получить образование, найти приличную работу и достичь определенного уровня благосостояния, – и только после этого обзаводиться детьми.

“Мне кажется, встать надо на ноги <сначала>. Это сейчас задача номер один. Да, детей надо, но вот и дочь у меня... Сначала – встать на ноги. Вот я ей задачу поставил: институт, работа, и четко у нас так и идет по плану. Институт закончила, поработала, стала хорошим специалистом, теперь можно и родить. А вот эта неуверенность в завтрашнем дне... Ну, что ж, девочка в 17 лет родила – и опять обуза, опять это всё на шею отцу с матерью” (ДФГ, Новосибирск).

“Модератор: В каком возрасте надо рожать, как вам кажется?”

Участник ДФГ: Для мужчины, я думаю, в возрасте с 25 до 30. То есть когда он закончил вуз, когда он поработал года два там молодым специалистом...” (ДФГ, Москва).

“Когда человек встанет на ноги, мужчины в частности. Сейчас вот странно смотреть на молодежь, у которых в 15–14 лет уже коляска.”

Сегодня многодетность сохраняет некоторую ценностную привлекательность. Но на уровне реальных планов могут срабатывать ограничители, связанные с представлениями о “многодетном” образе жизни

У него еще ни материально, ни в голове, нигде ничего нет, он понятия не имеет о жизни, и проблем у него, конечно, возникает много. В итоге через полгода-год, как правило, уже, за редким исключением, разбегаются» (ДФГ, Москва).

Получается, что ценность многодетности плохо совмещается в сознании наших сограждан с обязанностью родителей “поднять” детей, поставить их на ноги. Вроде бы сама по себе многодетность – это хорошо, но только до тех пор, пока

из этого тесного, отдельного мирка не нужно выходить в большой социальный мир. Кстати, характерно, сколь легко и часто участники фокус-групп переходили от обсуждения многодетности к критике современного общества: дескать, раньше ни у кого ничего не было, и было легко и весело, а сегодня дети с малых лет требуют непомерно многого.

Можно заключить, что в отношении к многодетности сталкиваются две модели родительства, две модели воспитания и социализации детей – общинная и детоцентрист-

ская. С точки зрения первой модели, многодетность – это безусловно хорошо: сама по себе семья является воспитательной средой, а больше ничего и не требуется. А вот с точки зрения второй модели, многодетность – это не очень-то здорово, так как предполагается, что нормальная социализация ребенка требует весьма существенных материальных, моральных и временных затрат со стороны родителей.

Опыт и установки

Завершая наш небольшой очерк, остановимся на данных, характеризующих распространенность (и желанность) многодетности в современном российском обществе.

Участников массового опроса попросили припомнить, сколько детей, включая их самих, было у их родителей. В целом половина респондентов сообщили, что в семье их родителей было один-два ребенка (два – 38%, один – 11%). Другая половина опрошенных говорили о трех (21%) или четырех и более детях (29%). Конечно, ответы респондентов сильно различались в зависимости от их возраста: среди людей, которым 55 лет и больше, половина заявляли, что у их родителей было четыре или даже больше детей, а вот среди молодых респондентов (18–35 лет) две трети говорили об одном-двух детях (табл. 1).

Число детей, которыми респонденты хотели бы обзавестись сами, несколько отличается от числа детей в семьях их родителей. Половина опрошенных за-

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Возраст, лет		
	18-35	36-54	55 и старше
Скажите, пожалуйста, сколько детей было у Ваших родителей (включая Вас)?			
Один	16	10	8
Двое	50	38	20
Трое	20	24	20
Четверо и более	13	28	52

Ценность многодетности плохо совмещается в сознании наших сограждан с обязанностью родителей “поднять” детей, поставить их на ноги

являют, что при идеальных условиях хотели бы иметь двух (45%) или одного (7%) ребенка; треть респондентов говорят о трех (25%), четырех и более детях (11%). 3% заявляют, что предпочли бы остаться бездетными, еще 8% не определились с желаемым количеством детей.

Различия не очень велики. Но все же в каждой возрастной группе тех респондентов, которые хотели бы – даже при идеальных условиях – иметь троих или более детей, несколько меньше, чем выходцев из таких же семей: среди тех, кто моложе 36 лет, – соответственно 29 и 33%; среди представителей среднего поколения – 40 и 52%; среди тех, кто старше 54 лет, – 39 и 72%.

Что касается реального числа детей в сегодняшних российских семьях, то 25% опрошенных сообщают, что у них детей (пока что?) нет, треть (31%) говорят об одном ребенке, еще треть (33%) – о двух, и лишь немногие заявили, что у них трое (8%) или четверо и более (4%) детей⁵. На вопрос, есть ли среди знакомых им семей многодетные, 40% респондентов отвечают отрицательно, 44% – утвердительно (столь высокая доля многодетных семей в окружении респондентов объясняется скорее всего тем, что многодетными они склонны считать не столь уж многочисленные семьи, а также тем, что о такой семье быстро становится известно многим).

Любопытно, что и собственный опыт многодетности, и установки на многодетность, и знакомство с многодетными семьями не сильно сказываются на представлениях о благополучии таких семей, особенностях взаимоотношений в них и т. д. Но все же сказываются. В целом те респонденты, кто не имеет собственного опыта многодетности (не рос в многодетной семье и сам не является многодетным родителем), 1) ниже оценивают родительскую компетентность многодетных родителей; 2) негативнее оценивают взаимоотношения родителей и детей в многодетных семьях; 3) чаще говорят о трудностях воспитания детей в таких семьях; 4) реже считают их благополучными.

Очевидно, мифология несколько преувеличивает сложности, с которыми приходится сталкиваться детям из многодетных семей. Но в целом, повторим, различия во мнениях здесь невелики, и суждения респондентов относительно схожи вне зависимости от их личного опыта многодетности.

Возвращаясь назад, отметим, что довольно многие из участников опроса (36%) сами хотели бы быть многодетными⁶, будь у них на то подходящие условия. То есть, несмотря на все вышесказанное, сегодня многодетность сохраняет некоторую ценностную привлекательность. Но, как мы упоминали, в рассуждениях на эту тему заметна некоторая идеализация. А значит, на уровне реальных планов, реального поведения могут срабатывать ограничители, связанные с представлениями о “многодетном” образе жизни и сопутствующих многодетности обстоятельствах.

И напоследок еще одно наблюдение. Из вышеизложенного может сложиться впечатление, будто основным препятствием для многодетности сегодня

⁵ Общероссийский опрос населения от 20–21 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁶ Примем за рубеж многодетности наличие троих детей.

является уровень материального достатка. До определенной степени это, конечно, так и есть. Однако отсюда вовсе не следует, что, будь люди побогаче, количество детей в семьях резко увеличилось бы: респонденты осознают, что воспитание детей предполагает не только материальные, но еще и временные, эмоци-

нальные, моральные затраты – а эти ресурсы также исчерпаемы. Приведем слова одного из участников фокус-групп: по его мнению, число детей лимитируется количеством денег только до определенного момента, а дальше на первый план выходят совсем иные соображения.

“Не совсем от денег зависит, понимаете... Там вот какой-то, наверное, тик есть насыщения, когда количество детей зависит от количества денег, а потом на спад идет, увеличиваешь жизненный уровень – а детей все меньше

и меньше. Я не знаю, это мое представление. Я понимаю, что у меня, например, третьего ребенка нет, потому что нет денег... Но вот если мне дашь миллион долларов, это не факт, что у меня их будет пять... Я тоже вот так размышлял, вот если бы у меня большие деньги были бы – третий точно был бы, но был бы четвертый или пятый – сомнительно” (ДФГ, Москва).

И действительно, как мы видели, даже при “идеальных условиях” подавляющее большинство россиян предпочли бы остановиться на двух-трех детях в семье. ■

Даже при “идеальных условиях” подавляющее большинство россиян предпочли бы остановиться на двух-трех детях в семье

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– К каким положительным последствиям приведет смягчение наказаний за незначительные уголовные преступления?

– В тюрьме молодые люди становятся профессионалами.

***

– Почему Вы считаете, что суды в своей деятельности должны быть подконтрольны руководству страны?

– Будет обуздан разгул многих безобразий.

***

– Как Вы считаете, почему некоторые люди употребляют в своей речи нецензурные выражения, с чем это связано?

– Последний крик души.

– Как Вы полагаете, что в первую очередь нужно делать для того, чтобы ситуация в российской армии улучшилась?

– Начальство должно контролировать солдат, особенно ночью.

***

– Что, на Ваш взгляд, означает – “проявлять бдительность”?

– Наблюдать за посторонними предметами.

***

– Почему Вы считаете, что следует продолжать осваивать космос, отправляя туда людей?

– Без людей чего там делать? Без людей и в селе нельзя жить.

– Как Вы понимаете выражение “утечка мозгов”? Объясните, пожалуйста, что оно означает.

– У нас у всех в Думе утечка мозгов.

***

– Почему для Вас 12 апреля не является особенным, важным днем?

– Так как Юрий Гагарин мог слетать в космос в любой другой день.

(Из опросов ФОМа)

Г. Кертман

Мы разучились нищим подавать?

Мы разучились нищим подавать...

Н. Тихонов

Большинству из нас регулярно доводится сталкиваться с людьми, просящими милостыню: 58% участников недавнего опроса сказали, что в последние два-три года встречали таких людей часто, еще 24% – что редко¹. Лишь 16% опрошенных говорят, что не встречали их вообще. Среди москвичей, жителей других мегаполисов и крупных городов не видели, по их словам, нищенствующих 7–9% респондентов². В малых городах и селах – 15 и 32% соответственно.

Довольно многие – 30% опрошенных – утверждают, что за последние два-три года людей, просящих подаяние, в их городах и селах стало больше, чем раньше. О сокращении числа нищенствующих респонденты заявляют более чем вдвое реже – 13%³. Судить о реальном изменении их числа по этому распределению ответов, наверное, не следует, но оно довольно определенно говорит о том, что данная социальная практика становится в целом более заметной, бросающейся в глаза.

При этом только 12% респондентов заявляют, что никогда не подают милостыню. Отвечая на открытый вопрос о том, почему они не делают этого, лишь немногие ссылались на собственную бедность.

“Сам не больно богат”; “мне нечего подавать”; “кто бы мне подал, нет лишних денег”; “сама такая – хоть выходи и проси” (2%).

Гораздо чаще звучали иные объяснения. Одни заявляли, что нищенствующие не хотят работать, – не сомневаясь, что те, в принципе, могли бы найти иной способ добыть средства на пропитание.

“Можно заработать, если захочешь”; “пусть работают”; “считаю, что каждый должен зарабатывать сам”; “они не хотят работать” (3%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые при этом добавляли, что нищенствующие просят на выпивку.

“Заработать всегда можно, тем более что большинство пропивает милостыню”; “это здоровые мужики клянчат на водку”; “нищие пропивают милостыню” (1%; ответы на открытый вопрос).

¹ Общероссийский опрос населения от 17–18 февраля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 6 февраля 2007 года.

² В Москве не заметить просящих подаяние может, пожалуй, только человек, практически не выходящий из дому. Если доля отрицающих подобные встречи в иных крупных российских городах примерно такая же, как в столице, то, по-видимому, и там ситуация со зримым присутствием нищенства в городском ландшафте не слишком отличается от московской.

³ Исключение составляет Москва, где 16% опрошенных говорят, что их стало больше, и 25% – что меньше.

Другие говорили, что сбор милостыни – это организованный и высокодоходный криминальный бизнес, причем иногда ссылались на информацию, почерпнутую из СМИ.

“Нет настоящих нищих – все профессионалы”; “говорят, что все они на хозяина работают”; “за этими людьми стоит мафия”; “это не настоящие нищие”; “очень часто по ТВ идут передачи о том, что это просто бизнес”; “смотрю телевизор” (ответы на открытый вопрос; 3%).

Но телевизор смотрят и те, кто милостыню хотя бы иногда подают. Они тоже знают о существовании бизнеса на милосердии, тоже замечают среди нищенствующих людей по всем признакам трудоспособных, тоже осведомлены о том, что милостыня иногда пропивается, и т. д. Более половины (55%) участников опроса полагают, что “у большинства людей, просящих милостыню, подаяние, есть другие возможности выжить, прокормиться”. Противоположной точки зрения – иных возможностей у большинства этих людей нет – придерживаются только 21% респондентов; многие (24%) ответить на данный вопрос затруднились.

Тем не менее две трети россиян иногда подают милостыню: 28% – часто, 41% – редко (тем, кто в последние годы, по их словам, нищих не встречал, соответствующий вопрос, естественно, не задавался; 12%, как сказано, не подают никогда, еще 3% – затруднились с ответом). Надо сказать, что сколько-нибудь значимых различий между молодыми и пожилыми, малообразованными и имеющими высокий образовательный уровень, бедными и относительно состоятельными в распределении ответов на этот вопрос не обнаруживается. Более или менее ощутимы тут только гендерные различия: часто подают милостыню 34% женщин и лишь 21% мужчин, никогда не подают 10% первых и 14% вторых.

Естественно, те, кто подает милостыню часто, в большей мере, нежели подающие редко либо не делающие этого никогда, склонны верить, что апеллирующие к их милосердию в большинстве случаев действительно находятся

График 1. Представления о наличии или отсутствии у просящих милостыню иных источников дохода (% по группам)

в безвыходной ситуации, но и среди них уверенность в этом выражает лишь каждый третий (см. *график 1*).

Соответственно, тем, кто не готов подать любому (а делиться со всеми просящими, как мы увидим, согласны сравнительно немногие), приходится в каждом конкретном случае так или иначе определять, кто именно обращается к ним за подаванием: человек, действительно оказавшийся в критической ситуации, или же туеядец, не желающий зарабатывать честным трудом, либо “профессионал”, работающий на криминальный “синдикат”. Причем такой выбор стоит, конечно, не только перед теми, кто убежден, что большинство просящих подавание могут добыть средства к существованию иными способами; даже считающие, что среди них преобладают действительно несчастные люди, у которых нет другой возможности выжить, несомненно, знают и об иной стороне этого явления. Во всяком случае, на фокус-группах, посвященных данной теме, о мнимых нищих говорили абсолютно все и, независимо от степени принципиальной готовности подавать милостыню, обнаруживали немалую осведомленность в этом вопросе. Многие ссылались на СМИ, прежде всего – на телевизионные передачи.

“Была передача по телевидению про них. Так, у них есть костюмерные, где они переодеваются, где им убирают руки, приклеивают болячки. Их развозят по рабочим местам. То есть они работают. Это организованная преступность. А милиционерам они деньги дают, чтобы их они не трогали” (ДФГ, Самара).

“Действительно, когда я посмотрела передачу, как это все делается, и про то, что женщин с детьми называют «мадоннами», и что каждый там второй – погорельцы, я вот в эти истории не поверю. Вот я милостыню подаю, но в историю я не поверю” (ДФГ, Новосибирск).

“1-й участник: После вот этих передач, где рассказывали, что это целый бизнес, то есть там какие-то начальники у них есть – я все, нет, никому <не подаю>.”

2-я участница: Предупреждают.

1-й участник: Если бы я был уверен, что я отдаю деньги вот этому нищему... Так я же деньги отдаю его начальнику, поэтому я...” (ДФГ, Москва).

“А в передачах вообще рассказывали, что они детей своих поют и колют, чтобы они не кричали. Они вообще детей чуть ли не перекупают друг у друга” (ДФГ, Самара).

Не реже респонденты делятся и собственными наблюдениями, описывая отмеченные ими случаи вполне очевидного мошенничества.

“...я вижу, что она притворяется, ковыляет, а между электричками, между вагонами она раз, раз – обычным шагом, чтобы ей успеть в другой вагон перескочить” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: Я вижу перед собой человека в коляске, который по вагону катится, а затем видишь, что только как он выехал из вагона, тут же к нему подходит какая-то личность, и быстро, быстро они там что-то вместе решают. Такие сценки.”

Подают милостыню две трети россиян, не подают – шестая часть наших сограждан. Сколько-нибудь значимых различий между респондентами разных групп нет, за исключением гендерных: женщины подают милостыню чаще мужчин

2-я участница: *Или меняются сопровождающие*” (ДФГ, Москва).

“Я на «Авиамоторной» работаю. Полгода прямо в метро, на платформе, стояла женщина – не могла сына похоронить. Полгода! У нее табличка – не могу похоронить” (ДФГ, Москва).

“А еще в этом году раза четыре ездила на Кировский рынок. Там стоит женщина с девочкой, и они просят этой девочке на операцию. Я их же видела года два назад – а они все на операцию собирают” (ДФГ, Самара).

“В Тюмени пересадка большая, и он садится. На Стрежевой поезда идут, и он ходит и просит: «Вот обокрали, и не могу я уехать до дома». Я постоянно в Тюмень мотался, каждый месяц, и он два года там ходил. Я говорю: «Ты все домой не уедешь?» И он: «Все, я помню, я пошел»” (ДФГ, Новосибирск).

Подобные истории, как правило, воспринимаются однозначно – с негодованием. Однако... Участник фокус-группы в Новосибирске в запале задает вопрос, который, видимо, представляется ему риторическим: *“Вот Вам дать на грудь маленького ребенка и сказать: езжайте, пожалуйста, в город Москву, там перспективы хороша – Вы поедете?”*

И получает ответ: *“Лет 30 или 20 назад я бы, наверно, поехала – с надеждой, что мне кто-нибудь подаст. Потому что я же вижу фильмы, как люди там богатеют, и так далее. Ну, правда, я не помню, сколько там говорили. Мы в месяц 6 тысяч получаем, а они там за день собирают, на Московском вокзале”.*

Так что представление о высоких доходах “профессиональных нищих”, распространенное, кстати, судя по обсуждению темы на групповых дискуссиях, весьма широко, не только усугубляет естественное нежелание делиться честно

заработанными деньгами с аферистами, но иногда – и желание приобщиться к этим доходам.

Разумеется, вопрос о том, подать или не подать вот этому конкретному человеку, обычно решается на ходу, без долгих размышлений; у людей, которые хотя бы иногда делают это, есть, стало быть, какие-то критерии – пусть не очень четкие, пусть неотрефлексированные, – которыми они в таких ситуациях руководствуются. Чтобы выяснить, каковы эти критерии, всем участникам массового опроса (включая и тех, кто никогда не подает милостыню, и тех, кто в последние годы не сталкивался с просящими подающие) был задан открытый вопрос: *“В каких случаях, кому, каким людям Вы подаете или могли бы подать милостыню?”* Затруднились ответить на него немногие – всего 16%, и еще 3% заявили, что не подадут никому и ни при каких обстоятельствах.

Самым распространенным маркером оказался преклонный возраст – 33% опрошенных заявили о готовности подать старым людям.

“Престарелым”; “пенсионерам, старым людям”; “бабушкам стареньким”; “старому человеку”; “преклонного возраста – всем, по кому видно, что не алкоголики” (ответы на открытый вопрос).

Каждый пятый (21%) сказал, что подал бы инвалиду, больному человеку.

“Слепым, беспомощным”; “только инвалидам”; “явному калеке”; “людям с ограниченными возможностями, на костылях”; “увечным”; “если вижу,

Тем, кто не готов подать любому просящему, приходится каждый раз определять, кто именно обращается к ним за подающим: человек, действительно оказавшийся в критической ситуации, или же тунеядец, не желающий зарабатывать честным трудом, либо “профессионал”, работающий на криминальный “синдикат”

что человек больной и не может работать” (ответы на открытый вопрос).

Многие (13%) назвали детей, просящих милостыню.

“Детям-сиротам, которые бегают по улице”; “ребятишкам”; “беспризорным детям” (ответы на открытый вопрос).

Иногда респонденты упоминали все три эти группы. Довольно часто участники опроса говорили также, что готовы помочь бедным, нуждающимся – не указывая на принадлежность такого человека к той или иной категории, но нередко подчеркивая, что его потребность в помощи должна быть очевидна дающему.

“Совсем бедным людям”; “нуждающимся”; “голодающим”; “беолагам, с жалким взглядом”; “когда по человеку видно, что он нуждается”; “бедным, плохо одетым”; “если я знаю, что он действительно нуждается”; “когда чувствую, что человеку нужна помощь”; “малоимущим, кто не вызывает подозрений” (11%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые ориентируются иначе – подают исключительно у храмов.

“Возле церкви подаю старушкам”; “возле церкви – всем”; “на паперти”; “около церкви”; “церковным нищим” (5%; ответы на открытый вопрос).

Остальные говорили, что помогают *“мамам с детишками”, “с грудными детьми”* (3%), *“беженцам”, “бездомным”, “погорельцам”* (3%), решают по наитию – *“внутренний голос подсказывает, кому давать”, “интуитивно даю”* (3%), подают непьющим (2%), уличным музыкантам, солдатам (по 1%) и т. д.

Еще 9% опрошенных готовы подать любому – или почти любому.

“Всегда подаю всем”; “когда есть деньги – подаю всем, кто попадается”; “любому, кто обратится”; “всем, кроме пьянчужек”, “тем, кто просит, даже пьяницам”; “кроме цыган, всем подаю”; “всегда и всем” (ответы на открытый вопрос).

Участникам опроса был задан и “симметричный” вопрос – о том, кому, каким людям они **не подали бы милостыню ни при каких обстоятельствах**. Надо сказать, что ответить на него респондентам оказалось несколько сложнее – тут промолчали 28% опрошенных⁴.

Чаще всего респонденты говорили, что ни при каких обстоятельствах не подают *“пьяным”, “алкашам”, “пропойцам”* (34%). Эта категория в данной “номинации” лидирует с огромным отрывом.

Втрое реже (11%) опрошенные упоминали цыган (ясно, что в данном контексте это ни в коей мере не является проявлением национализма – речь идет о неприятии попрошайничества как образа жизни). Еще 3% заявляют, что не подали бы мигрантам из числа “иностранцев” (*“таджикам”, “узбекам”, “азербайджанцам”, “нерусским в халатах”*).

Часто опрошенные говорят также, что не готовы подавать *“людям трудоспособного возраста”, “тунеядцам”, “лодырям”, “тем, кто сам себе может заработать на кусок хлеба”* (9%), молодым (7%), бомжам (6%), любым мужчинам (3%).

⁴ Часть из них – это, конечно, люди, которые, отвечая на предыдущий вопрос, сказали, что подают всем. Еще 2% опрошенных и в ответах на этот вопрос подчеркнули: *“я не отказываю никому”, “всем подаю”*.

Представление о высоких доходах “профессиональных нищих” не только усугубляет естественное нежелание делиться честно заработанными деньгами с аферистами, но иногда – и желание приобщиться к этим доходам

Изредка в этом контексте упоминаются дети, наркоманы (по 1%), а также “слишком назойливые” и просящие милостыню в определенных местах (на вокзалах, в электричках, у магазинов и т. д.) – по 1%.

Особо стоит отметить, что, по уверению 4% опрошенных, они ни при каких обстоятельствах не подали бы тем, для кого нищенство – бизнес.

“Профессиональным попрошайкам”; “аферистам”; “которые прикидываются”; “кто притворяется нищим или больным”; “тем, кто работает на мафию”; “если это профессиональные нищие – паниковские”; “которые играют на человеческих чувствах” (ответы на открытый вопрос).

Казалось бы, 4% – это сравнительно немного. Но учтем, что подобные реплики имеют смысл лишь при полной уверенности в своей способности на ходу распознать “профессиональные” уловки мнимых нищих – в противном случае они фактически не являются ответами на поставленный вопрос и представляют собой всего лишь декларации о нежелании отдавать деньги жуликам и аферистам.

Многие участники фокус-групп, надо сказать, отвечали на вопрос о том, могут ли они отличить мнимого нищего от настоящего, утвердительно. При этом они, как правило, ссылались на интуицию.

“Да, я чисто интуитивно. Вот так вот посмотришь...” (ДФГ, Москва).

“Ну, как-то чувствуешь, что ли, не знаю – внутри там, то есть – что он из себя представляет. Ну так, в голове. А так... не знаю” (ДФГ, Москва).

“А мне кажется, человека такого, его как бы, ну, сразу видно: или он действительно нуждается, или он стоит, зарабатывает. Тут сразу почувствуешь как-то вот таких людей” (ДФГ, Новосибирск).

“По внутренним ощущениям” (ДФГ, Новосибирск).

Однако утверждение, что “мнимого нищего” можно легко идентифицировать, опираясь на интуицию, опровергалось очень быстро – как только разговор хоть чуть-чуть фокусировался на этой теме. Приведем два показательных эпизода.

Модератор: Мне интересно, как вы понимаете, что ему надо как раз, что он настоящий?

1-й участник: Ну, как-то чутьем определяется.

Модератор: Только так? Каких-то признаков нет таких?

1-й участник: Какие-то глазки – бегают, не бегают. То есть это все можно определить на самом деле. По манере, по всему...

Модератор: По глазам. А еще по чему?

1-й участник: Но это очень трудно, конечно.

2-я участница: По увечью больше. Смотришь, если человек увечен...

3-й участник: Инвалид, допустим, в коляске какой-то – “почему не дать?”

4-й участник: Их как раз эксплуатируют больше других.

5-я участница: Их больше все эксплуатируют, я тоже так считаю” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: По поведению, по интонации, с которой он обращается.

2-й участник: Была же передача про них. У них целая театральная студия, их готовят. У них и психологи, и гримеры есть, и костюмеры есть.

В повседневной жизни при встрече с просящими подаяние мы в большинстве своем реагируем по наитию, не размышляя: возникает соответствующий импульс (сочувствие, потребность помочь) – достаем кошелек, не возникает – проходим мимо

Их готовят, как перед выходом на сцену. Он выходит уже подготовленный. Он знает, как себя в какой ситуации вести. Поэтому трудно определить.

3-й участник: *Да, трудно увидеть.*

4-я участница: *Мы-то без подготовки ему подаем.*

2-й участник: *Это настоящие актеры.*

5-й участник: *Мы думаем, что они на самом деле нуждаются*” (ДФГ, Самара).

Очевидно, что участники групповых дискуссий в действительности отнюдь не убеждены в безошибочности своей интуиции – даже если и говорят поначалу, что им ее вполне хватает, чтобы понять, кому следует, а кому не следует подавать. По-видимому, дело тут в том, что в повседневной жизни при встрече с просящими подаяние мы в большинстве своем реагируем по наитию, не размышляя: возникает соответствующий импульс (сочувствие, потребность помочь) – достаем кошелек, не возникает – проходим мимо. И не так уж нам важно при этом, насколько верно мы “оцениваем” объективное положение просящего и насколько “правильно” распоряжаемся горстью мелочи. Важнее, что мы поступаем сообразно собственным спонтанным эмоциональным импульсам, доверяем себе – и испытываем ощущение, что помогли кому-то, сотворили добро.

“1-й участник: *Ну все-таки, действительно, такое чувство исполненного долга... Кажется, что сделал человеку чего-то доброе.*

2-я участница: *И он оценил его тут же.*

3-й участник: *Не знаю, оценил он его, не оценил, а просто лично мне, если я подаю, мне кажется, что я сделал хорошее*” (ДФГ, Москва).

Вот в этом смысле наша интуиция оказывается “инструментом” вполне достаточным – и, видимо, именно поэтому респонденты так часто ссылаются на нее⁵. Но в том-то и состоит проблема, что актуализированное знание о мнимых нищих, о криминальном бизнесе на милосердии, получаемое россиянами как из СМИ, так и из собственных наблюдений, качественно меняет ситуацию. Едва ли не каждая встреча с “сомнительным” нищим – с точки зрения эмоционального “послевкусья” – превращается в “безвыигрышную лотерею”: подавая милостыню, не можешь исключить, что твоим доверием злоупотребили, подавая – что из-за излишней подозрительности отказал тому, кому помощь необходима.

Вероятно, именно поэтому особое раздражение у участников дискуссий вызывают такие ситуации, когда нищенствующий не просто стоит с протянутой рукой, ожидая помощи от кого-либо из проходящих мимо, а активно “давит на жалость”, адресуясь – не всегда вербально – к конкретным людям. Различие тут принципиальное: в первом случае можно либо по наитию подать милостыню, либо просто

Каждая встреча с “сомнительным” нищим превращается в “безвыигрышную лотерею”: подавая милостыню, не можешь исключить, что твоим доверием злоупотребили, не подавая – что из-за излишней подозрительности отказал тому, кому помощь необходима

⁵ При этом ясно, что “внутренний голос” чаще советует нам помочь немощному старику или инвалиду, чем молодому крепкому парню, хотя нельзя исключить – и участники фокус-групп об этом тоже говорят, – что первый “работает” на криминальную структуру (или, по крайней мере, вынужден отдавать часть дохода тем, кто его “крышит”), а у второго действительно стряслась беда, и он остро нуждается в помощи.

проигнорировать просящего, “не заметить” его – если такого желания не возникло. Во втором же случае инициатива принадлежит просящему подаяние, и проигнорировать его уже нельзя – приходится принимать решение: подать или отказать. Причем, как уже сказано, при наличии сомнений в том, настоящий или мнимый нищий к тебе обращается (а они, как правило, возникают), избежать психологического дискомфорта, хотя бы минутного недовольства собой не удастся при любом решении. Похоже, именно этим объясняются такие, например, реплики участников групповых дискуссий.

“1-й участник: *Самый мерзкий вариант – это идет девица какая-нибудь и держит ребенка. И давит на жалость. Это совершенно...*

2-й участник: *Да, да. И вот не знаешь: дать или не дать. Смотрю по телевизору, они вот играют этим ребенком, как бы пользуются этим ребенком, работают им.*

3-й участник: *И еще и краденым.*

2-й участник: *И вот думаешь: дать или не дать?”* (ДФГ, Москва).

“1-я участница: *Ну вот нормально, когда они просто просят. А вот те случаи, когда они обращаются со словами или за рукав дергают, так конечно, ужасно.*

2-я участница: *За рукав хватают.*

1-я участница: *Да, это уже... А когда стоит – ну, бабушка вынуждена просить. Кто захотел, тот дал. Кто не захотел, прошел мимо”* (ДФГ, Новосибирск).

Не желая потакать тунеядству и криминальному бизнесу, многие, судя по ходу групповых дискуссий, сдерживают спонтанно возникающее желание поделиться с тем, кто просит о помощи.

“Хочется подать, конечно. Подать хочется. Но, с другой стороны, останавливает, что деньги эти могут пойти куда-то не туда. Я бы подал бы. Если бы действительно человеку плохо – я бы дал” (ДФГ, Москва).

“Вроде бы сочувствие, но ведь заведомо знаешь, что он стоит на работе” (ДФГ, Самара).

Одних – судя по данным массового опроса, немногих – подобные сомнения приводят к решению категорически не подавать никому. Молодой москвич, специально побеседовавший, по его словам, с несколькими нищенствующими, чтобы решить для себя этот вопрос, заявляет:

“То есть получается, что я дурак, что я работаю, – а он умный. Получается вот такая ситуация... Ищи других дураков, я не дурак, чтобы тебе помогать. Такой принцип!” (ДФГ, Москва).

Другие такой принцип отвергают.

“Вы знаете, мне не очень нравится Ваша позиция – про то, что все занимаются бизнесом, про то, что все кругом одни негодяи. Да, на самом деле кто-то занимается бизнесом, но не все же. Откуда мы знаем? У нас же нет рентгеновского зрения, чтобы видеть, кто занимается бизнесом” (ДФГ, Самара).

Но и те, кто не склонен считать всех нищенствующих аферистами, не могут абстрагироваться от информации о наличии таковых и стараются заметить хоть какие-то симптомы, свидетельствующие о том, что данный конкретный нищий действительно находится в критической ситуации. Соответственно, даже сочув-

ственный взгляд становится до известной степени испытующим, подозрительным. Однако тут неизбежно возникают противоречия, нестыковки. Одни, например, считают, что истинно нуждающийся не будет “давить на жалость”, другие – что если нищенствующий всем своим видом не просит о помощи, то это значит, что он в ней в действительности не нуждается.

“Тот, кто работает, – их сразу видно, что это рвачи. Они заглядывают, как бы глазами, вот своим видом вызывают жалость такую, чтобы ему дали. А искренние которые – они стесняются, что они вот тут стоят, с рукой. Вот видно, что она стесняется” (ДФГ, Москва).

“Она не похожа на сильно нуждающегося человека... Такое выражение лица у нее... Если у нее проблемы со здоровьем, должно же это на лице отражаться. Хотя бы вид делала. А она сидит – как будто ей все равно” (ДФГ, Самара).

Некоторые с особым пристрастием обращают внимание на то, как просящий милостыню реагирует на полученное подаяние.

“Вы знаете – как возьмут. Бывает, бабушка возьмет деньги и благодарит от души. Обещает помолиться и так далее. Некоторые возьмут – и все. Так неприятно!” (ДФГ, Самара).

“Если мне вслед скажут: «Храни тебя Господь», это, вы знаете – не напрасно дала эту милостыню. А если просто скажут «спасибо»... «Спасибо» мне не нужно” (ДФГ, Москва).

Судя по общему контексту обсуждения темы, такая потребность в акцентированной благодарности во многом связана именно с желанием получить хотя бы косвенное “подтверждение” правильности своего поступка – того, что деньги отданы тому, кому их действительно следовало отдать.

Так что массовое распространение мнимого нищества естественным образом влечет за собой рост подозрительности, недоверчивости, можно даже сказать, снижает и без того не слишком высокий потенциал солидарности в российском обществе.

“1-я участница: Раньше чаще было, а потом посмотрела – как-то рука не поднимается подать уже. Вот это все мошенничество страшное у нас.”

Модератор: *Из-за этого?*

1-я участница: *Да.*

2-й участник: *Просвещение работает.*

1-я участница: *В каждом видим мошенника, конечно”* (ДФГ, Москва).

Процитированная участница фокус-группы, кстати, специалист по социальной работе, профессионально занимающаяся именно организацией помощи обездоленным. А следующая реплика принадлежит музейному работнику из Самары.

“У нас сдвиг в сознании происходит, потому что этим занимаются как бизнесом, наживаются на нашей жалости, добросердечности. Эту проблему надо решать” (ДФГ, Самара).

Действительно, надо. Только как? ■

MAN OF FIRE

К юбилею Татьяны Ивановны Заславской

В начале марта этого года мне довелось побывать на церемонии вручения премии “Олимпия”, которой награждаются наши выдающиеся соотечественники за достижения в профессиональной и общественной деятельности. Церемония шла своим чередом, все было, как бывает обычно в таких случаях. И вдруг ведущий объявил номинацию – “...за выдающийся вклад в создание основ российской экономической социологии, решение крупных проблем в области экономики и социологии труда...” Формулировка была строга и респектабельна, а мне показалось, что в зале сразу стало как-то уютно и тепло. На сцену поднялась очень элегантная Татьяна Ивановна Заславская, плавно, словно в русском танце, повела правую руку от талии – чуть в сторону и вверх, улыбнулась своей неповторимой улыбкой и незримо сказала несколько приличествующих моменту слов.

Этот жест, эта улыбка сразу вернули меня к теперь уже далекому прошлому – к концу 60-х годов. Тогда, в самом начале моего социологического пути, мне посчастливилось познакомиться с Татьяной Ивановной. В те годы работы Т.И. Заславской и ее сотрудников по изучению миграционных процессов в селах Новосибирской области были для нас, аспирантов первого социологического призыва, одним из образцов, по которым мы учились осваивать премудрости нашей науки. Потом, когда мне удалось подготовить кандидатскую диссертацию, Татьяна Ивановна согласилась взять оппонирование на себя, и я получила от нее несколько бесценных мастер-классов. Она не только внимательно прочитала текст диссертации, но и приняла участие в его доработке и переработке, терпеливо преодолевая мое технарское косноязычие и гуманитарную неподкованность.

А спустя несколько лет мне вновь представилась возможность любоваться этими восхитительными танцевальными движениями, которые сохраняли свое изящество, хотя обстановка, в которой выступала Татьяна Ивановна, была достаточно серьезной и напряженной. Шел 1983 год. На семинаре в новосибирском Академгородке Т.И. Заславская делала доклад, в котором предупреждала о грозящем стране экономическом и политическом коллапсе. С текста, который был напечатан всего в нескольких экземплярах, кто-то сделал копии, и они непостижимым образом моментально разошлись по стране. Очень точно о тогдашнем впечатлении от этого доклада сказал Е.Г. Ясин в своем недавнем выступлении на “Радио Свобода” по поводу юбилея Татьяны Ивановны: “Я помню... прежде всего ощущение того, что об этом наконец кто-то вслух сказал. Мы как бы преодолевали страх. Это было гораздо важнее, чем просто сформулировать какую-то идею... А здесь это было и на высоком научном уровне, и по существу тех проблем, которые перед нами вставали”.

Но, конечно, больше всего возможностей любоваться Татьяной Ивановной появилось у меня во второй половине 80-х годов, после того как я по ее приглашению пришла работать в только-только создававшийся тогда ВЦИОМ, который она возглавила. Годы становления ВЦИОМа и выхода его на режим проведения регулярных общенациональных опросов – это удивительное, незабываемое время. Была увлекательная, дух захватывающая работа (порой тяжелая), была борьба с чиновниками (порой проигрышная), были технологические изобретения и находки (порой ошеломляющие), были конфликты (порой болезненные), были результаты опросов (порой озадачивающие) – многое было. И все это время Т.И. Заславская самоотверженно обороняла и опекала нашу “фабричную бригаду”, поддерживая новаторский дух в непростом коллективе ВЦИОМа.

А потом в недрах ВЦИОМа зародился ФОМ. И сегодня все мы – и те сотрудники ФОМа, кому довелось прожить несколько замечательных лет во ВЦИОМе рядом с Татьяной Ивановной, и те, кто знает об этих годах только по рассказам других, – сердечно, от всей души поздравляем с юбилеем самого очаровательного, самого женственного, самого талантливого и работающего из российских академиков! Дай Вам Бог, дорогая Татьяна Ивановна, здоровья, радости, творческих открытий, домашнего уюта, верных учеников!

От имени сотрудников ФОМа

Лена Петренко

Г. Любарский

Слова двух культур

В 2003 году из печати одновременно вышли два словаря: “Словарь средневековой культуры” (под общей редакцией А.Я. Гуревича. М.: Росспэн, 2003, далее именуемый ССК) и “Константы: Словарь русской культуры” (Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2003, далее именуемый КСРК).

Почему эти словари интересно сравнить? Почему их можно сравнивать? ССК подчеркивает, что речь в нем идет только о западном средневековье, это словарь культуры Западной Европы с V по XV век. КСРК утверждает, что существуют базовые концепты русской культуры, их всего 40–50, они постоянны, а меняются лишь их соотношения, операции с ними. В таком случае речь идет о сравнимых словарях двух культур: перед нами “Словарь Запада” – западной культуры на средневековом этапе ее развития, и “Русский словарь” (в том аспекте, в котором русская культура всегда равна себе, устойчива и постоянна).

Пользуясь этими словарями, можно пытаться ответить на вопросы: как разошлись западная и русская культура? Насколько различны их базовые установки? Возможно ли налаживание продуктивного диалога между ними? Простой перевод не многое может, если за одним словом лежат разные концепты, если одни и те же понятия (скажем “право”) имеют в этих культурах совсем разный смысл. Только познакомившись с наличной разностью смыслов, можно начинать разговор, не обманываясь внешне сходными звучаниями.

* * *

Словари эти – разные, их авторы знамениты и работают в разных областях знания. Каждый из авторов признается, что его словарь не полностью отвечает своему назначению, не вполне точно решает поставленную задачу. Помимо того, авторы словарей имеют разные взгляды, и поэтому даже одно и то же явление могут оценивать и описывать совсем по-разному.

Различия взглядов, представленные в этих словарях, могут быть прослежены до самых корней многих очень известных философских диалогов – ну, например, до самых оснований спора славянофилов и западников. В том, как описаны в словарях западная и российская культуры, мы встречаем множество противопоставлений. То, что говорится в одном словаре, противоречит сказанному в другом. В таких случаях принято вышучивать гуманитариев и требовать, чтобы ученые сговорились и решили, что и как было на самом деле. Так принято.

Однако мы поступим совсем иначе – мы поверим обоим авторам, по возможности – безоговорочно. В словарях профессионально и талантливо описаны основные концепты средневекового Запада и России (современной, прошлой, будущей – самоотжественной). В текстах (более чем в 60 учетных издательских листов каждый) легко отыскать сколько угодно взаимных противоречий, но ситуация тем и замечательна, что, по большому счету, у авторов расхождений нет. Они говорят о разных объектах, лишь изредка бросая косой взгляд на “чужой”

предмет, и даже при этом совсем не всегда оказываются друг с другом не согласны. Имеющиеся расхождения уместнее трактовать не как расхождение авторов, а как расхождение *реалий*. Если хотите, реалий сознания или общественного подсознания, короче, того, из чего соткана культура – идей.

Итак, мы доверяем авторам и собираемся сравнить словари. Я не буду обсуждать, прав ли тот или другой автор, соответствуют ли его суждения реальности, логичны ли они и т. д. Вопрос согласия или несогласия с тем или иным мнением или обоснованием авторов словарей – всецело вне предмета данной публикации, я только пытаюсь сравнить то, что уже *сделано*.

Теперь надо пояснить, что именно мы будем сравнивать. Нам будет интересно сравнивать не “тексты”, не научные позиции и круг источников, не “образцы энциклопедических изданий”, а именно то, что перед нами находится в самом прямом смысле: “Словарь Запада” и “Словарь России”. Мы попытаемся сравнить ведущие идеи двух культур, а не два научных или популяризаторских труда.

Сравнение обретает еще один занятнейший оттенок смысла, если мы обратим внимание на то, что оба словаря, по большому счету, написаны российскими авторами (в “Словаре средневековой культуры” довольно много статей принадлежат европейским историкам, но не они определяют специфику и общий взгляд издания). И потому перед нами – впрочем, как всегда в подобных случаях – два взгляда: на Россию и на Запад, и это взгляды *из одной точки*, из России.

Основания сравнения

Для начала сравним основные принципы, в соответствии с которыми устроены эти словари.

1. Предмет исследования

“Словарь русской культуры” заявляет: “Наша предпосылка такова: русская культура составляет часть, ответвление, стадию, ареал и т. д. европейской культуры” (КСРК. С. 6).

А вот что говорит “Словарь средневековой культуры”: “Речь пойдет о явлениях, характер-

ных для Западной Европы на протяжении тысячелетий – от V до XV века. При всем многообразии социальных и культурных форм всем странам указанного региона было присуще нечто общее и в конечном счете определившее характер культуры, а именно: господство латинской версии христианства – католицизма” (ССК. С. 5).

Значит, наши словари не противоречат друг другу: каждый описывает самостоятельный культурный ареал, не пересекающийся с другим. “Словарь Запада” говорит только о Западной Европе, “Русский словарь” признает, что описывает особое ответвление европейской культуры. В словарях подчас используются одни и те же слова, но предметом их являются совсем разные вещи. И потому все противоречия следует понимать не как спор о словах, а как условие взаимодействия культур.

2. Структура статьи

КСРК в целом придерживается следующего плана словарной статьи: 1) этимология, понимаемая как предыстория понятия; 2) греческая, византийская, европейская история понятия; 3) русская история понятия; 4) сегодняшний день бытования понятия.

В ССК структура статьи – понятийно-логическая. Сначала идет определение родового понятия, потом это понятие подразделяется на виды. Эти виды родового понятия связываются между собой функционально-эволюционной схемой происхождения, так что обычно виды понятия выстраиваются в генеалогическое древо, рисующее развитие родового понятия от исходной формы к конечной. Каждый вид понятия иллюстрируется ясным примером, представляющим классическое для данного вида историческое явление.

3. Структура словаря

В ССК все понятия расположены по алфавиту. Если какие-то понятия близки друг к другу, о них надо говорить вместе – такие близкие понятия либо соединены в одной словарной статье под общим названием, либо связаны перекрестными ссылками. Отдельная статья выстроена по принципу деления понятий: родо-

Нам интересно сравнивать не “тексты”, не научные позиции и круг источников, не “образцы энциклопедических изданий”, а именно то, что перед нами находится в самом прямом смысле: “Словарь Запада” и “Словарь России”

вое понятие (название статьи) характеризуется через составляющие его видовые понятия. В результате вся сложнейшая сеть понятий культуры уложена в строгую и удобную для использования форму.

КСРК устроен совсем иначе. Здесь понятия объединены в “гнезда” по своей смысловой, концептуальной близости. Объединение понятий в одно такое гнездо вовсе не тривиально, это результат глубоких исследований автора, и потому причины такого объединения высказаны только внутри самих словарных статей. Многие понятия более низкого уровня, не ставшие заголовками отдельных статей, а являющиеся лишь подразделами глав, найти можно только через предметный указатель.

4. Основной материал

В “Словаре русской культуры” основной упор делается на языковые данные, на этимологию (автор – лингвист, известный семиотик). Основной “герой” словаря – концепт, проходящий сквозь языки и культуры, принимающий то или иное значение, всегда частное, не равное “надязыковому” смыслу концепта. Концепт отклоняющийся, инвертирующийся, возвращающийся к самому себе – этот концепт правит языком и людьми, и ему посвящен словарь. И потому первое слово его названия: “константы”.

В “Словаре средневековой культуры” основное внимание уделяется этнологии и антропологии (автор – историк и культуролог). А.Я. Гуревич в предисловии отмечает, что данный словарь относится к направлению исторической антропологии. “В центре историко-антропологического исследования находится человек, представитель социальной группы, член коллектива, с которым его объединяет общность мировоззренческих установок, система мировосприятия и социального поведения” (ССК. С. 6).

Тут выступает разное понимание авторами своего предмета, но – вполне внешнее, лишь на уровне выражения. В “Словаре средневековой культуры”, конечно, говорят о человеке, но “Неотъемлемым аспектом исследования становится история понятий, которыми пользовались носители изучаемой культуры” (ССК. С. 7). Здесь можно найти основу для тонкого научного диспута, что главнее и базиснее, но в целом основные установки исследований “не спорят” меж собой: в обоих случаях авторов интересует человек соответствующей культуры, а человек этот видится через призму его идей, через понятия, концепты.

5. Доказательство существования объекта описания

Ю.С. Степанов, споря в предисловии с оппонентами, задается страшным вопросом: а существует ли такой объект, как русская культура? Ответ звучит так: “Русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты” (КСРК. С. 8).

Казалось бы, и вопрос очень каверзный, и ответ какой-то слабый. Ответ означает: пока есть люди, готовые производить действия, характерные для русской культуры, существует и русская культура, и данный КСРК является “самоподтверждающимся пророчеством”, “самоосуществляющимся доказательством”: раз есть этот словарь (и много чего еще, разумеется), значит, есть и русская культура.

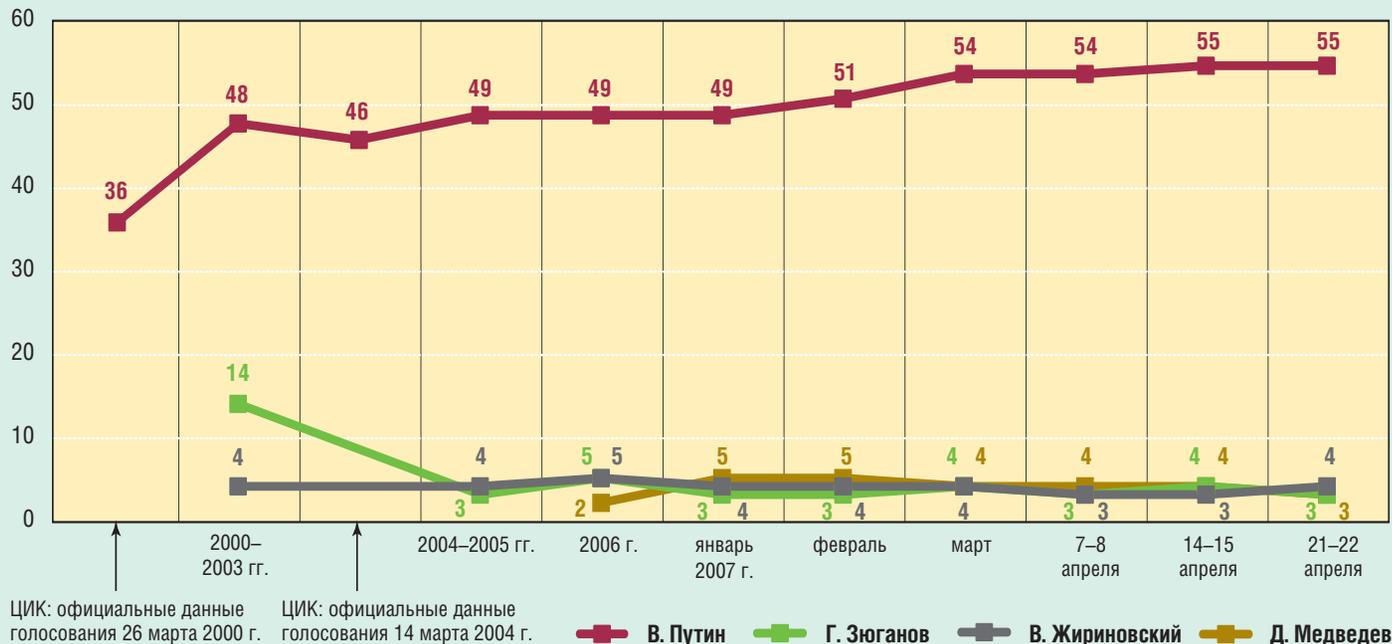
Окончание см. на стр. 69 →

Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

Политики

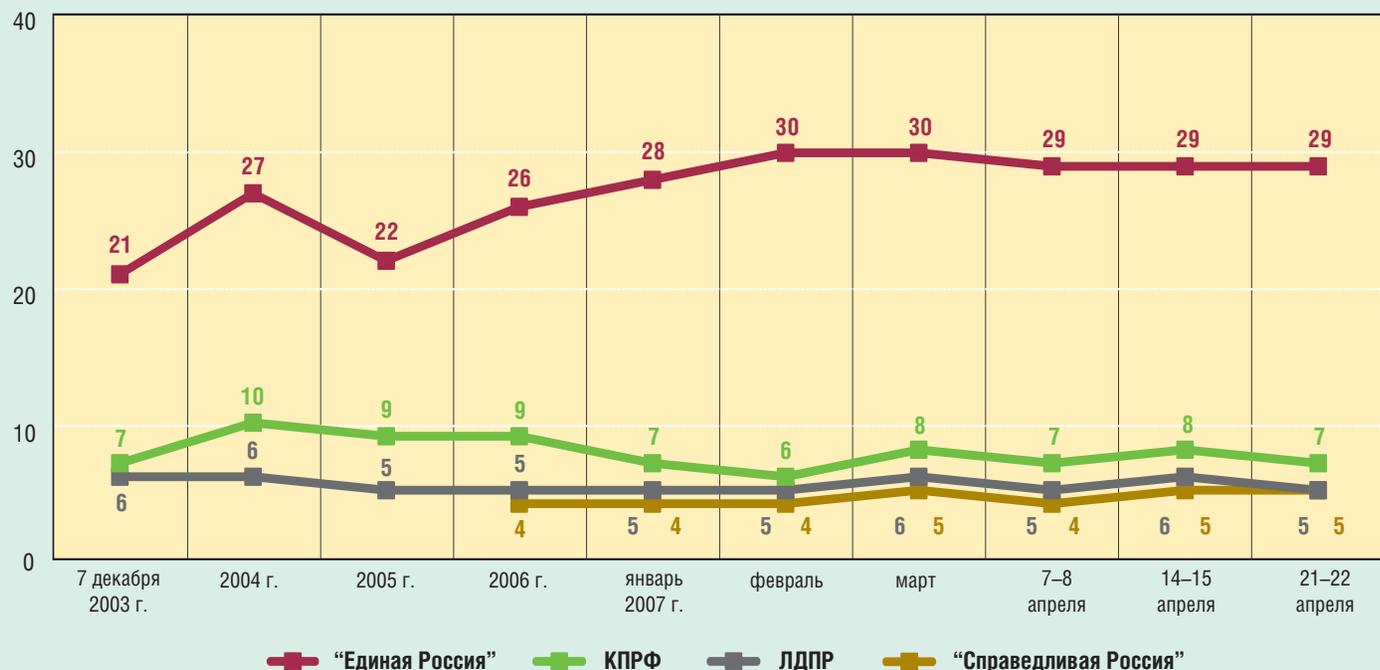
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали?* (Карточка, один ответ)

* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали?*** (Карточка, один ответ)

*** Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%

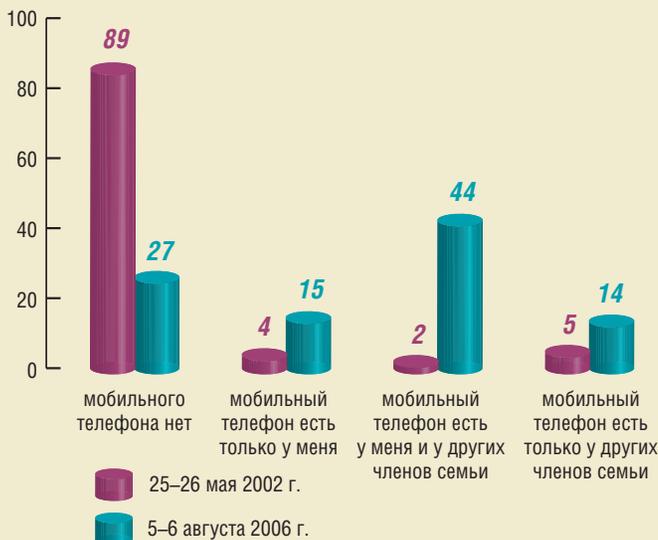
Телефон в повседневной жизни россиян

Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, есть ли у Вас домашний телефон, и если есть, то отдельный или спаренный?

Есть ли у Вас и/или членов Вашей семьи мобильный (сотовый) телефон?

Как часто Вы разговариваете по стационарному, домашнему, телефону?

А как часто Вы разговариваете по мобильному телефону? (Ответы владельцев мобильных телефонов)*

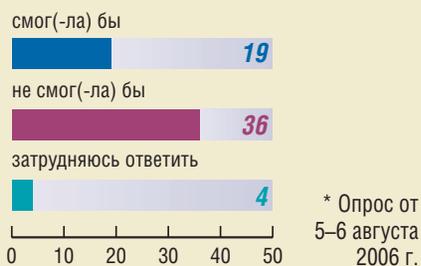
В среднем сколько раз в день Вы разговариваете по мобильному телефону? (Ответы владельцев мобильных телефонов, заявивших, что они им пользуются по крайней мере несколько раз в месяц)*

Как Вы думаете, сейчас Вы смогли бы или не смогли бы обходиться без домашнего телефона? (Ответы владельцев домашних телефонов)

Как Вы думаете, сейчас Вы смогли бы или не смогли бы обходиться без мобильного телефона? (Ответы владельцев мобильных телефонов, заявивших, что они ими пользуются по крайней мере несколько раз в месяц)*

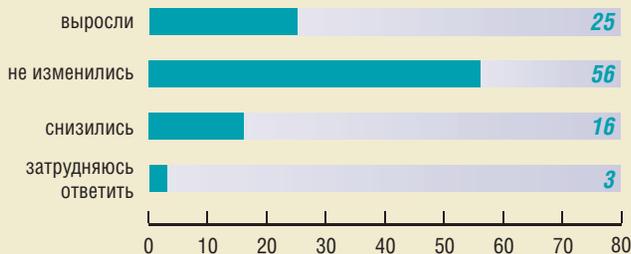

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 10–11 февраля 2007 года. Выборка: 1500 человек

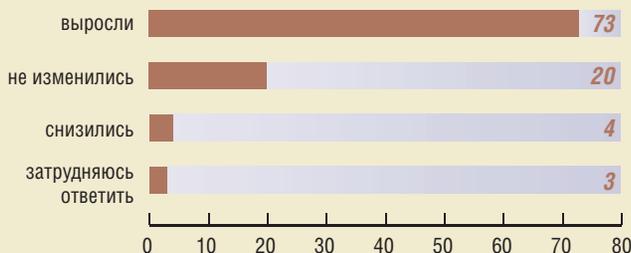
Учет и планирование расходов в российских семьях

Вопросы по данной теме не задавались респондентам, которые живут одни.
Распределения ответов даны в % от числа одиноких респондентов — 90% от всех опрошенных.

Скажите, пожалуйста, за последний год доходы Вашей семьи выросли, снизились или в целом не изменились?

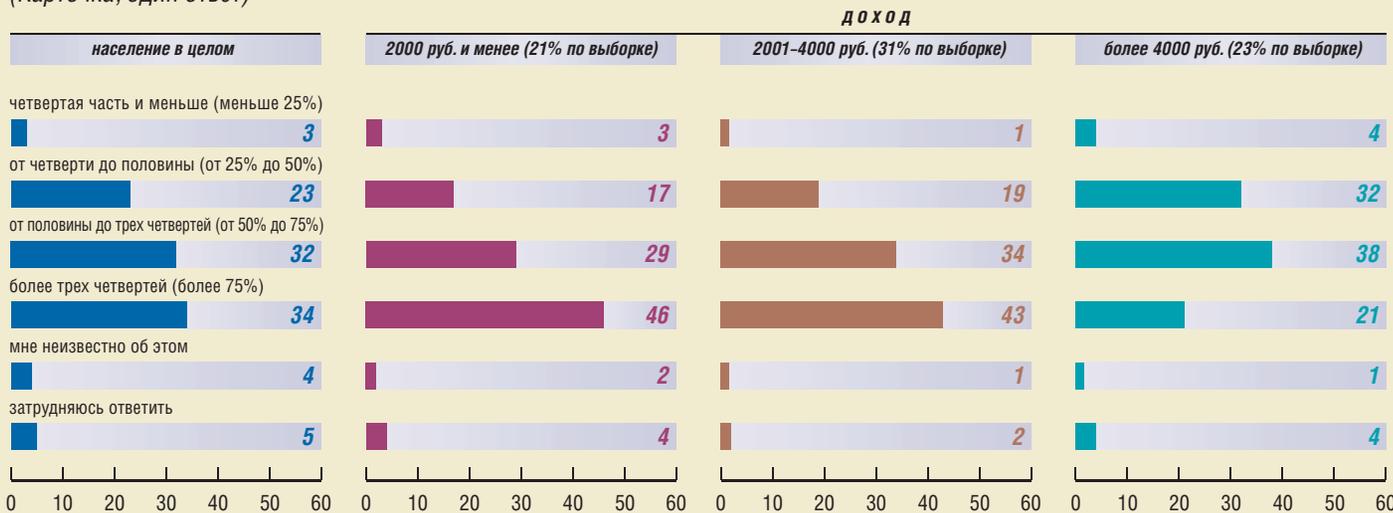
А расходы Вашей семьи за последний год выросли, снизились или в целом не изменились?

Люди по-разному совершают крупные покупки — такие, как крупная бытовая, аудио- или видеотехника. На карточке перечислены несколько наиболее распространенных способов. А как чаще всего поступаете Вы? (Карточка, один ответ)

Какая примерно доля всех доходов семьи тратится на повседневные нужды (еду, коммунальные платежи, транспорт и пр.)? (Карточка, один ответ)

В одних семьях люди регулярно подсчитывают расходы, в других семьях этого не делают. А в Вашей семье принято или не принято регулярно вести учет расходов?

Одни люди считают, что регулярный учет расходов помогает существенно экономить деньги. Другие считают, что учет расходов не помогает экономии. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?

В Вашей семье крупные покупки — такие, как крупная бытовая техника, аудио-, видеотехника — чаще планируются заранее или совершаются спонтанно, то есть без предварительного планирования?

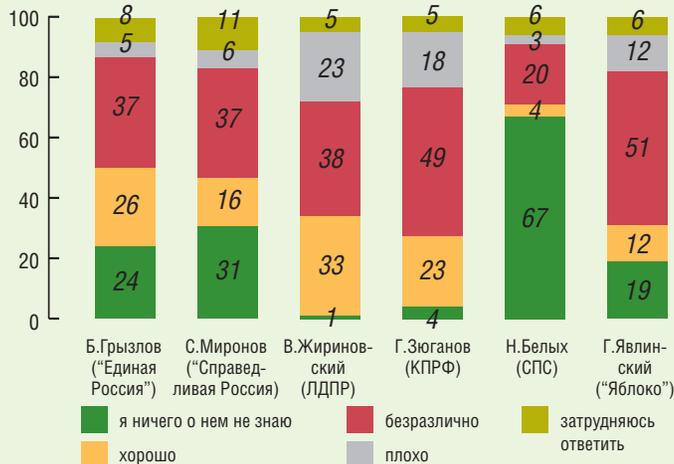
Представления россиян о политических партиях

Данные в % от населения

Как Вы в целом относитесь к этой партии — положительно или отрицательно?

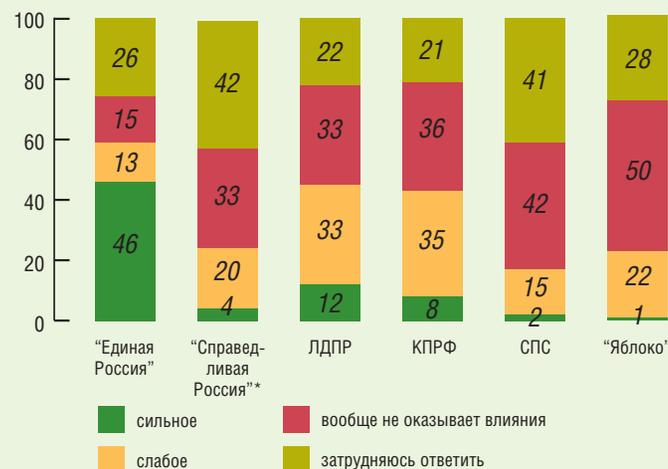
Как Вы лично относитесь к лидеру этой партии — хорошо, плохо или безразлично?

По Вашему мнению, цели этой партии соответствуют или не соответствуют интересам таких людей, как Вы?

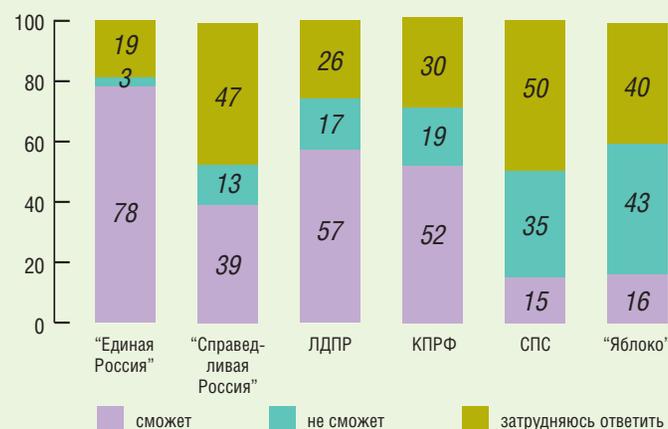
Как Вы полагаете, какое влияние оказывает эта партия на положение дел в стране: сильное, слабое или вообще не оказывает влияния?

В декабре 2007 года состоится выборы в Государственную думу. Вы в принципе допускаете или исключаете для себя возможность проголосовать на выборах в Государственную думу за эту партию?

В Государственную думу пройдут те партии, которые получат на выборах не менее 7% голосов избирателей. Как Вы полагаете, эта партия сможет или не сможет на выборах 2007 года преодолеть 7%-ный барьер и войти в состав Государственной думы?

На графиках представлены данные опросов: о "Единой России" от 10-11 февраля, о "Справедливой России" от 3-4 февраля, об ЛДПР от 17-18 февраля, о КПРФ от 3-4 марта, об СПС от 10-11 марта, о "Яблоке" - от 24-25 марта 2007 года. Выборка: по 1500 человек

Лекарства в аптеках

Данные в % от населения

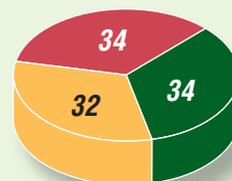
Как часто Вы или члены Вашей семьи покупаете лекарства в аптеках, в аптечных пунктах? (Карточка. Один ответ)

На что из перечисленного Вы в первую очередь ориентируетесь при выборе лекарств? (Ответы заявивших, что они покупают лекарства в аптеках. Карточка, не более трех ответов)

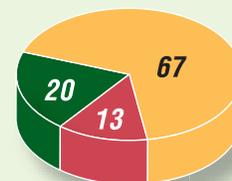

Одни считают, что врачи при назначении лекарств руководствуются только состоянием здоровья пациента. Другие считают, что врачи при назначении лекарств руководствуются не только состоянием здоровья пациента, но и другими соображениями. Какое мнение – первое или второе – Вам ближе?

■ первое
■ второе
■ затрудняюсь ответить

Некоторые считают, что чем дороже лекарства, тем они более качественные и тем лучше помогают. Вы согласны или не согласны с этим мнением?

■ согласен(-а)
■ не согласен(-а)
■ затрудняюсь ответить

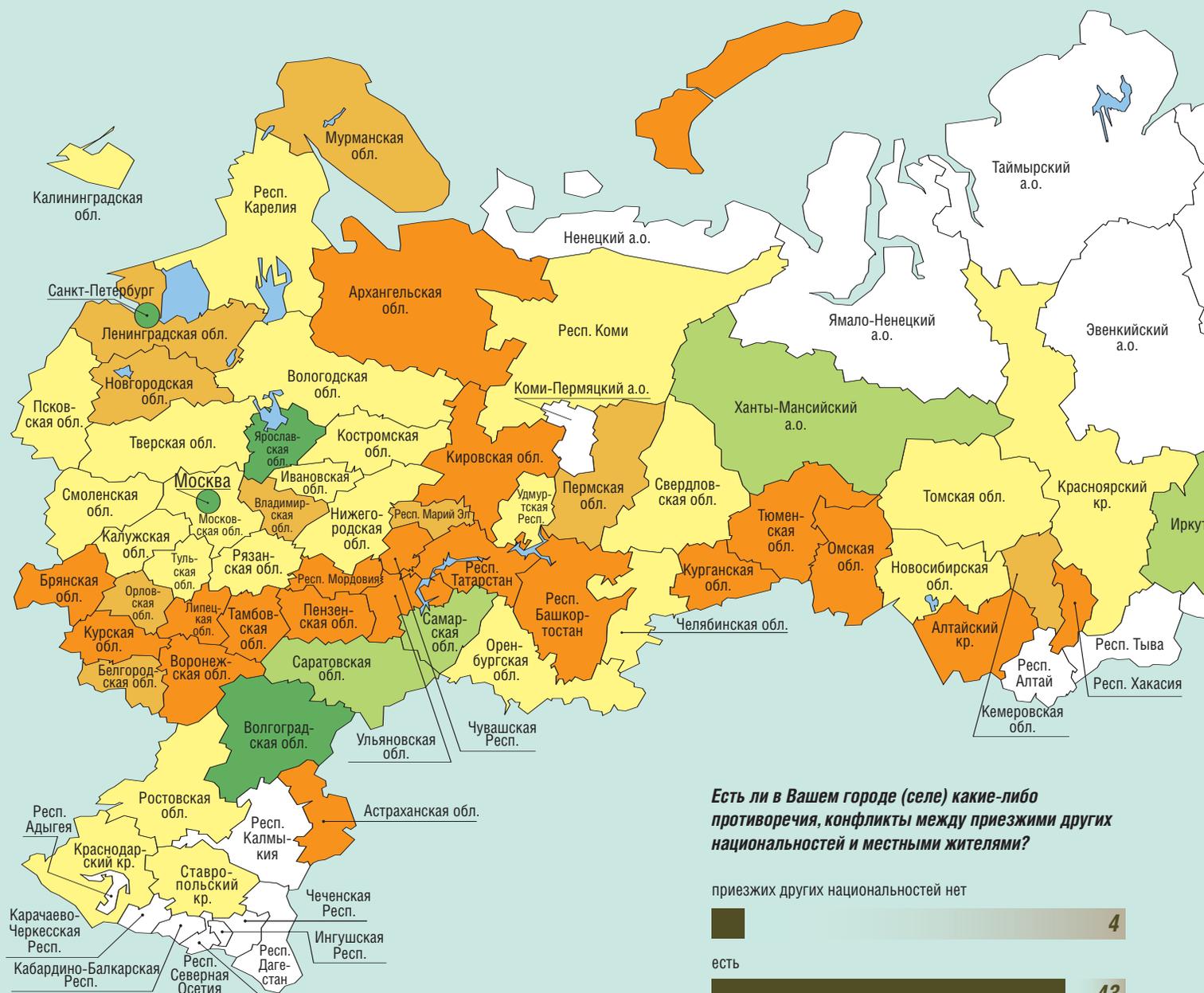
Скажите, пожалуйста, там, где Вы живете, Вы сегодня можете найти в аптеках все или не все нужные Вам лекарства? (Ответы заявивших, что они покупают лекарства в аптеках)

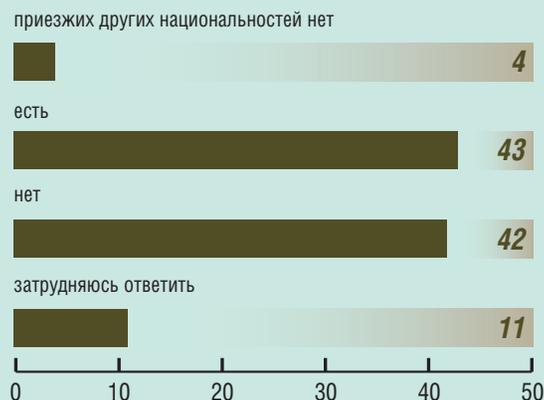
На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 24–25 февраля 2007 года. Выборка: 1500 человек

Межнациональные конфликты в российских регионах

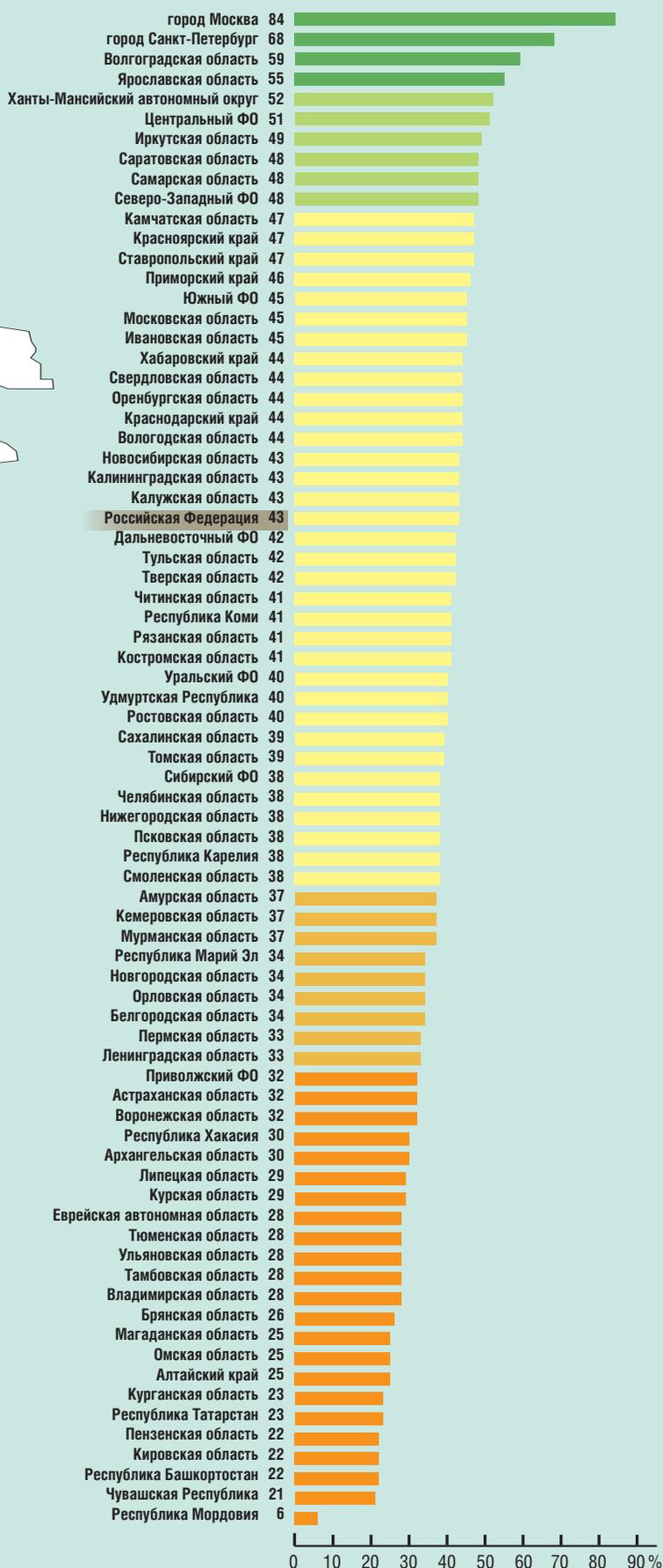
В городе (селе) есть конфликты между приезжими других национальностей и местными жителями

Есть ли в Вашем городе (селе) какие-либо противоречия, конфликты между приезжими других национальностей и местными жителями?

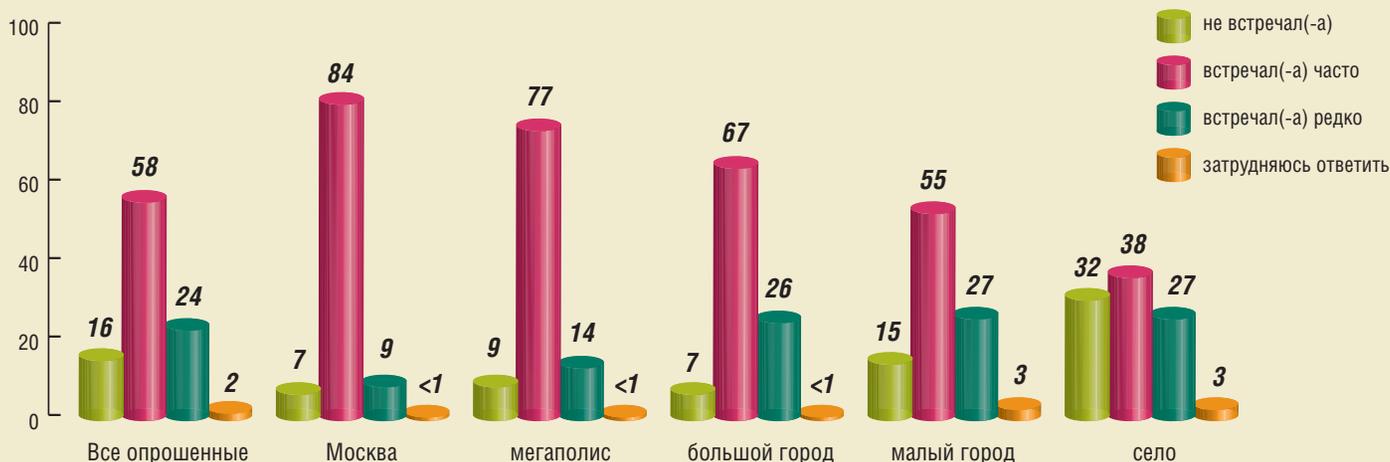
Опрос 5-19 февраля 2007 г. Выборка: 34 000 респондентов старше 18 лет

Отношение к просящим милостыню

Данные в % от населения

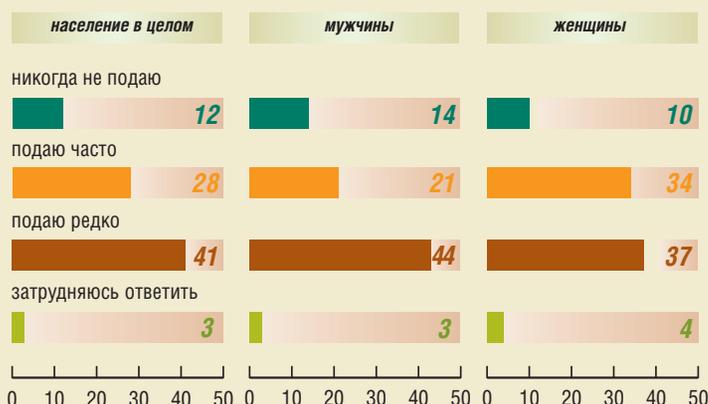
Скажите, пожалуйста, Вы лично в последние два-три года встречали или не встречали людей, просящих милостыню, подаяние в общественных местах? И если встречали, то часто или редко?

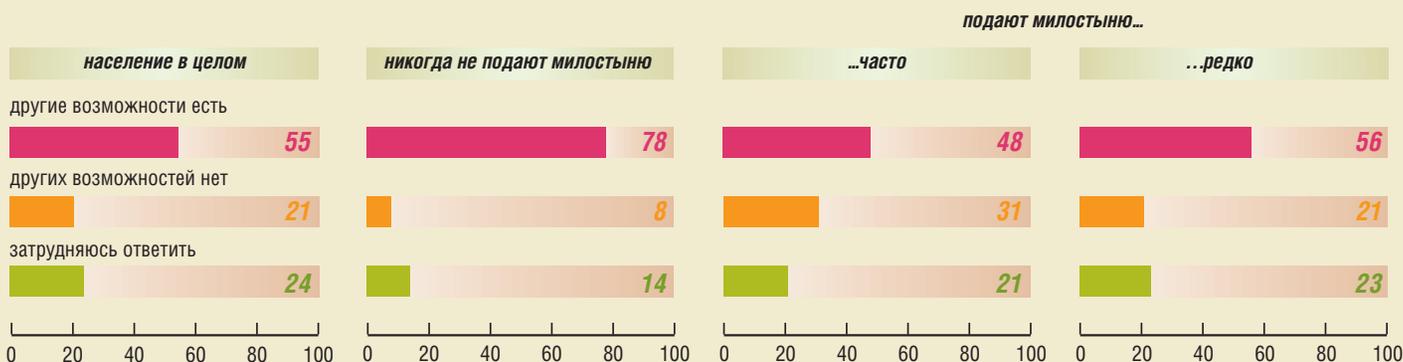
За последние два-три года там, где Вы живете, людей, просящих милостыню, подаяние, стало больше, меньше или в этом отношении ничего не изменилось? Или там, где Вы живете, людей, просящих милостыню, нет и никогда не было? (Ответы заявивших, что в последние два-три года они встречали людей, просящих милостыню, подаяние в общественных местах)

Вы когда-нибудь подаете или никогда не подаете милостыню? И если подаете, то часто или редко? (Ответы заявивших, что в последние два-три года они встречали людей, просящих милостыню, подаяние в общественных местах)

По Вашему мнению, у большинства людей, просящих милостыню, есть другие возможности выжить, прокормиться? Или других возможностей у них нет?

На графиках представлены данные опроса от 17–18 февраля 2007 года. Выборка: 1500 человек

→ *Окончание статьи.*

Может показаться, что это только авторам русских словарей приходится такими мыслительными ходами обходиться, а вот иные культуры настолько самоочевидны, что достаточно просто ткнуть в явление: “Ну, как же? Вот же она, эта культура!” И никаких тебе сложностей.

И уж Европа-то... Однако “показать” европейскую культуру – дело достаточно сложное. Вот как выглядит доказательство существования объекта у А.Я. Гуревича: “Не только для наблюдателя, смотревшего на Запад извне, но и для самих его обитателей Европа представлялась в определенном смысле единством. Ибо Римская империя, объединявшая весь цивилизованный мир, по убеждению современников, никогда не умирала” (ССК. С. 11).

Получается, что “ткнуть” в существование Европы как в несомненную реальность, конечно, можно, только основание этой несомненности – существовавшая многие сотни лет назад Римская империя, которую помнили, на которую оборачивались и ориентировались различные племена и народы, так что существование Западной Европы коренится в том, чего сейчас нет, но что живет в действиях и идеях европейцев.

Тем самым доказательства существования исследуемой культуры у обоих авторов словарей почти идентичны. И несомненно культурно самостоятельная Европа, и Россия, чья культурная самостоятельность спорна, вроде бы даже сомнительна, живут одним и тем же: действием идей соответствующей культуры.

6. Общественное подсознание

Как же приходится изучать эту культуру, которую так непросто обосновать, на которую трудно указать и которую приходится ежечасно *делать* только для того, чтобы она *была*?

Ю.С. Степанов утверждает: “В Словаре речь идет о концептах, представляющих собой в некотором роде «коллективное бессознательное» современного российского общества...” (КСРК. С. 8).

А.Я. Гуревич указывает на сложности изучения культурной “истории социального”. “Исто-

рию приходится изучать «изнутри» – в полной мере принимая в расчет взгляды и верования участников исторического процесса, в том числе не одни лишь отчетливо прорефлексируемые идеологические установки, но и размытые во всей толще общества, более текучие и расплывчатые социально-психологические формы... История «сверху» неотрывно связана с историей «снизу», историей того образа мыслей, которую современные исследователи нередко называют историей народной культуры” (ССК. С. 7).

И снова установки исследователей поражают своим сходством. Впрочем, высказанная и тем, и другим ученым мысль имеет довольно долгую историю. В 1821 году Вильгельм фон Гумбольдт в сочинении “О задаче историка” сказал: “В ходе этого исследования делалась попытка внушить две вещи: что во всем происходящем действует не воспринимаемая непосредственно идея и что познана эта идея может быть только в пределах самих событий. Поэтому историку не следует искать решения всех вопросов только в материальном мире и исключать идею из изображения происходящего”¹.

Эту мысль мы выскажем так: история есть симптоматология духа; осмысленные исторические процессы проявляются в материальных событиях как симптомы движения идей; отсюда ясно, что история искусств и легенды, мифы, традиции, мнения общества дают историку ключ к пониманию этих процессов. И потому сравнение словарей можно рассматривать как прямое действие по сравнению культур. Мы находимся в ситуации работы с самим объектом (культурой), когда сравниваем содержание словарей. Обе культуры отразились в этих симптомах, позволяя нам сквозь них увидеть перво-реальность идеи, творящей культуру.

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 306.

Сравнение концептов

Где и как живут люди

Город и деревня

Сначала посмотрим, что говорится в соответствующих статьях словарей о городе. В КСРК (С. 657) соответствующая статья рассказывает о типах городов, о начале их появления, о динамике развития и устройстве (слободы и проч.). В целом это рассказ о *морфологии* города. Статья эта ничем особо не выделяется среди других, и ничто не говорит, что мы имеем дело с каким-то особым явлением культуры.

Зато в ССК (С. 113) статья о городе занимает чрезвычайно важное место. Город описывается *функционально*, через функции составляющих его блоков, это функциональное описание дополняется *эволюционно-структурным* описанием с упором на типы правового оформления городского местожительства. Город в Европе – это особый тип социальной организации, самостоятельная политическая и административная единица, корпорация с особым городским правом. Городское право сложилось из системы феодальных привилегий и частнопроводного иммунитета. Город – “коллективный сеньор”, он главенствует над окружающими его поселениями. Важнейшая функция города – экономическая. В городе возникает особый социальный тип – горожанин, который обладает примечательным набором качеств: рациональностью, расчетливостью, индивидуализмом, социальной мобильностью (ССК. С. 119). Подчеркивается, что **город** – это важная, центральная реалья Запада.

Община, которой никогда не было

Теперь из города отправимся в деревню. В “Русском словаре” сама деревня не привлекает особого внимания, но зато в ней живет община, обладающая особой значимостью. Утверждается, что **община** – своеобразная, нигде более в Европе не встречающаяся, ячейка общественного уклада русской жизни (КСРК. С. 655). Деревня и община – центральные элементы русской культуры.

А что наблюдается в другом культурном мире, в Европе? ССК сообщает, что германцы жили хуторами, общин у них не было, и позднее ничего подобного общине в Европе не возникало. Сельские поселения Запада примерно до 1000 года были “малы, подвижны, рыхлы по структуре, социально малозначительны, концептуально не осмыслены” (ССК. С. 134). То есть с самого распада Римской империи (которая, кстати, была империей городов) и до XI века на Западе деревня была совсем незначительна. Зато в XI веке произошла так называемая “сеньориальная революция”. Закон и порядок покинули пространства Европы, разграбляемые викингами, сарацинами, местными сеньорами. В таких условиях земледельцу нет никакой возможности пахать, если не прибьется под крыло одного из сеньоров-разбойников, который, по принципу Е. Шварца (“Единственный способ избавиться от дракона – завести себе собственного”), будет оную деревню сам грабить, а от прочих грабителей охранять. Так около тысячного года в Европе произошло “изобретение деревни”. Но никакой общины в деревне не было, и особого вида “общинного” права, наподобие городского права, не сложилось.

Итак, деревню в Европе сделали рыцари. ССК в статье о деревне говорит, что позднесредневековая деревенская демократия выросла из олигархии, нужной сеньориальной власти. То есть слабое и отдаленное подобие русской общины, называемое в Европе позднесредневековой деревенской демократией, возникло по инициативе “сверху”, для удобства управления зависимыми крестьянами. Далее в “Словаре средневековой культуры” отмечается, что позднее в Европе появляются крестьянские общины, но только

в XII–XIV веках и на основе церковных приходов. Община создавалась вокруг приходской церкви, и роль ее была невелика.

Резюмируя, “Словарь Запада” заключает, что крестьянство появилось в Европе в XI веке с укреплением феодальных отношений. Этот удивительный одиннадцатый век вообще породил множество особых объединений: в это время родилась деревня, университет, крестьянская община, городская корпорация и воровской цех. В общем, в разбойный век народ объединялся как мог. При этом специально оговаривается (ССК. С. 241), что крестьянство в Восточной Европе, в России – принципиально иное явление, чем “крестьянство” Запада. В словаре утверждается, что на Западе никогда не было крепостного права; крепостной в России был бесправен совсем, абсолютно, как раб, а на Западе все имели определенные права, входили в систему Права, связывающую все общество Запада.

Итак, если в “Русском словаре” особое место занимают деревня, община и крестьянин, то в “Словаре Запада” столь же особое место принадлежит городу, его корпоративным правам – и горожанам. Получается, что в русском мифе особое место занимает община с ее особыми свойствами: коллективизмом, взаимопомощью, некоторой даже соборностью, и формируется особый тип человека – общинник. Миф этот оспорен, опровергнут, забыт, повторен, снова разбит наголову, снова выступает из ничего... И вот – глядите! – каким уродился его западный близнец: миф о городе – коллективном сеньоре, о движителе истории (экономическом двигателе культурного процесса), о городе, который порождает своего человека – горожанина, которому уже даже Макс Вебер не нужен и протестантизм ни к чему, он уже готовый деятель нового времени, он уж не просто горожанин, а прямо-таки живой глобалист (помните? рационален, расчетлив, индивидуалистичен, социально мобилен... и чуть не написал – политкорректен).

Назвать что-то мифом – вовсе не значит сделать это несуществующим. Как уже говорилось, оба словаря представляют собой *культурное дей-*

ствие, которое обосновывает культуру фактом своего свершения. Сейчас в лежащих перед нами культурах (словарях) ситуация выстроена так, что на Западе действовал город, породивший своего особенного обитателя. Заостря различия словарей, мы можем сказать: западный горожанин построил Новое время, новую Европу, открыл Америку, сделал ее свободной, разыграл две мировые войны, устыдился, покорил свободолюбивой Америке весь мир, разнес ось зла и принялся за построение глобального мира. А в России была община, которой больше нигде не было, и она породила общинника, который, правда, не успел развиваться, и черты его характера тем самым были унаследованы россиянами виртуально – не от самого общинника, а от идеи, каким бы он был, если бы существовал, и это виртуально-культурное наследование оказалось столь прочным, что определило существеннейшие черты русской культуры и русского бытия.

Сравним отношение города и деревни в системе Запад/Россия. В обоих культурных регионах представлены и городской, и сельский тип поселения, но системообразующим в каждом является свой тип – и свой тип человека. Западная культура – городская по происхождению, а русская культура в большей степени связана с деревней.

Разумеется, если брать ситуацию крупномасштабно, то могут выявиться всякие дополнительные обстоятельства. Например, можно развить сказанное в словарях таким образом. Для деревенской России особо важной окажется роль Центра, Столицы,

в той или иной степени проецирующейся на любой провинциальный центр. А в городской культуре Запада, может статься, выделенной окажется функция границы, фронта, куда “храбрые Билли” идут из городов убивать и умирать. Дополнив понятиями “столицы” и “фронта” городскую Европу и деревенскую Россию, мы получим значительно более объемную картину. Но это – другой масштаб, позволяющий увидеть явления интересные и значительные, но не определяющие своей спецификой всю культуру.

Выстраивая такое противопоставление – Город на Западе и Деревня в России, – можно не увидеть мелких деталей, зато можно различить самые общие контуры культуры: подняться над деревьями и увидеть Лес.

В самом деле, при чрезмерно детальном рассмотрении мы запутываемся в мелких различиях и неточных сходствах, и лес человеческих культур остается не увиденным. В наших словарях речь идет о двух огромных районах этого леса – и мы видим, что в одном “лесообразующий” фактор – город, в другом – деревня.

Дом

С темой деревни и города тесно связан такой концепт, как “дом”. В Европе, по ССК, единицей аграрного населения была не община (которой там не было, согласно словарю Запада), а усадьба, хутор, дом и домохозяин. Так в словаре и говорится: домохозяин – наиболее зримая основа публично-правового и этнокультурного существования варварской Европы. Дом (ССК. С. 143) – основополагающая социальная структура всех крестьянских культур, универсальная матрица представлений и жизненных практик людей. Далее в статье ССК говорится прежде всего о праве на дом, о правах и обязанностях членов домохозяйства. Дом – крепость не только для рыцаря, но и для любого крестьянина. Дом означал собственное пространство, в котором действовало собственное право, и отождествление дома с хозяином укре-

пляло развитие индивидуалистических тенденций в Европе.

Совсем иначе выглядит рассказ о доме в Словаре русской культуры (КСРК. С. 806). Вернее сказать, совсем никак не выглядит. Статья называется “Дом, Уют”. О доме в ней почти ни слова, основной объем статьи посвящен слову “уют”, которое, как выясняется, для русского языка чужое, однако интересно, откуда оно пришло и что означает. Затем в статье разбираются признаки уюта, говорится об интерьере и комфорте. А по-

том к этой статье добавлена дополнительная, концептуально связанная с ней статья – “Буратино”, очень интересная и очень подробная: история оживших кукол с массой интересных текстов и занимательных мыслей. Только о доме там ничего не говорится...

Если можно резюмировать статью одного словаря словами из другого, то надо прямо сказать, что дома в России – “малы, подвижны, рыхлы по структуре, социально малозначительны, концептуально не осмыслены”. Никакого собственного пространства, крепости, отождествления.

Центральная фигура

Итак, по КСРК, в жизни русской культуры центральная фигура – это общинник, крестьянин. В его стране нет города, зато есть Деревня, а в ней живет Община. У него нет дома. Дом в России не означен, как деревня – в Европе. Люди в России живут в отношениях друг с другом, а не в домах.

Совсем иначе выглядит европейская культура. Центральная фигура европейской жизни, судя по ССК, – купец, основной деятель городской корпорации, движущая пружина истории. Этот купец – горожанин, у него обязательно есть свой дом, и этот дом – почти продолжение его тела. Отношения с другими людьми зависят от этих первореальностей (Город, Дом) и определяются Правом. Впрочем, об этом – чуть позже.

Еда и питье

После того как мы выяснили, где живут люди в России и в Европе (в поле общиной и в домах поодиночке), добавим еще одну различительную деталь: что эти люди едят и пьют. В ССК (С. 170) имеется статья с названием “Еда”. В ней рассказывается, что в средневековой Европе можно выделить два ареала: Южная Европа – в большей степени вегетарианская, где питались в основном хлебом, и Северная Европа, где основная пища – мясо. Далее, по мере хода времени и социального развития, шла социальная дифференциация, и по всей Европе хлеб становится пищей бедных, а мясо – пищей богатых, знати. Отдельные разделы статьи говорят о пирах, праздниках, о *ритуалах* и обычаях, сопровождающих пиры; отдельный раздел – о посте и *системе* пищевых запретов.

В КСРК (С. 284) имеется гнездо статей: “Огонь и Вода”, “Хлеб”, “Водка и пьянство”. В “Огне и Воде” речь идет о крупных “изоглоссах”, о смысле “творящего огня”, то есть о концепте, наследуемом в кругу индоевропейских культур. Слово “хлеб” заимствовано из готского языка и в русском имеет исходно довольно узкое значение – “ржаной дрожжевой хлеб, выпеченный в виде каравая” (КСРК. С. 289). То есть русский хлеб – исходно черный. В статье “Водка” говорится, в частности, о культурных ареалах, связанных с этой реалией. Например, к белому хлебу, конечно, подходит вино, и вино с белым хлебом пьют в Европе, а в России хлеб – это хлеб черный, и пить под него (и наоборот, просто пить – с ним) лучше, конечно, водку. Европа, значит, выделена белым хлебом и вином, а Россия – черным хлебом и водкой. В мире можно выделить большие культурные ареалы по тем наркотическим средствам, которые употребляют люди. Всего автор насчитывает три таких крупных ареала: алкоголя (Россия и Европа), опия (Восток) и кофе с табаком (Африка, Америка). Внутри “алкогольного” ареала выделяется несколько субрегионов – виски, вино (Европа) и регион “специфически русского явления” (КСРК. С. 294) – водки. Последний раздел статьи “Водка и пьянство” называется “Связь русской водки с законами мироздания” (КСРК. С. 292).

Итак, статья о еде в ССК мало того что выделяет иные реалии и оппозиции (хлеб/мясо против хлеба/водки в “Русском словаре”, причем о мясе в русской культуре и слова нет). Очень большое внимание на Западе уделяется *формам* вкушения пищи (пир, ритуал, обычай, обряд, пост, запреты...). В “Русском словаре” об этом почти не упоминается, зато Хлеб с Водкой приобретают ранг философских категорий, определяющих культуру. В этой связи напомним, что в ССК чуть больше сотни словарных статей, и среди них почти никак не выделены “особо главные”. В КСРК статей – чуть больше 60 (вместе с дополнительными), и упомянутые Хлеб с Водкой входят в число Констант – с большой буквы.

Разумеется, в сравниваемых словарных статьях упомянуто множество тем, которых я даже не коснулся в кратком пересказе. В результате же сравнения словарей по теме “еда и питье” можно сказать следующее. В русской культуре важен состав пищи: “человек есть то, что он ест”. Особенности виды пищи, доминирующие в данной культуре, оказывают глубокое влияние на людей, так что названия пищевых продуктов расширяют свой смысл до мировоззренческих категорий, строящих мироздание. На Западе тоже уделяется большое внимание составу пищи, но еще более важной оказывается форма, в которую облечено ее поглощение.

Важно не то, что человек ест, а то, как он ест (вспомним Н. Элиаса, выводящего из такого рода “формальных бытовых обычаев” понятие “цивилизованности”).

Нехорошие вещи

Грехи

В “Словаре средневековой культуры” статья с этим названием наполнена схемами. Основное ее содержание – различные схемы грехов, которые были изобретены теми или иными богословами. Так, грехи были систематизированы греком Евагрием Понтиком в IV веке. Эта систематизация исходила из трудностей грехоизживания и очень полезна для личного духовного

К белому хлебу, конечно, подходит вино, и вино с белым хлебом пьют в Европе, а в России хлеб – это хлеб черный, и пить под него (и наоборот, просто пить – с ним) лучше, конечно, водку. Европа, значит, выделена белым хлебом и вином, а Россия – черным хлебом и водкой

совершенствования. Сначала в ней перечислены грехи телесные, грубые, а потом идут трудноизживаемые духовные грехи. В V веке Иоанном Кассианом предложена другая система. Здесь все грехи выстроены генеалогически, по своему происхождению – от гордыни до самых маленьких грешат. Потом в VII веке папа Григорий Великий создал свою систему, потом все эти системы боролись меж собой, потом папова система победила. Завершается исполненная понятных схем статья заключением, что эволюция представлений о грехах связана с ростом городов, возрастанием роли торговли, купцов, изменением нравственности и проч. Списки грехов, составляемые учеными богословами, оказываются, отражают происходящие социальные изменения.

В “Словаре русской культуры” (КСРК. С. 890) тоже есть раздел о грехах. Центральным концептом русской жизни в данном направлении оказывается Тоска, и только как рефлекс, как одно из отражений этого центрального концепта возникает представление о грехе и искуплении. Грех толкуется по Кьеркегору и Дамаскину с привлечением Шестова. Здесь нет и следа схемы или

системы. Ю.С. Степанов излагает философию человеческой души, философию страха и тоски, приводящих к греху. Проводится исповедальное проникновение в глубины души, к корням греха. На многих страницах раскрывается не система грехов, а богословие греха и покаяния.

Здесь мы замечаем противопоставление даже не столько содержания статей, сколько взглядов на предмет, противоположность того, как автор относится к предмету своего описания. Для ССК грехи как таковые – не вполне существуют (мы же просвещенные люди, в самом деле...), речь сразу заходит об оформлении тех культурных феноменов, которые возникали в европейской культуре в связи с таким понятием, как “грех”. А в “Русском словаре” – наоборот, автор почти не успевает сказать о “форме”, его сразу захватывает само содержание. Грех здесь, в России, вполне реален, он поедает души, является серьезной задачей, с ним надо разобраться, понять, изжить... Тут “феномены культуры” служат не для схематизации знаний о грехах, а для обучения: автор учится сам и призывает читателя: “Смотри, я нашел, где эта пакость коренится. Ее вот отсюда удобнее ухватить и выковыривать. Это *вот так* делается...”

Дьявол

Раз зашел разговор о грехе, как без этого... В обоих словарях есть. Но – прелюбопытно различным образом. Вот “Словарь средневековой культуры”. Статья “Дьявол”. Сами понимаете, этимология и мифология, рассказ о том, как в народной европейской культуре происходило сплетение христианской теологии и фольклора. Красивые примеры из средневековых проповедей. В общем, отличная историко-антропологическая статья.

А “Словарь русской культуры”... статья в нем называется “Черт, бес”. Этимология, но тут же и описание внешности черта. Подробно описаны его многочисленные неприятные свойства, его характер. Приведены синонимы и разобрано происхождение этих иных наименований того же черта. Персонаж получается, в общем, симпатичный, юморной. Не без греха, но зато затейник. Наш бес, свой, родной...

Дальше обнаруживается, что... черт как концепт связывает нас с глубинными пластами народной славянской культуры, а Дьявол и Сатана (как культурные концепты) – включают нас в культуру Европы (КСРК. С. 866). То есть черт у нас свой, русский, не европейский какой. И водку, надо полагать, хлещет, черным хлебом занюхивая.

В конце статьи о черте намекается, что в европейском срезе, где не бес, не анчутка, а Дьявол, – там, в европейской культуре, готовится (людьми готовится, людьми, но все же) примирение Бога и Дьявола. Вот так культура-то легла, вот такой стороной, европейская... Смотри и понимай, кто слышать может.

Какое уж тут, к черту, заключение к разделу писать, что теперь сравнивать... Вон в Европе какую гадость удумали – просто слов нет.

В “Словаре Запада” дьявол – мифологический персонаж, и описание его по текстам средневековой культуры принципиально такое же, каким могло бы быть описание Арлекина из комедии дель арте, Гансвурста или Панча. В “Русском словаре” константа “черт” выводит к совсем другим смыслам. Услуги дьявола покупаются за деньги, он органически связан с миром денег (КСРК. С. 869). Дьявол наступает, захватывает нашу цивилизацию, и схватка с ним – содержание третьего тысячелетия христианской истории (КСРК. С. 871). Дьявол в “Русском словаре” – вовсе не сказка для необразованных, он – действующий смысл, разрушающий культуру человечества. Так что различия между русским чертом и европейским дьяволом весьма глубоки, один – реальная сила, другой – сказочный персонаж.

Высшие ценности и высокие понятия

Время: круг и линия

Статья с таким названием есть в обоих словарях. В КСРК (С. 117) показано, что слово “время” происходит от концепта “круговорот”; время в русском языке – циклическое. В этом смысле оно противостоит линейному библейскому времени и восходит к колесовороту, круговороту времен года и сельских работ.

В ССК (С. 96) говорится, что в архаических обществах время циклическое. Средневековая цивилизация Запада – аграрная, в ней время повторяется, оно еще в значительной мере циклично. Но христианство разрывает закольцованное время, в XIII веке изобретают механические часы, устанавливаемые на башнях соборов, и происходит переход от “времени церкви” к “времени купцов”: время – деньги. Разумеется, это только начало процесса, процесса выпрямления измеренного времени.

В Средние века в Европе время еще слегка сбивалось в цикл, но в Новое время было решительно выпрямлено, что равно пригодно хоть для смысла христианского, хоть для прогрессистского, а хоть и для банковского. А Россия – страна аграрная, во многом от прогресса отсталая, и время у нас по культуре циклическое. Константа такая.

Вера

КСРК (С. 376) дает чрезвычайно интересный анализ понятия “вера”. Слово это оказывается этимологически и концептуально близким к “доверию”. Внутренняя форма концепта “вера” – круговорот общения субъектов, внушение доверия. Исходно имеется неравноправный договор человека и божественных сил, и результатами этого неравноправного договора выступают такие понятия, как *вера* и *беда*; в этом отношении они оказываются близкими – результат одного и того же отношения, ср.: у-бедить и по-бедить (КСРК. С. 378). Итак, из одного древнего индоевропейского корня, концепта “договор”, растут в славянских языках два концепта: результат внешнего подавления – беда, и результат доверия – вера. На базе славянских языков выделяется особая схема отношений: запрос – внушение доверия – вера – запрос... (КСРК. С. 380). Образуется гнездо слов: верный, истин-

ный, клятва верности = вера. Концепт “веры” связан не с Богом, не с жертвой – а с договором! Но именно в славянских языках подчеркивается аспект надежности этого договора, его *доверительности*. Затем в словарной статье излагается развитие концепта “вера” через мысли Вл. Соловьева, Г. Флоровского, В. Лосского, Иоанна Дамаскина... Завершается этот анализ концепта “вера” в “Русском словаре” – Розановым: этот до болезненности чуткий мыслитель говорит, что русская вера – она для старых, убогих, она помертна, для тех, кто стоит перед гробом, и понять ее до конца могут только люди, для которых эта жизнь вот-вот закончится, люди, одной ногой стоящие уже на *там* свете.

В ССК (С. 217) статьи “Вера” нет, самым близким ее подобием является статья... “Католицизм” (отметим, что в КСРК статьи “Православие” – нет). В статье ССК излагается история конфессии. Главной темой статьи является разделение церквей. Специальные разделы посвящены отношениям между церковью и империей – в Византии и на Западе, а также истории папства. Показано становление церковного устройства католической церкви: развитие школ, монастырей, рост организации. Затем рассказано о таких заметных чертах католицизма, как рыцарские ордена и крестовые походы, после

чего доходит речь до социальной истории. На Востоке имелось сильное государство и соотносящаяся с ним церковь, а на Западе – коллапс государства и церковь, вынужденная существовать и расти в условиях этого коллапса. Эти различные условия социального бытования оказывают, по мысли ССК, сильное влияние на дальнейшее развитие конфессий. В частности, каноническое право сильнее развивалось на Западе. С XII века развивается, по высказыванию автора статьи, “мистический *юридизм*”, проявляющийся в схоластике, классификации грехов и множестве иных “слишком формализованных” и “юридически оформленных” явлений в католицизме.

Если мы попытаемся сравнить столь разные статьи, то увидим следующую картину. В КСРК изучается *само явление*, разговор идет о том, что представляет собой “вера”. В ССК разговор идет о *форме веры* в одной из культур, в культуре Запада. Это – краткая история особого культурного института, церкви; точнее – одной из конфессий. И подобно тому, как сама эта конфессия была заражена некоторого рода формализмом и юридизмом, так и статья о ней отличается именно формальностью подхода к теме – чему противостоит потрясающее развитие темы в “Русском словаре”, где индоевропейские корни граничат с текстами философов, а рассуждения о договоре и доверии – с Розановым, в соседстве с которым уже ничто не может остаться систематичным.

И еще: не противоречие, может быть, но различие – в “Русском словаре” подчеркивается связь “веры” с доверием, с особой доверительностью, а для “Словаря Запада” более характерно указание на связь веры с правом. Право предстает во множестве форм: это и организационное устройство церкви и государства, разграничение их сфер влияния, и развитие канонического права, и формальные конфессиональные различия, и системы понятий, описывающие грех, святость, божественность. Право выступает как регулятив, как закон, как граница, как организация и порядок, как форма общения, собственности, торговли. Право как богословие, право как философия, право как религия... Право как форма

существования. Различные лики концепта “право” выступают в статье ССК, а статья КСРК почти не касается этого концепта. В ней говорится о доверии и договоре, разговоре и общении, беде и доверительности, воззвании и ответе – о совсем не правовых категориях.

Любовь

Интересно отметить, что сравнивать в случае с этим концептом почти нечего. В КСРК есть статья “Любовь”. Концепт “любовь” развивался в славянских языках по той же семантической модели, что концепты “слово”, “вера”: модели взаимных отношений двух лиц (КСРК. С. 395). “Любовь”, по мнению автора, “духовный концепт”, при его рассмотрении производится различение любви земной и небесной, вполне в русле самых высоких философских традиций. При этом в русской народной культуре концепт “любовь” понятийно не развит, целомудренно не обсуждается (КСРК. С. 412). Совсем в другом месте, в статье “Трех” есть раздел “Блуд”. Ясно, что там говорится совсем не о любви.

А в ССК совсем нет статьи “Любовь”, наиболее близкое понятие – статья “Куртуазная любовь”: это *категория* средневековой куртуазной

литературы. То есть речь идет о литературном жанре, о придворной литературе, и отношение этой статьи к концепту “Любовь” вполне можно описать, указав, что почитание и обожание дамы, жены сеньора, производилось в тех же терминах, что и служение сеньору.

Личность

КСРК (С. 696) содержит обширную статью под таким названием. Интересно: утверждается, что в современном русском языке слово “личность” отошло на второй план, передав свое значение слову “человек”. Слово “личность” – новое, в древнерусском его не было. В статье рассказывается, как медленно и с трудом пробивалось понятие “индивидуальность” в русской жизни. Индивидуация человеческого существа идет посредством все большего осознания телесности, материализации человека. О высоком философском уровне обсуждения в этой статье можно составить представление и по смежным понятиям из того же концептуального гнезда: “Душа”, “Телесный”, “Ангел”.

В ССК (С. 260) имеется статья с точно таким названием, что внушает надежды на взаимность между словарями. Изложение здесь ведется следующим образом. Запад на определенном этапе своего развития вышел за границы традиционного общества, что связано с появлением нового типа личностей. Прорыв к новому всемирно-историческому горизонту произошел благодаря

В современном русском языке слово “личность” отошло на второй план, передав свое значение слову “человек”. Слово “личность” – новое, в древнерусском языке его не было

развитию культуры индивидуалистического типа. На Западе индивидуальность стала центральной ценностью культуры Нового времени. Что же до самого слова “личность”, то где-то в XIII веке начало вырисовываться понятие “персоны”, “личности”. Появление этого понятия было

связано с проповедью – обращением проповедников к стоящим перед ними людям, со смертью, в которой гибнет индивидуальное существо, с идеей спасения, о которой можно говорить применительно к индивидуальной, *этой* душе. Тогда же происходит множество интересных яв-

На Западе появление понятия “личность” связано с проповедью – обращением проповедников к стоящим перед ними людям, со смертью, в которой гибнет индивидуальное существо, с идеей спасения, о которой можно говорить применительно к индивидуальной душе

лений в европейской культуре, в частности – с этого времени начинается индивидуализация почерков (ССК. С. 268).

Статьи по своему смыслу почти идентичны. Слово “личность” в обеих культурах новое, приходит с культурной периферии. Само явление в обоих случаях связано с телесностью человека, индивидуальность прирастает, обращая внимание на тело. Можно вспомнить, что в Европе, как уже говорилось, индивидуации способствовало еще и отношение к дому (крепости тела). И в России все, согласно КСРК, так же и происходит (сравнивать степени и скорости процессов не будем). Единственное слегка намеченное расхождение – может быть, кажущееся – в значимости концепта. В ССК индивидуализация человека – едва ли не самый главный, центральный процесс европейской цивилизации. А в “Русском словаре” – одна из нескольких десятков констант. Можно указать на такой различительный оттенок: в ССК “личность” – понятие *важное и центральное*, но не сказать чтоб особо *высокое*. Бытовое, прямо скажем, понятие. Важное, как хлеб насущный: индивидуация. Какое ж без нее право частной собственности, скажем? А в “Русском словаре” слово это оказывается пограничным с совсем *высокими* понятиями, и окружающие его смыслы не повседневны.

Закон и право

КСРК (С. 571) обозначает исконный смысл концепта “Закон”: закон есть предел для действия. Особенность русской культуры в том, что закон мыслится как предел, межевой столб, грань, за которой лежит какая-то иная среда жизни или духа. Закон – не высшая категория мироздания, а граница внутри сферы более широкой. Взгляд “с той стороны” этого предела, неподчинение пределу – основная черта этого русского культурного концепта. Так расшифровывает автор значение этой категории. Остановимся и повторим: получается, что для русской культуры основной смысл концепта “Закон” – в *неподчинении* ему, нарушении его, в выходе за закон, на ту сторону. За подробным обоснованием этой точки зрения следует обратиться, разумеется, к КСРК, вкратце же можно упомянуть пару примеров. Автор указывает на “обратное” для юридического закона в России: закон совести. “Обратное” для закона Божьего: двоеверие, то есть наличие в обществе двух систем законов, христианского и языческого.

Совершенно иначе выглядит соответствующая статья в ССК. В ССК нет статьи “Закон”, а в статье “Право” (С. 381) говорится, что это – всеобщий регулятив социальной жизни. Право пронизывает все, и природные отношения в том числе (в ССК имеется отдельная статья “Судебные процессы над животными”). Любой человек причастен к праву и подвластен ему. В Средние века на Западе существование признавалось лишь за тем, что обладало правовым статусом. Право – всеобщая связь людей. Среди связанных с этим понятием концептов в “Словаре Запада” используются: ритуал, формула, казуистика, обычай.

В европейской культуре право – это “всё”, всеобщий способ действий, условие действий, цель действий. Более того, право – естественная форма социального действия. Люди сами стремятся оформить свои отношения, так что право естественным образом детализируется и прорастает во множестве явлений социального бытия. А в России... Закон действует откуда-то извне, проводя в обществе черту, границу, за которую почему-то нельзя заходить. А человека

в России тянет именно перейти, посмотреть, что за чертой, свободно двигаться, не взирая на границу. Получается, что закон в русской культуре – категория внешняя, искусственная. Люди не создают для себя законов, законы возникают “сами” и начинают мешать, а дело людей – законы обходить, перепрыгивать, искать в них дырки. Трудно придумать нечто более явно разделяющее две культуры, чем такое отношение к закону (праву).

Святое и сакральное

КСРК (С. 845) описывает концепт “Святое”. По мнению автора, это производный концепт от более глубинного концепта “Святые”. Далее говорится об отделении мира богов от мира людей и возникновении в этой связи понятия “святое”. Святое – всегда часть оппозиции, не самостоятельное понятие, оно всегда требует двойника, пары. В русском языке и в русской культуре таким двойником к концепту “Святое” служит концепт “Скверна”. Автор выстраивает такой ряд понятий: святое (божественное, вне мира людей) – сакральное (связанное с миром людей, но для них запретное) – скверна. В этом ряду элемент “сакральное” подвижен, может смещаться к тому или иному полюсу. В греческой и латинской культурах “сакральное” теснее связано со “Святым”, а в русской культуре – со “Скверной”. В силу этого русская культура приобретает более сильно выраженный дуалистический характер.

ССК (С. 446) описывает концепт “Сакральное” (отдельной статьи для “Святого” нет). Сакральное противопоставляется “профанному”, сакральное – это запрещенное. Статья словаря выстроена так, что в самом ее начале утверждается: мысль о сакральном введена в культурологию Э. Дюркгеймом и в христианскую теологию пришла из социологии религии. Церковь – это специальный “институт сакрального”. Так называемое “сакральное” сосредоточено в отдельных местах (храмы, места паломничества), эти сакральные места защищены от святотатства *каноническим правом*. Далее говорится, что имеется целая иерархия сакрального, например, *иер-*

архия таинств культа, иерархия святых, их мощей и т. д. В конце статьи сообщается, что общая тенденция в развитии европейской истории – десакрализация мира. Однако сакральное, тем не менее, не исчезает, оно переходит в иные области культуры. В Новое время сакральности церк-

В европейской культуре право – это “всё”, всеобщий способ действий, условие действий, цель действий. А в России закон действует откуда-то извне, проводя в обществе черту, границу, за которую почему-то нельзя заходить. А человека в России тянет именно перейти, посмотреть, что за чертой...

ви противопоставляется сакральность короля, потом – нации. Патриотизм и национализм – это секуляризованные формы сакрального. Тем самым весь текст статьи устроен так, что является метатекстом, он повествует не о “самом сакральном”, а о том, как это понятие представлено в культуре и в текстах, комментирующих эту культуру.

Итак, сами авторы словарей видят разницу в понятиях русской и западной культур в том, что сакральное в России – ближе к скверне, на Западе – к святому; в России существует противопоставление святое/сакральное + скверное, на Западе – сакральное/профанное. Но мы обратим внимание и еще на один аспект. Судя по “Русскому словарю”, в России *есть* святое и скверное, это реалии, с которыми соотносится русская жизнь. Судя по “Западному словарю”, сакральное – это скорее категория

научного анализа культуры, культурологическое понятие, чем жизненная реальность.

Мир

Специальной статьи “Мир” в “Словаре средневековой культуры” нет, но есть подобная, называется она “Божий мир” (ССК. С. 51). Это особая форма мира, ограничение открытого насилия. Институт Божьего мира появился вследствие деградации судебной власти. Церковь пыталась за-

Если можно резюмировать статью одного словаря словами из другого, то надо прямо сказать, что дома в России – “малы, подвижны, рыхлы по структуре, социально малозначительны, концептуально не осмыслены”

нять господствующие позиции в обществе и вводила особые правовые институты – Божий мир, Божие перемирие. Эти правила ограничивали насилие в определенных местах (монастыри, места паломничества), в некоторых случаях (против безоружных), в некоторые времена (церковные праздники) и т. д. Божий мир – это скрепленный условием духовных санкций со стороны церкви общественный договор. В дальнейшем эта форма правового действия значительно повлияла на развитие канонического и городского права.

Так выглядит мир западной средневековой культуры. Если же мы обратимся к статье “Мир” в “Словаре русской культуры”, то обнаружим, естественно, что под этим словом скрываются два связанных концепта – мир-вселенная и мир-согласие, или “мир” и “mír”. Ю.С. Степанов замечает, что “особая черта русской культуры – в том, что она... сохраняет это совмещение (*совмещение указанных двух концептов – Г. Л.*), сменившееся в других европейских культурах более резким разделением” (КСРК. С. 86). Что же до смытой революционным напором разницы в правописании – мир и mír – то Ю.С. Степанов говорит, что она издревле соблюдалась очень нечетко,

испокон веков в правописании этих слов путались, обычно выставляя “мир” как в случае “вселенной”, так и в случае “согласия”.

Вслед за различием двух смыслов – мира и мiра – статья рассматривает концепт “мира как обжитого пространства” (в очень широком контексте сопоставлений). Здесь сходятся концепты “место”, “свой/чужой”, “жизнь”, обсуждается структура мира – от “дна” (подземного мира) до вершины (мира заоблачного), а также “центр мира”. Через концепт “свой/чужой” (“мир, где живут свои, обжитой мир”) разговор переходит к вопросу о населении мира (КСРК. С. 113), через древние концепции мироздания – к появлению концепта “Мир-Вселенная, Универсум”. Далее рассматривается вопрос о времени мира, и многие страницы посвящены разбору концепта “время”. В целом “мир” – одна из самых крупных статей в словаре, и она идет первой вслед за вводными статьями. Тем самым концепт “мир” оказывается для русской культуры первичным, одним из самых глубоких, из него “растут” остальные смыслы и понятия.

Вот так выглядят сходные статьи о мире – в “Западном словаре” и в “Русском словаре”. В одном – всюду правила, статуты, договор, установление, институции... Причем статья о мире имеет в ССК узкий смысл частного правового установления (“Божьего перемирия”), а в русском словаре, наоборот, право есть одно из отдаленных следствий существования мира.

Заключительные замечания

Идеи, составляющие две культуры (европейскую и русскую), во многом схожи, но есть и яркие противоречия. О сходстве мы особенно не говорим: чтобы говорить о сходстве, нужен третий член сравнения, нужно что-то чужое и дальнейшее обоим культурам: Китай, ислам или индейцы первобытные. Но на индейцев в этой статье у нас нет места, и нет никаких индейцев в словарях, так что и не будем о них говорить.

Итак, речь идет о различии словарей, различии культур. Вкратце напомним, как выглядят некоторые из оппозиций, заметных при сравнении словарей.

В Европе главное действующее лицо культуры – индивид (общины нет), хозяин, живущий в собственном доме, горожанин. В России центральной фигурой является крестьянин, общинник, живущий таким образом, что даже в “Словаре русской культуры” в статье о “Доме” нету дома.

Едва ли не основным изобретением Европы является город; Россия изобрела столь же уникальный социальный организм – деревенскую общину. Город – центр – малозначителен в России, и потому незначимой оказывается и граница. Россия означена Столицей и Провинцией; Запад, напротив, “поддерживает” категории Центра – в нем значим город и граница, или приграничная периферия.

Центральной категорией культурной жизни Запада является право. Описание западной культуры всюду следует законам формы. В России важнее оказывается внутренняя суть явления, его сущность, и не право, а правда. Право (закон) оказывается важным регулятивом и в Европе, и в России, но если в Европе закон почитают, держат “сторону закона”, то в России закон служит *обратным регулятивом* действия: за закон следует преступить, действовать надлежит “с той стороны”. Так устроены и описания культуры в соответствующих словарях: в ССК смысл подчинен соблюдению формы, в КСРК забота о соблюдении формы не может противостоять желанию эту форму разрушить – ради смысла.

Грех предстает на Западе как “система грехов”, в России – как философия тоски и отчаяния. Вера на Западе есть конфессия, некая социальная институция, в России – непосредственно ощущаемое умонастроение. Индивидуальность – центральное и вместе с тем обыденное понятие западной культуры, а в России это понятие “высокое” до недостижимости. Эта разница культур проявляется даже в образах нечистой силы. Черт, бес, анчутка – наша нечистая сила, вредная, но юморная. Дьявол, Сатана – европейские демоны, деньгами деланные и серьезно ведущие мир к гибели.

Таких интересных оппозиций можно набрать и больше. Однако с самого начала мы

предприняли этот анализ, это сравнение словарей, чтобы не только представить, насколько различны базовые установки двух культур, но и чтобы понять, как этим культурам говорить, как понимать друг друга, какие особенности учитывать, даже когда речь идет об одних и тех же словах, понятиях, концептах. В самом деле, если при слове “закон” европеец благоговейно следует его указаниям, а русского неудержимо тянет преступить, и еще преступить, и посмотреть, как вообще это бывает и с той стороны, и с другой... Остается учитывать местные особенности. А кроме учета?

Бесформенность и формализм

Сама структура сравниваемых словарей выдает это противоположное отношение к форме в России и в Европе. В “Словаре русской культуры” подробно объясняется структура каждой словарной статьи, то есть в каждой статье дается конкретный план изложения данной статьи. Словарь переполнен перекрестными ссылками, отметками о том, что нечто можно найти в другом месте... Словарь показывает неустанную работу формы. Но в целом найти что-нибудь в нем довольно трудно – скажем, о времени говорится в статье “Время” и еще в статье “Мир”. Действи-

---

И несомненно культурно самостоятельная Европа, и Россия, чья культурная самостоятельность спорна, вроде бы даже сомнительна, живут одним и тем же: действием идей соответствующей культуры

тельно, концепты ведь связаны друг с другом, и “Двоеверие” расположено в разделе “Закон”, а вовсе не в “Вере”, потому что так устроены русские концепты... И потому концепты идут “гнездами”, “Огонь и Вода” вместе с “Хлебом” и “Водкой”, вместе идут “Страх”, “Тоска”, “Грех”, “Блуд”, “Грусть”, “Печаль”... Содержательные оправдания именно такого расположения материала

наличествуют в избытке, а вот формы – формы нет. Есть громада замысла и иногда соотнесенная с ней громада материала, форму же этому всему должен придать читатель. Форма “Русского словаря” вынесена из него и отнесена к дея-

В обоих культурных регионах представлены и городской, и сельский тип поселения, но системообразующим в каждом является свой тип. Западная культура – городская по происхождению, а русская культура в большей степени связана с деревней

тельности внешнего (и необходимейшего) агента – читателя, со-творца, собеседника, который будет спорить с автором, не соглашаться, приводить свои соображения, через 147 страниц находить ответный аргумент, восхищенно чесать в затылке и восклицать что-то ёмкое, вроде: “Ай же ты! Вот ведь как оно...” Можно сказать и иначе: форма – и форма сложнейшая – здесь строится, вдыхается в материал, и читатель застаёт это оформление в процессе и должен ему поспособствовать по мере сил.

А “Словарь средневековой культуры” ничего не говорит о своей структуре, в предисловии сказано только о точке зрения, которая объединяет коллектив авторов. Само устройство словаря очень простое – статьи расположены по алфавиту. Здесь все просто и ясно: есть понятия культуры, есть автор, есть очерк, принадлежащий этому автору – очерк точный, конкретный, научный, так что пользователь осваивает содержание словаря легко, и все для него ясно. Жаль только, у этого словаря оглавления нет – но это, видимо, дань восточному происхождению “Словаря Запада”.

Отметим – на случай возможного непонимания – более слабая причастность КСРК к миру форм вовсе не есть эллипсис простой мысли, что этот словарь интеллектуально слабее. Напротив: уровень интеллекта, потребный для чтения

КСРК, много выше, чем для ССК. ССК – именно словарь, составленный специалистами высшего класса для просвещения тех, кто обращается за знаниями к словарю, для непрофессионалов. КСРК – совсем иной, это высокоинтеллектуальный продукт, призванный вызывать своим содержанием размышления (глубокие) у интеллектуалов класса, близкого к авторскому. ССК написан “сверху вниз”, от знающих – к незнающим, от учителей – к ученикам; а КСРК – написан “горизонтально”, от высшего к высшему, и “низший”-необразованный в нем утонет, не разберется. В этом смысле это вовсе и не словарь, а монография-размышление, которой придана форма словаря; монография, стилизованная под словарь.

Основное противостояние двух культур, основная оппозиция, их разделяющая, – это оппозиция *бесформенность/форма*.

Во множестве примеров из двух многотомных книг всюду мы находим одну картину: на Западе мы встречаем мир деятельно вырабатываемых форм, устоявшихся форм, определяющих деятельность людей. Действительность Запада насквозь формальна – и вовсе не в “ругательном” смысле: люди и явления, слова и понятия имеют там оформленные лица, так что сразу можно понять, с чем ты сталкиваешься; мир формы дает одну из важнейших категорий европейской культуры – *claritas*, ясность. Стоит нам сдвинуться в мир русской культуры, как мы встречаем полную спутанность форм, их отсутствие, их неисполнимость и нереальность, их замысленную строгость, размытую несделанностью и непродуманностью. И это тоже вовсе не “плохо” – то есть плохо, только если мы признаем форму высшей ценностью. Однако эта спутанность формы в России не является и достоинством; в России мы видим другие добродетели, но вот достоинства оформленности и ясности мы в России не найдем.

Не то что в России совсем не действует мир форм. Может быть, даже наоборот: в России формы очень деятельны, в Россию идет проникновение формы, непрерывное оформление явлений, но происходит это с трудом, мир формы не дается пока России, и она не дается полностью

миру форм. А на Западе – привычное мастеровитое обращение с формой, договор и право это всем ремесленно знакомые инструменты, это не проблема.

Россия учится работать с формой. Учится у Запада. То, что у нее получится, – не обязательно та же форма, западная, может быть, и своя, даже наверно своя... Но работать с формой надо уметь. Ученик художника потом напишет *свою* картину, но пока он учится у учителя – не учителю картину рисовать, а просто рисовать. Запад научился работать с формой, создавать ясный мир интеллектуальных форм. Запад научился производить эти формы естественно, как дыхание, для него не составляет проблемы оформить нечто, у него иной вопрос – *что* оформлять. Задача русской культуры – не в копировании конкретных форм, выработанных западной культурой для своих нужд, а обучение самому умению оформлять свое содержание.

В ССК (С. 13) сказано, что основной мотив средневековой западной культуры – взаимодействие христианства (католицизма) с народными верованиями, из чего и выросла культура Европы, прошедшая затем Ренессанс и Реформацию и сумевшая *создать* Новое время. Действительно, помимо города и рациональности, становления линейного времени купцов (того, которое – деньги), помимо возникновение личности, в обоих словарях прослеживается еще один сквозной мотив – и здесь уже не скажешь, что это просто ряд противопоставлений. Основным мотивом Средневековья были христианство и христианизация Европы. И для России, по мысли многих великих и славных, главным “мотивом” является христианство, православие. В Новое время мотив угас, заглушен иными ритмами, замечаем все реже. Так – и в Европе, и в России. Сменились времена, и теперь даже в “Русском словаре” лучше говорить о концепте “Вера” – отступить к последним рубежам. Уже не говорим, какая – но сама-то?! Ведь есть! Или нету?..

В обоих словарях и культурах христианство и вера отходят на задний план. И возникает только один вопрос – уже не надежда: а *каким образом в современных культурах можно ве-*

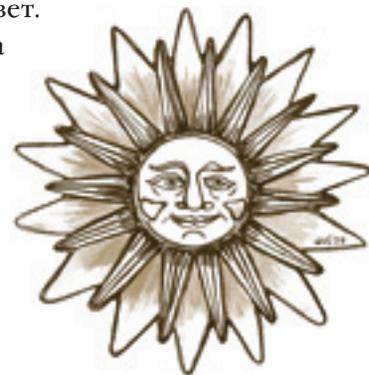
рить? В “Словаре Запада” нет уже и вопроса, а есть такая принятая культурная форма – католицизм, “институт сакрального”, организационная машина по выработке сакрального (подобно тому, как наука в XX веке стала машиной

В русской культуре важен состав пищи: “человек есть то, что он ест”. На Западе составу пищи тоже уделяется большое внимание, но еще более важной оказывается форма, в которую облечено ее поглощение. Важно не то, что человек ест, а то, как он ест

по выработке истины). В “Русском словаре” выражается иное: дело уже не в конфессии, а в христианстве, в вере. Прежняя жизнь этого концепта в культуре становится невозможной; вера становится не предметом “готовой формы”, а предметом исканий; в “Русском словаре” рядом с Дамаскином – Кьеркегор, и это – симптоматично?

Впрочем, читатель обоих словарей с большой вероятностью принадлежит к той обширной страте населения, для которой этот вопрос – о вере – и вовсе не осмыслен. Они думают, что они не верят. Для них вопрос можно перефразировать: каким образом в современной культуре что-либо можно *знать*? Возникает впечатление, что Европа уже дала ответ на этот вопрос, а Россия, таким ответом не удовлетворенная, ищет иной ответ.

Что приятно, форма вопроса такова, что ответ не может быть частным: его можно найти для всех или ни для кого, а только для себя – не найдется.

И это все о нем...

(Портрет социолога на фоне интервью)

Перелистывая 12-й номер журнала “Социальная реальность” за 2006 год, перед тем как плотно заняться статьями, которые в ходе этого просмотра наиболее меня интересуют, я натолкнулась на фамилию В. Шляпентоха. Это было интервью Владимира Шляпентоха Борису Докторову. Обе фамилии обещали нечто интересное: Б. Докторов плодотворно трудится на ниве истории советской социологии, социологии общественного мнения¹, да и В. Шляпентох – человек из нашего “прекрасного далека”, из эпохи “детства” советской социологии. И я принялась за чтение. Сказать, что я испытала сильные чувства, значит не сказать ничего.

Начну с трех больших абзацев в интервью, которые посвящены М. Мамардашвили, А. Лосеву, Г. Щедровицкому, Э. Ильенкову, А. Зиновьеву. Формулировки такие: *“светил типа М.К. Мамардашвили, не говоря уже о работах А.Ф. Лосева”*; *“попытки талантливых людей типа Г.П. Щедровицкого создать нечто оригинальное свелись к доморощенным концепциям, не имевшим отношения к современной науке”*, *“все правильное в них (в работах этих авторов. – Л.Ф.) имело западное происхождение, а все новое было либо тривиально, либо неверно”*, *“еще меньшее отношение к творчеству имеет деятельность тех, кто упражнялся в анализе «Капитала» и его ло-*

гики”. Ну, может, не чувствует человек определенного привкуса в выражениях *“светил типа”*, *“людей типа”* – пишет же он *“заимствованы с Запада”*, *“куча моих коллег”!* Но читать такое – мягко говоря, странно.

Все перечисленные ученые не нуждаются в моей защите – их научная репутация говорит сама за себя. Замечу только, что они, как и упоминаемые в интервью Ю. Левада, Б. Грушин, А. Здравомыслов, В. Шубкин, В. Ядов и некоторые другие, практически сформировали у нас еще в период первой “оттепели” гуманитарно-гуманистическое пространство, в котором находилась нарождающаяся социология, и очень существенно повлияли на профессиональное становление молодых социологов, шедших уже вторым эшелонем. Именно они разрушали тот монолитный идеологический каркас обществоведения, который стоял на пути новых веяний в общей социологии, в социологии общественного мнения, в социальной психологии, в марксоведении.

Это о персоналиях. Но я хотела бы упомянуть еще несколько сюжетов, затрагиваемых в интервью, которые кажутся мне весьма сомнительными по существу.

Прежде всего это склонность ставить в вину нашим обществоведам второй половины прошлого века попытку возвращения к Марксу. Даже

¹ За что коллеги по цеху на недавней (16–17 февраля 2007 года) социологической конференции памяти Г. Багыгина устроили ему настоящую овацию.

если для начала отвлечься от ситуации в СССР, то и на Западе тогда же (не говоря уже о сегодняшнем дне) находились, как хорошо известно, исследователи, которые обращались к Марксову наследию. Открыла первую попавшуюся на моей книжной полке книгу – Ч. Миллс, “Социологическое воображение” (М.: Стратегия, 1998), и с ходу нашла там несколько весьма симптоматичных цитат с упоминанием Маркса. Кстати, по числу упоминаний этот автор находится в книге на первом месте – 17 ссылок; за ним идут П. Лазарсфельд (15) и Т. Парсонс (14)².

Если же говорить о нашей стране, то возвращение к Марксовым корням часто было для социологов «первого призыва» попыткой критики того, что их окружало. Кроме того, ссылки на “священные имена” советской идеологии служили своего рода индульгенцией при изложении весьма спорных с официальной точки зрения идей. Об этом не хуже нашего должен помнить и сам В. Шляпентох, который в своей книге “Социология для всех” (М.: Советская Россия, 1970) упоминает “классиков марксизма-ленинизма”, обильно цитирует их, противопоставляет “марксистскую социологию как подлинную науку” науке “другой”, оценивает К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина как сыгравших “выдающуюся роль в создании современной научной социологии”. Тогда все начинающие социологи сидели в этом смысле “в одной лодке”.

Еще один смысловой мотив интервью – это, фигурально выражаясь, противопоставление “Запад – Восток”. Например, Г. Щедровицкий упрекает за “доморощенность”, которая проявилась в отсутствии на Западе ссылок на его работы. Забавный критерий оценки вклада ученого в науку! Если взять, к примеру, – расширим круг упоминаемых лиц – труды Л. Выготского, Ю. Лотмана, В. Проппа, М. Бахтина, то для неко-

торых из них период приобщения к ним Запада оказался довольно длительным. Но прибавило ли это приобщение хоть что-то к самооценности, самодостаточности их теорий? Ту же линию оценки по оси “Запад – Восток” интервьюируемый продолжает, когда напрямую связывает вклад в советскую социологию В. Ядова и Б. Фирсова с их стажировками в Англии и Франции, как будто до этих поездок они не были серьезными учеными!

Эта ось переворачивается, когда В. Шляпентох критикует американские опросы общественного мнения, противопоставляя им как более совершенные опросы советские. Что тут можно сказать? Конечно, развитие нашей и “не нашей” социологии долгое время не шло параллельно, и из-за этого мы отчасти оказались в лучшем положении – у нас была возможность не повторять чужих ошибок³; мы могли опираться на результаты проведенных за рубежом методических экспериментов, что в принципе и делалось; я уже не говорю о теоретических моделях, наработках, которые можно в той или иной мере использовать, с которыми можно спорить и т. д. Но из интервью создается впечатление, что В. Шляпентох – едва ли не единственный, кто рефлексировал по поводу качества американских опросов. Между тем у нас в свое время только ленивый этим не занимался. Да и в американской научной среде такая тенденция просматривается⁴.

Итак, В. Шляпентох с лаврами критика западной технологии опросов заодно развенчивает и целый этап советской (времени первой “оттепели”) обществоведческой, в том числе социологической, мысли. Создается некий логический равнобедренный треугольник: одна сторона – американская социология, вторая – советская, а между ними – В. Шляпентох. У меня

² Да и на той же конференции памяти Г. Батыгина Маркс был одним из наиболее упоминаемых авторов, что отмечали сами ее участники.

³ Скажем, ошибся Гэллуп в своем электоральном прогнозе 1948 года, рассматривая массив “затруднившихся ответить” в той же пропорции политических симпатий, что и массив “ответивших”. В начале 90-х ФОМ, как потом признавали его сотрудники, повторил эту ошибку. Но в принципе ее можно было избежать и, опираясь на чужой опыт, не наступать на те же грабли.

⁴ Так, например, в книге Ч. Миллса, на которую я уже ссылалась, есть весьма нелицеприятные цитаты на этот счет из П. Лазарсфельда и Б. Берельсона; У. Шрамм в свое время весьма недвусмысленно отзывался о чрезмерном увлечении социологов количественными исследованиями в ущерб качественным, и т. д.

сформировалось убеждение, что это – канва “политико-социологического” самопозиционирования интервьюируемого в период его встраивания в новую для него американскую действительность. Во всяком случае, рассказ о том, как это происходило, весьма красочен и эмоционально окрашен.

Но что в этом треугольнике предьявляется по существу, так сказать, содержательно? Упомянется первый – еще новосибирский – проект автора: *“своими опросами читателей четырех центральных газет – «Труд», «Известия», ЛГ и «Правда» – я получил информацию, описывающую политические настроения советского населения”*.

Хорошо было бы воспроизвести еще и тогдашний научный контекст этого исследования. В то время уже завершилось исследование эстонскими социологами городской газеты “Эдази”, в котором был применен весь спектр подходящих к ситуации исследовательских методик – и опросы населения, и опросы журналистов, и контент-анализ. Когда проект близился к завершению, эстонцы открыли своеобразный “клуб по интересам”: в течение трех лет, с 1966 по 1968 год, в местечке Каэрику проводились конференции с прицельным вниманием к проблемам изучения средств массовой коммуникации. После каждой конференции издавались сборники⁵, где печатались тексты выступлений руководителя эстонского проекта Ю. Вооглайда, Ю. Левады, В. Ядова, Г. Хмары, Б. Фирсова, А. Харчева, Ю. Шерковина и других. Упоминаю лишь некоторых из тех авторов, кто представлен в третьем сборнике по материалам конференции. Я участвовала в ней еще в качестве аспирантки, но и многие нынешние мэтры определяли те годы именно как время своеобразного ученичества в социологии. И не упомянуть об этих фактах в интервью, где подводятся итоги большого периода в развитии отечественной социологической науки, на мой взгляд, не совсем корректно.

Кстати, на третьей конференции в Каэрику выступал и В. Шляпентох. Его доклад назывался “Информация МК как благо” и содержал первые выводы начавшегося исследования четырех газет. А сразу за докладом последовали вопросы присутствующих. Так, М. Титма спросил, что нового внесли авторы в постановку проблемы по сравнению с традицией американских исследований массовых коммуникаций; В. Бойко напомнил, что рассмотрение информации как предмета потребления есть и у других авторов...

Известно, что в любом социологическом исследовании очень важна роль специалиста-предметника – знатока той сферы общественной жизни, которая ставится во главу угла при опросе населения. Я даже рискну сказать, что эта роль – определяющая, она “делает” исследование. В новосибирском коллективе такие специалисты-предметники были: назову хотя бы А. Алексева, видного к тому времени журналиста и известного в кругу социологов теоретика СМК. Но в интервью эта фамилия даже не присутствует. И если на конференции в Каэрику в устах В. Шляпентоха еще звучало “мы”, то теперь – только “я”.

Перейду к проблеме приоритетов при создании выборок. В. Шляпентох рассказывает: *“Уже в Москве, в ИСИ, вместе с Еленой Петренко и Татьяной Ярошенко мы начали разрабатывать первую в истории СССР территориальную национальную выборку”*. И далее: *“Я отправился в ЦСУ, был принят его начальником <...> Л. Володарским, от которого получил формальное подтверждение, что мы первыми за всю историю советской власти проводим опрос на базе территориальной случайной выборки”*.

Развернутое описание территориальной национальной выборки в исследовании “Правда-77”, о котором говорит В. Шляпентох, можно найти в книге Е. Петренко и Т. Ярошенко “Социально-демографические показатели в социоло-

⁵ См.: Материалы встречи социологов “Методологические проблемы исследования массовой коммуникации”, Каэрику-1966 // Тарту: 1967; Материалы встречи социологов “Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация”, Каэрику-1967 // Тарту: 1968; Материалы встречи социологов “Личность и массовая коммуникация”, Каэрику-1968 // Тарту: 1969.

гических исследованиях” (М.: Статистика, 1979). Но там эта выборка ни разу не названа “первой за всю историю советской власти территориальной случайной выборкой”. Спрашивается: почему? У меня единственное объяснение – авторы как раз учитывали научный контекст.

Я не случайно упомянула проект “Эдази”. Опросы населения Эстонской ССР были репрезентативны, и авторы, конечно, не перемешивали население в мешке и не выбирали случайным образом людей из списка от “А” до “Я”. Это был тот самый многоступенчатый (пошаговый, поэтапный, постадийный) метод, который и сегодня применяется повсеместно. Уже были проведены всесоюзные исследования Институтом общественного мнения (ИОМ) под руководством Б. Грушина при “Комсомольской правде” (1966–1967 годы); уже состоялся опрос ЦИОМ (1971) по всесоюзной выборке, которая, как позднее писал Б. Грушин, была построена “блистательным социологом от математики С.В. Чесноковым”⁶ на базе пропорциональной районированной двухступенчатой модели населения⁷; уже был осуществлен большим коллективом под руководством Б. Грушина проект “Общественное мнение” (1967–1974), в котором при исследовании населения города Таганрога использовались как квотные, так и случайные выборки.

Причем я хотела бы специально оговориться: все сказанное нисколько не умаляет значения исследования “Правда-77” для истории социологии в нашей стране. И это исследование, и другие мною перечисленные стали важными вехами на пути развития социологической мысли и ее практического применения. Но разрабатывалась она, эта мысль, коллективными усилиями.

Еще с одним суждением В. Шляпентоха трудно, если не невозможно, согласиться специалисту в области изучения общественного мнения. В интервью говорится: “Только мы и могли создавать воистину новые методики, приспособленные к советской действительности”. Ну, во-первых, здесь практически ставится под сомнение идея лонгитюдных исследований – что же это будут за научные процедуры, которые нужно приспособлять к меняющейся действительности (если только в высказывании В. Шляпентоха не скрывается чего-то такого, что требует дополнительных разъяснений)? Во-вторых, хотелось бы ознакомиться хотя бы с одной такой “воистину новой методикой”, но сильно сомневаюсь, что это возможно.

Наконец, упрекая “ведущих американских специалистов” в nepозволительной наивности, В. Шляпентох замечает: “Они полагали, что их респонденты – честные граждане, готовые сообщить им только правду о своих взглядах и чувствах”. Здесь привлекает внимание слово “правда”. Надо ли говорить, что опрос, выявляющий общественное мнение, – это не исповедь респондента перед интервьюером? Это диалог, дискурс, беседа, общение равноправных субъектов. И любой из элементов коммуникации между ними – фактор влияния на результат. А многочисленная литература на этот счет имеет целью учет влияния таких факторов. И литература эта существует, она огромна – независимо от степени знакомства с ней каждого из нас.

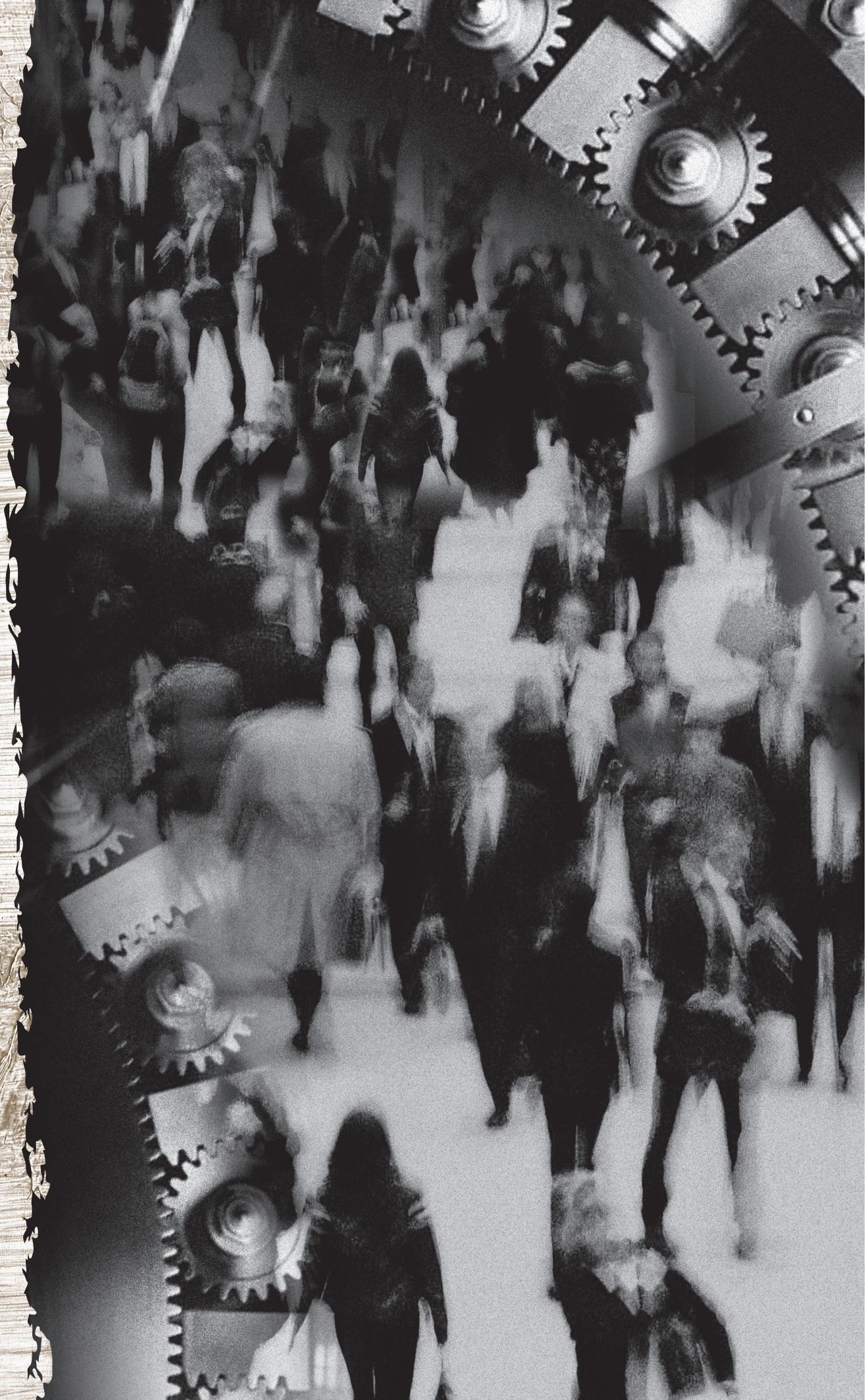
Л.Н. Федотова,

доктор социологических наук, профессор
Международного университета (в Москве)

⁶ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (Часть 1) // М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 34.

⁷ В проводившихся ИОМом и ЦИОМом опросах использовались стратифицированные (квотные) выборки, дислоцированные на различных зонах территории СССР. (Прим. ред.)

WAGTIFPROJECTVAR

От редактора раздела

“Социальные сущности, или объединения и ассоциации людей, имеют по существу идеальный характер, они – продукт мышления в том смысле, что сам факт их существования зависит в сильной степени от сознания их членов”. Данное утверждение Фердинанда Тённиса может показаться спекулятивным или тривиальным. На самом деле заслуга социолога заключается именно в том, что его усилиями сперва в социологический, а затем и в общесоциальный лексикон были введены многие идеи и понятия. В частности, мысль, что окружающая нас социальная действительность, кажущаяся неизбежной в своей принудительной объективности, основана на идеях самих людей о ней. Точнее, на двух неотъемлемых человеческих способностях: *мышлении и воле*.

Воля – это источник силы, из нее рождается любое воздействие; мышление – это источник взаимных связей, основа любых взаимоотношений. Из этого, как показывает Тённис, рождаются *взаимосвязи* – отношения обязательств и ответственности, поддерживаемые всеми включенными сторонами. “Связующая настроенность” людей означает появление не только взаимопонимания, но и более сложных форм объединений: институтов, организаций, государств и т. п. Однако природа взаимосвязей различна, например, для семьи и семейных отношений – и для государства или корпораций: в одном и другом случае задействуются разные формы мышления, объемы знаний, личные ресурсы и т. д. Поэтому Тённис предлагает различать два типа людских агрегаций: *общину* (используется и слово “общность”) и *общество*. “Община” – это естественное единство, рождающееся по мере включения человека в окружающий его мир родителей, родственников, друзей, соседей. “Общество” же – это искусственно сформированное единство, основанное не на естественной предзадан-

ности, а на разуме, договоренностях, замыслах и расчетах индивидов.

Этой, ставшей классической концепции посвящен первый из публикуемых материалов – статья Валентины Чесноковой “Фердинанд Тённис. Община и общество”. Кроме дидактической, у этой статьи есть еще одна важная задача: показать развитие идеи, согласно которой явления индивидуальной психики, воплощаясь в слова, намерения и действия, приводят к появлению самых разных социальных феноменов, которые мы склонны воспринимать как “объективно данные”.

Следующий материал – статья Олега Оберемко – посвящен, казалось бы, совершенно иной теме: феномену благотворительности, тому, как воспринимают и оценивают, как участвуют в этой практике некоторые наши сограждане, исходя из своих “теорий” на этот счет. Но текст интересен в первую очередь тем, что автору удалось показать, как теоретические конструкции, система понятий и различий, сформулированная изначально в виде “социологической алгебры”, помогают исследователю изучать и наблюдать сложные социальные феномены. Сколь бы различной ни была природа “общины” и “общества”, они всегда предполагают наличие “своего мира”. Свое – это значит понятное, предсказуемое и комфортное пространство, и главное – пространство солидарности, то есть моей ответственности за сообщество и ответственности сообщества за меня.

Текст А. Ослона – третий материал раздела – стоит отдельно от тандема Ф. Тённис – идентичность благотворителя. В этой статье речь идет о проекте ФОМа “Георейтинг”, позволяющем видеть страну через сравнение отдельных регионов друг с другом. В таких опросах можно увидеть “целостность страны” воочию. Кто знает, может быть, кому-нибудь это поможет в осмыслении собственной идентичности...

И. Климов

В. Чеснокова

Фердинанд Тённис. Община и общество*

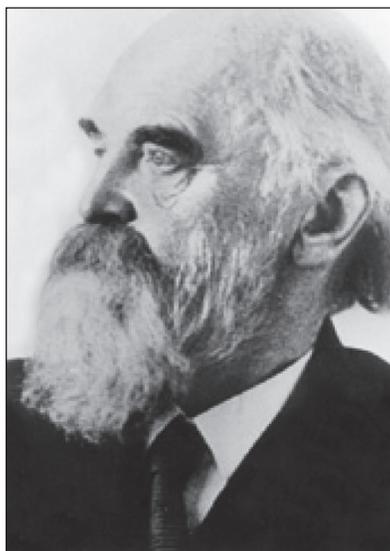
Фердинанд Тённис, один из крупнейших и интереснейших социологов XIX и XX веков, родился в 1855 году в Германии, в области Шлезвиг-Гольштейн, на ферме своего отца, крупного производителя сельскохозяйственной продукции. Жил он в маленьком городке Хусум, окруженном, как повествуют его биографы, морскими видами и шумом волн Северного моря, или, как сказал поэт, “в сером городке у моря”. В университетах Йены, Бонна, Лейпцига, Берлина и Тюбингена он изучал философию, историю, классические языки, археологию, а позднее также экономику и статистику. В 1881 году ему было присвоено звание приват-доцента в университете Киля за ту работу, которая была первым наброском его теперь всемирно известного труда “Община и общество” (“Gemeinschaft und Gesellschaft”) [Toennies. 1926].

Тённис отличался весьма независимым мышлением, а также не очень покладистым нравом, поэтому в консервативных прусских университетах он считался персоной нон грата. Звание полного профессора он получил только в 1918 году, в возрасте 58 лет, уже после выхода на пенсию – и то не по социологии или философии, а по экономике. После Первой ми-

ровой войны, с 1921 по 1933 год, Тённис преподавал, пока нацисты не отстранили его от этой работы, поскольку он был либералом, симпатизировал социалистам и очень интересовался рабочим движением. Приказать или запретить что-либо Тённису было нельзя, так как к тому времени он уже был ученым с мировым именем; по-

этому его уволили. Он удалился в свой “серый городок” Хусум на берегу моря, где и умер в 1936 году – ему был 81 год [Toennies. 1971].

В 1971 году американские ученые Вернер Канман и Рудольф Хеберл в своей книге о Тённисе писали: “«Община и общество»... стала в современной социологии одной из наиболее влиятельных книг. Из этих двух слов, вынесенных в заголовки, так же, как и из дюркгеймовских «солидарность» и «аномия» или из веберовских «бюрократия» и «харизматическая власть», можно сконструировать все здание социологической концептуализации, даже если бы все другие тексты оказались утерянными. Но, как отметил Ханс Фрайер, влияние, которое оказал знаменитый труд Тённиса на все человечество, включая германоязычные страны, остается «анонимным и совершенно неосознанным» по своему характеру: все гово-

Ф. Тённис (1855–1936)

рвать все здание социологической концептуализации, даже если бы все другие тексты оказались утерянными. Но, как отметил Ханс Фрайер, влияние, которое оказал знаменитый труд Тённиса на все человечество, включая германоязычные страны, остается «анонимным и совершенно неосознанным» по своему характеру: все гово-

* Текст представляет собой главу из готовящейся к печати книги: Чеснокова В.Ф. Язык социологии. М.: Академический Проект, 2007.

рят о «Gemeinschaft und Gesellschaft», но едва ли кто-нибудь прочел эту книгу от корки до корки, а тот, кто прочел ее, многое в ее содержании понимает неправильно» [Toennies. 1971. P. 8].

Непонимание Тённиса – это гораздо более широко распространенный феномен. И вызван он тённисовским подходом к объяснению социальных явлений, который оказался весьма неожиданным не только для его современников, но вызывает недоумение и в настоящее время. Например, в солидном Философском энциклопедическом словаре, вышедшем в свет в 1983 году, о Тённисе пишется в таком духе: “Несмотря на психологизм концепции Тённиса (общественные отношения классифицируются по типам воли), она содержала ряд ценных моментов...” Вообще-то странный подход, но кое-что ценное можно извлечь и отсюда (!). Действительно, кто начинает с общественного договора, кто с понятия социального института, кто с борьбы классов, а Тённис – с человеческой воли, понятия субъективного и как-то совсем не вписывающегося в привычный круг социологической терминологии, с которым непонятно, как иметь дело.

Не следует забывать, что в XIX веке желанными и недостижимыми образцами для социологии были принципы исследования естественных наук. А естественные науки обычно имеют дело с предметами материальными, даже если их невозможно пощупать рукой или увидеть глазом, они находятся вне человеческого сознания и от него не зависят, они реально существуют в действительности. Сознание же (субъективный элемент) должно вносить в наблюдение и описание как можно меньше “своего”, так как это “свое” чаще всего выражается в неправильном восприятии внешних предметов и процессов, в искажении результатов эксперимента и т. д. И чем полнее удастся элиминировать этот “субъективный элемент” из результатов наблюдений, тем чище и правильнее результат.

И тут вдруг Тённис предлагает *искать причины внешних реальных социальных явлений именно в сознании людей*. Он пишет: “Но наиболее энергично я настаиваю на теории, согласно которой социальные сущности, или объединения и ассоциации людей, имеют по существу идеаль-

ный характер, они – продукт мышления в том смысле, что сам факт существования их зависит в сильной степени от сознания их членов”. И далее: “Эта социальная реальность основана на идеях о ней – следовательно, на сознании людей”. Отсюда: “...мышление и воление существуют как объективные реальности”, а те социальные явления, которые являются результатами этих процессов, есть не что иное, как “идеально сконструированная субъективная сущность”, – сюда относятся не только привычки, убеждения (непосредственно определяющие поведение человека), но также и обычаи, нравы, установления, а в конечном счете и формы социальных учреждений и институтов, организаций и проч. Поскольку “*социальное объединение имеет, во-первых и прежде всего, нечто, что можно называть существованием только благодаря объединенной, следовательно социальной воле тех лиц, которые входят в него, если и когда это объединение представлено в их сознании*”. “И это основание существования – самое фундаментальное, а прочие зависят от него” [Toennies. 1971. P. 102–103].

Собственно, здесь мы имеем дело с радикальным выражением того подхода, над которым социологи работали и раньше. Ведь что такое социальный институт? Система норм и правил поведения, а эти нормы и правила – не что иное, как продукты человеческого сознания. Этот факт признает любой ученый. Но в таком виде, как они до сих пор выступали в социологических концепциях,

они все-таки производят впечатление чего-то внешнего по отношению к человеку, чего-то, чему он вынужден подчиняться. Существуют специальные органы власти, способные привести его к повиновению (хотя сами эти органы базируются на тех же системах норм и правил, но это как-то “не бросается в глаза”). Тённис просто довел свои рассуждения до конца. Право и обычай, доказывал он, – это только различные проявления социальной воли. Они обладают значимостью на тех же основаниях, что и обращающиеся банкноты или монеты, эталоны мер и весов, хронологии, знаки письменности, это же применимо “к находящимся в обращении точкам зрения и суждениям, в частности и к моральным стандартам, к манерам и этикету, короче, ко всем условностям. Оценить, что есть эта условность и каков ее объем, – это значит, по крайней мере, понять одну из главных граней природы и силы социальной воли” [Toennies. 1971. P. 98].

Эту цепь логических заключений необходимо было привести, чтобы перейти от анализа устойчивых, социально закрепленных и поддерживаемых систем норм и правил к анализу гораздо более “эффемерных” во времени, менее определенных и текучих человеческих отношений. Здесь уже нельзя оставлять за рамками тот факт, что “права и обязанности... во-первых и в главных, являются таковыми, поскольку они действительно воспринимаются и мыслятся как таковые лицами, связанными с этими отношениями” [Toennies. 1971. P. 94].

Существует, правда, и иной подход, принимающий, что отношения между людьми (те, которые не определены официально и юридически) возникают из чувств и инстинктов людей, и именно типичностью этих генетически определенных чувств и инстинктов обуславливается их повторяемость и устойчивость. А устойчивые системы норм “отстаиваются” уже из этих непрерывных, спонтанно возникающих реакций людей друг на друга. Тённис эту точку зрения решительно не приемлет. Социальные отношения возникают не из спонтанной инстинктивной реакции, не под влиянием чувств (хотя эти элементы в них, безусловно, существуют), они обязательно подразумевают этап *осмысления и реше-*

ния, причем решения не индивидуального, поскольку в отношениях всегда идет речь не об одном человеке, а по крайней мере, о двух и более, так что кроме инстинктов и чувств необходимо еще и *взаимопонимание*, и *соотнесение своего поведения с поведением других*. Кроме того, для нескольких человек, вступающих в общее действие, важное значение имеет *формирование понятия цели* того, чего они желают достигнуть, средств и т. д. Так что инстинктивными импульсами и чувствами тут не обойтись, в дело, безусловно, должны вступить *представления*.

Здесь мы видим, как Тённис с помощью своего понятия воли подходит к той самой грани, где явления индивидуальной психики выходят вовне, воплощаясь в слова и действия, и начинают формировать социальные феномены. Это – необычайно важная разделительная линия, от нее начинается *сфера человеческой свободы*: до нее – все то, что Бог вложил в человека: силы и способности, инстинкты, разум и совесть, а также возможность желать и принимать решения; а уже далее следует область человеческого выбора – на что он направит эти свои силы и способности. Своим понятием “социальной воли” Тённис обнаружил эту грань.

Отметим тут же, что по существу никакого “психологизма” в этой системе понятий нет: Тённис работает именно с *социальной волей*. Он определяет это понятие таким образом: “Простое и однозначное проявление социальной воли – решение, принимаемое сообществом каким-то числом людей” [Toennies. 1971. P. 94]. При этом он подчеркивает: именно “решение” и “решимость”, то есть “устремленность по направлению к действию, которая основана на способности желать”. “Традиционное разделение предметов знания в чистой социологии в настоящее время должно быть переформулировано таким образом, чтобы социальная воля была размещена в коллективах, которые точно так же, как отношения и объединения, представляют разновидности социальных связей. Социальная воля, освобожденная от того рассмотрения, которое дает ей психология, оказывается, следовательно, подчиненной этим видам социальных связей, будучи обусловлена” [Toennies. 1971. P. 106]. Для Тённиса понятие

воли в этом сочетании – “социальная воля” – важно по той причине, что оно указывает на момент “энергии” (желание, решимость, устремленность), которая из индивидуальной психики переходит здесь в социальный феномен, и в результате сам феномен обретает силу и целеустремленность.

Именно на этом уровне Тённис выделяет и формулирует *краеугольное понятие в своей концепции* – “социальное согласие”. До сих пор социологи, а до них еще философы, движущую силу социального развития видели: одни – в законах мировой эволюции, другие – в борьбе классов, кто-то – в стремлении человека к осуществлению своих интересов и т. д. Тённиса интересовал вопрос не о том, откуда и куда движется общество (хотя основная его концепция дала очень яркую картину этого), его занимала более кардинальная проблема: почему оно не разваливается? Если обращать внимание главным образом на войны, революции, классовую борьбу, конкуренцию интересов, то проблема самосохранения общества куда-то исчезает, а в то же время совершенно непонятно, как при всех этих войнах, революциях и проч. общество все-таки продолжает существовать и постоянно восстанавливает равновесие.

У Тённиса на первом плане именно этот вопрос: как людям удастся устанавливать согласие между собой, добиваться единства, договариваться об общих целях? Естественно, нужна социальная воля, направленная к единству и согласию. Следовательно, необходимо рассмотреть, как формируется и функционирует именно так направленная социальная воля. И здесь-то, уже во всеоружии своей концепции, Тённис переходит к анализу социальных явлений и фактов, накопленных наукой.

Эволюционный подход, господствовавший в социологии в XIX веке, делал упор на тот факт, что общество как совокупность людей, объединенных социальными институтами, постепенно развивается от низшего своего состояния к высшему. Первоначально оно было небольшим и простым, но постепенно развивалось и усложнялось, добавлялись все новые элементы и из них выстраивались все более сложные структу-

ры. Естественно, как и положено в эволюционной концепции, это были изменения к лучшему, поскольку понятие прогресса было неотъемлемо от всех эволюционных построений. Но Тённис отказался рассматривать общество в его генезисе. Он применил для рассмотрения фактов способ, который впоследствии был развит М. Вебером и получил название “метод идеальных типов”.

Он взял две наиболее различающихся, с его точки зрения, формы социальных отношений – сельскую общину и город, с характерными для них социальными структурами, и выделил в них те черты и формы, которыми они наиболее сильно отличались друг от друга. “Задача состоит в том, – объяснял он впоследствии, – чтобы разложить феномены социальных отношений на их составные элементы и теоретически свободно комбинировать их независимо от того, существует ли такая чистая форма в реальной жизни” [Тоennies. 1925. S. 91]. В результате получаются две не существующие в природе, а *сконструированные исследователем* формы. Они располагаются на максимальном удалении друг от друга. Признаки, которые выделил исследователь, распределяются между ними таким образом: те, которыми описывается первый тип, принадлежат только ему и совершенно отсутствуют во втором типе – и наоборот. В этом и заключается их *идеальность* – в чистоте и беспримесности. А все *реальные феномены*, которые обя-

зательно содержат признаки как первого, так и второго типов, размещаются *между ними*: те, у которых больше признаков первого типа, ближе к первому типу, а те, у которых больше признаков второго, – ближе ко второму. Получается такой континуум реальных феноменов, которые теперь уже наглядно характеризуются своим местоположением в этом пространстве признаков.

А что же представляют собой сами полярные типы, сконструированные исследователем искусственно? Они описывают *принципы функционирования* того и другого типа социальных связей, принципы выработки социального согласия, которое является основой стабильности общества.

“Наша теория, – пишет Тённис, – имеет своим исключительным предметом исследование отношения взаимного согласия”; в результате его установления возникает какая-то определенная форма социума – группа, община, любое объединение, которое можно представить “вещью или существом, *действующим как единое целое как внутри себя, так и вовне*”. Получается такое как бы “химическое соединение” со сложной структурой. “Сами отношения, а следовательно, и объединения могут представляться *либо реальной и органической жизнью, и в этом суть «общины», либо образованием умозрительным («идеальным», по терминологии самого Тённиса) и механическим – и это описывается понятием «общество»*” [Toennies. 1926. S. 3; §1].

Коротко остановимся на самих терминах. Что такое “община”, интуитивно понятно сразу: для нас она предстает в образе сельской общины, досуществовавшей в России почти до конца XIX века и хорошо описанной многими учеными – этнографами, экономистами, историками, а также мемуаристами. Она, конечно, особенно в конце XIX века, уже несет в себе многие черты того типа объединения, которое Тённис называл обществом. Но основной, главный принцип достижения согласия сохранился в ней. А вот то, что определяется у Тённиса понятием “общество”, гораздо труднее связать с привычным нам понятием. В нашем языке общество – это весьма обширное объединение различного типа общин, организаций и множества других разнородных

групп, и внутри такого широкого и неопределенного образования даже трудно представить себе процесс выработки согласия, подобный тому, который происходит в общине. Тённис, формируя свое понятие “Gesellschaft”, явно имел в виду что-то другое, более сравнимое с общиной. Американские социологи перевели этот термин понятием “ассоциация”. В нашем языке есть похожее понятие “общество” – в смысле “общество защиты животных”, “общество охраны памятников”, “общество любителей российской словесности” и проч., то есть нечто, образующееся на добровольных началах с весьма свободным членством, текучим составом и минимумом обязательных для всех правил. Пожалуй, это определение наиболее полно соответствует тённисовскому “Gesellschaft”. Поэтому мы сохранили это понятие, хотя иногда будем заменять его терминами “ассоциация” и “корпорация”, особенно в тех случаях, когда придется образовывать от этого слова прилагательное.

Конечно, определения “естественная и органическая жизнь” либо “умозрительное, механическое образование” дают понятие о том, что Тённис понимал под этими явлениями, но в науке работать с такими описаниями-эпитетами невозможно, поэтому нам придется перейти к тем основным элементам, из которых Тённис сформировал свои идеальные типы.

Начнем с того, с чего начинается и сам Тённис, – с понятия “*воли*”. Напомним, что речь идет везде о *социальной воле*, то есть о решении, которое вырабатывается *несколькими* или даже многими людьми. Результат выработки такого решения – согласие, *Verständnis*, то есть то, что в современной социологии более всего соответствует термину “консенсус”. То согласие, которое формируется на полюсе, обозначенном у Тённиса понятием “община” (“*Gemeinschaft*”), базируется на *единомыслии* (*Eintracht*), а то, которое тяготеет к полюсу “общество” (“*Gesellschaft*”), имеет в своем основании *договор* (в этом смысле Тённис употребляет также понятия “контракт” и “конвенция”). Эти очень разные основания согласия порождают различные формы отношений (и сами ими порождаются – на следующем этапе принятия решений).

Отметим, что когда у Тённиса идет речь о “порождении” чего-то чем-то, то имеется в виду не генезис в историческом смысле этого слова (сначала было то-то и то-то, а потом что-то изменилось и возникло нечто другое); здесь скорее констатируется логическая связь: если имеются в виду такие-то и такие-то элементы, то следует ожидать некоторого последствия. В первом случае, как мы видим, констатируется последовательный ряд возникающих друг после друга явлений, во втором – есть некоторое утверждение о *закономерности*.

Социальную волю, возникающую на основании единомыслия (единого воззрения на мир), Тённис называет *естественной волей* (Wesenswille). Она возникает на обширном и прочном фундаменте *совместного бытия* (Zusammenwesen). “Совместное бытие, – пишет Тённис, – это, так сказать, вегетативные сердце и душа общины. Все существование общины покоится на сознании совместной принадлежности и признании ее условием взаимной зависимости...” Это “условие ее активной жизни, общего переживания удовольствия и страдания, общего обладания благами, находящимися в совместном владении, которыми человек окружен, общим участием в постоянных и временных работах”. *“Быть вместе означает принадлежать к совместно создаемому сознанию”* [Toennies. 1971. P. 69]. Это совместное сознание формируется постепенно и долго, но оно охватывает практически всю совокупность фактов, с которыми отдельному человеку в общине приходится иметь дело.

В идеальном случае (а именно этот случай мы здесь и разбираем) человек проводит в своей общине всю жизнь, фактически не выходя за ее пределы. Она формирует весь его жизненный путь, проводя через систему последовательно расположенных статусов. Во время этого движения меняются его права и обязанности по отношению к другим людям, а также их отношение к нему. Он проникает во все сферы жизни своей общины, становится настоящим “экспертом” почти во всех вопросах, с которыми приходится сталкиваться ему самому и его собратьям по этому совместному бытию. В результате возникает

его очень сильная включенность и в саму общину как группу (так что он уже не мыслит себя вне ее, ощущает ее своим продолжением), и в личность каждого человека, разделяющего с ним данный период его жизни. Это означает очень интенсивную эмоциональную нагруженность отношений в общине, а следовательно, и очень высокий эмоциональный потенциал во всех проявлениях социальной воли этого типа. Любая социальная воля представляет собой “сложное целое, в котором объединено множество эмоций, желаний и стремлений” [Toennies. 1926. S. 85]. Она также обязательно включает в себя мысль. Но соотношение этих элементов весьма разное, и они по-разному располагаются в проявлениях социальной воли естественного типа и типа рационального.

Для естественной воли, например, не существует разделения на цель и средства. Она (воля) “инкорпорируется в действие необходимым образом... ее можно мыслить себе только как существование или последовательность переживаний бытия, стремлений к деятельности в их целостности и взаимосвязи...” [Toennies. 1926. S. 88–89]. Субъекты данного типа социальной воли принимают решения “по чувству”, по какому-то цельному образу, в котором скрыто множество предшествовавших жизненных ситуаций и уже принятых когда-то решений. Это не просто “безмолвное” чувство, это – чувство-идея. Тённис утверждает: “Во всех случаях, когда действует или господствует чувство или

идея в качестве чувства... каждое наше действие *озаряет нас духом*”, то есть “состоянием и стремлением вместе с умозрительным воззрением на данные нам обстоятельства: что именно они содержат в себе и чего требуют или что в них абсолютно и при всех условиях *правильно* – красота, добро, благородство” [Toennies. 1926. S. 12].

Это важно подчеркнуть: не просто чувство, не прошлый опыт только как бы оттиснутым в сознании многократным повторением, но *ценностное переживание* – ориентация на высокие представления о благородстве, добре и красоте. Соприкосновение с ценностями всегда дает сильный эмоциональный разряд в сознании любого человека, поднимает целую волну чувств, в том числе и чувств моральных, и вот именно эти чувства, а не какие-то инстинктивные движения составляют основу эмоционального потенциала решений социальной воли естественного типа, как определил ее Тённис. Эти представления разрабатывались в последующем развитии социологии, и мы к ним еще вернемся. Здесь же в качестве подведения итога всему сказанному выше зафиксируем кратко: *естественная воля* (Wesenswille), согласно Тённису, *насыщена чувствами и ценностными переживаниями, склонна оперировать целостными образами и глубоко инкорпорироваться в действие*. Надо сказать, что и само описание этой воли у Тённиса – образное, но использованные им характеристики выделяются гораздо рельефнее, когда мы начинаем сопоставлять ее с ее антитезой.

Рациональная воля (Тённис назвал ее “Kürwille”, то есть произвольной, выбирающей волей) условием своего появления также имеет бытие. Но это – совсем иной вид бытия; здесь мы не наблюдаем изначального слияния индивидуальных волей в некоторое целое, обладающее собственной интенсивной и полноценной жизнью.

“Общество понимается как агрегат объединенных конвенцией и естественным правом множества естественных и искусственных индивидов, воли и сферы действия которых состоят в бесчисленных связях друг с другом и тем не менее независимы друг от друга, не имеют друг на друга взаимного *внутреннего* влияния” (выделено автором) [Toennies. 1926. S. 51]. Появляясь

на свет в обществе, индивид застает его разделенным на независимые сферы и *получает одну из таких сфер, гарантирующую ему его права, определенные, правда, негативно* (то есть определяющие, на что другие люди не могут претендовать в отношениях с ним, если он сам предварительно с ними об этом не договорился). Но таким образом, никто не имеет к нему и никаких положительно определенных обязанностей, то есть он не может ожидать гарантированных ему услуг других; чтобы обеспечить их себе, он должен выйти из своей замкнутой сферы негативно определенной свободы и взять на себя положительно определенные обязанности по отношению к другому человеку, чтобы получить в свою очередь право пользоваться услугами этого другого. При этом строго определяется та часть сферы индивидуальной свободы, которую договаривающиеся стороны предоставляют как бы в пользование друг другу. Вот в этой-то сфере и происходит обмен услугами. Это уже сфера социальной воли, которая дает начало новым социальным феноменам в виде соглашений и установленных сторонами правил всех видов [Toennies. 1926. S. 41]. *Способ обоснования этих решений рациональной социальной воли – общая польза*, “а общая польза каждым желается и поддерживается ради своей собственной пользы” [Toennies. 1926. S. 51].

Если естественная воля, как мы упоминали, инкорпорирована в действие, то рациональная воля “предшествует действию, с которым она связана, и остается вне его”. Человеческое “я”, носитель этой воли, – существо, “мыслящее по сути понятийно, представляющее себе (вероятные или известные) последствия возможного, из него самого исходящего действия, и относящее их к некоторому результату и затем выбирающее такие возможности действия, которые потом будут организованы и определены для претворения в действительность” [Toennies. 1926. S. 86–87]. Таким образом, рациональная воля относится к *будущему действию*, которое и планируется заранее.

При этом довольно большое значение приобретают элементы представления человека об этой будущей деятельности. В частности “мыс-

лимая цель, то есть вожденный предмет или желаемое событие, превращаются в критерий, и в соответствии с этим критерием определяется и направляется предпринимаемая деятельность” [Toennies. 1926. S. 104]. *Идея цели начинается господствовать над всеми идеями и соображениями*, а также над другими целями, вторичными по отношению к главной. *“Полное господство мышления над волей выражено в этой иерархии целей”*, – подчеркивает Тённис [Toennies. 1926. S. 104–105].

“Интеллект, – констатирует Тённис, – направлен на то, чтобы управлять стремлениями, вытекающими из естественной воли, и давать им направление. Но это возможно только и именно в обществе, причем в обществе идеального типа, где все люди, как разумные и дееспособные существа, а priori равны: каждый имеет определенную власть (Macht) и свободу и сферу своей воли (Kürwille)” [Toennies. 1926. S. 105].

Продукты деятельности такой рациональной социальной воли имеют чисто “головное” происхождение, поэтому в нем особенно силен элемент условности, фиктивности. Оно, по выражению Тённиса, “как бы висит в воздухе”. В любой момент любой член этого общего договора может изменить решение и выйти из договорных отношений (хотя существуют законы и постановления, наказывающие его за такой прямой произвол) – и тогда вся система достигнутых соглашений, а вместе с ней планы их участников, оказывается под ударом. Любопытно, как Тённис описывает ощущения людей в социуме типа “общество”: они “протягивают друг другу руки через все расстояния, границы и сомнения, жажда обмена и ради этого создавая это спекулятивное совершенство как единственную страну, единственный град, в котором все искатели счастья и авантюристы имеют *реальные общие интересы*” [Toennies. 1926. S. 51].

Все читатели Тённиса утверждают, что его симпатии безусловно на стороне общины, хотя сам он это отрицал. Он доказывает, что как то, так и другое образование имеют свои преимущества, точно так же как и свои слабые стороны, и что, независимо от наших симпатий и антипатий, процесс развития ведет к увеличению в ми-

ре пространства, занятого социумами типа “общество”.

Человек, воспитанный общиной, как правило, укоренен в ее отношениях, обладает чувством уверенности в своем будущем, ощущением устойчивости и надежности окружающего его социального мира, живет полноценной эмоциональной жизнью, испытывает глубокие и яркие ценностные переживания, ожидает от окружающих его людей теплоты и поддержки и сам готов относиться к ним доверительно. Человек, выросший в условиях общества, обладает развитым аналитическим мышлением, способен сопоставлять факты и делать выбор, планировать свои действия, умеет договариваться с другими людьми на почве общих интересов, всегда хорошо осознает свою пользу, опытен в том, как вести себя в разного типа обстоятельствах, и умеет находить выход из различных сложных ситуаций. И всегда горячо защищает свою свободу от других. Но те миры, в которых тот и другой живут, действительно совершенно различны, и если бы на самом деле такие идеальные условия, как мы их здесь описали, существовали, то перемещение человека между ними было бы трудной проблемой, если не вообще невозможной.

Мы рассмотрели сферу социальной воли, а это та сфера, которая непосредственно прилегает к психике отдельного индивида, к его индивидуальным психическим проявлениям. В социальной воле они выходят за пределы сознания, их породив-

шего, становятся явлениями психики коллективной (сохраняя при этом свою напряженность, свойственную акту воления, решимость осуществить нечто, воплотить в жизнь), но, пройдя процесс согласования, в котором участвует множество воли, эти изначально индивидуальные психологические проявления обречены воплотиться в факты социальной действительности. Очевидно, что, порожденные разными типами социальной воли, эти факты социальной действительности должны отличаться друг от друга как по форме своего проявления, так и по способу своего существования в социуме.

Все множество и разнообразие социальных фактов можно свести к их основанию – это прежде всего формы, упорядочивающие отношения между людьми, это фиксация социальных отношений, установленных разными способами и для различных целей, а социальные отношения, как мы уже неоднократно упоминали, – это права и обязанности, ориентированные взаимно. То, какую форму принимает сама фиксация этих прав и обязанностей, зависит от условий существования людей.

В общине все отношения прочны и долговременны, поэтому права и обязанности соотносятся не с отдельным конкретным субъектом, а образуют в социальном пространстве общины как бы ступки, называемые обычно “*статусами*”. Человек проходит за свою жизнь через много статусов, занимая их последовательно в соответствии со своим возрастом, полом, жизненным опытом, способностями. Люди приходят и уходят, а система статусов остается, незначительно меняясь (или, если уже описывать совершенно идеальный случай, – не изменяясь вовсе). Находясь в одном статусе, человек подчиняется людям, находящимся в сопредельных с ним статусах, когда он занимает другой статус, кто-то уже подчиняется ему.

Напротив, в обществе главная форма упорядочения социальных отношений – договор (или контракт). “Из каждого статуса, так же, как и из каждого договора, следуют права и обязанности для индивидуального Я или лица”. Но они своеобразно соотношены друг с другом. “Статус не имеет индивида в качестве своей предпосылки...

Договор, поскольку он создан индивидуумами и будучи продуктом их мышления, находится вне их, должен пониматься только через индивидуума”. *Договор* упорядочивает только ту часть сферы воли, которая является общей для вступивших в отношения субъектов. “Эта область, вырванная из-под абсолютной власти субъекта А, находится еще под частичной властью субъекта А, но уже и под частичной властью субъекта Б”. На какой-то момент создается объединенная воля, “которая необходима каждому из них на время совершения двустороннего акта, чтобы он мог быть завершен” [Тоенниес. 1926. S. 41]. Договариваются между собой только вступающие в отношения субъекты, и именно они определяют форму того социального феномена, который возникает в результате их соглашения.

Правда, договариваются они и действуют потом согласно договоренности не в безвоздушном пространстве, существуют социальные феномены другого, более абстрактного уровня, которые защищают права третьих лиц и социального целого, внутри которого все это совершается, но они не могут непосредственно указывать договаривающимся сторонам, как им построить свои данные конкретные отношения.

Отсюда – различные основания этих социальных форм, утверждающие их в сознании носителей данной культуры. Для члена общины система статусов представляет собою социальный мир, который мало чем отличается (а может быть, и вовсе ничем не отличается) от реальной действительности с ее непреложными объективными закономерностями; для члена общества – это условность, зависящая только от воли договаривающихся и держащаяся исключительно на осознании их общих интересов.

Та и другая формы социальных отношений фиксируются, но, естественно, также по-разному. Однако в том и в другом случае фиксированные нормы, упорядочивающие форму социальной жизни данного целого, отливаются в *право*. Право – это уже не индивидуальные договорные отношения, они касаются всех, в их основании лежат общие и взаимосвязанные убеждения этих “всех”. Данные *убеждения* – сила, “скрепляющая людей как членов единого целого”. Но для того

чтобы эти убеждения стали “действительным основанием согласия и мотивирующим фактором”, они должны получить “обоснование и смысл”. Только то, что имеет смысл, может стать правом [Toennies. 1926. S. 20; §9 1-го раздела книги I].

Тот порядок, который утверждается в общине, мыслится как необходимый, установленный в силу божественной и религиозной справедливости и подкрепляемый законом совести. Если в общине основанием нормы является ее божественное установление, а охраняет ее закон совести, то в обществе основание выводится из “общей пользы”, а сохранение ее мотивируется “интересом”. То же место, которое в общине в этой системе занимает *религия*, в обществе отведено *общественному мнению*. Именно оно в конечном счете обсуждает и утверждает социальную норму и выявляет ее смысл, в результате чего она имеет возможность стать частью права.

Столь же различны и внешние формы социальных феноменов в идеальных типах, которые мы здесь рассматриваем. Общинная норма имеет вид *привычки и обычая* (привычки – для отдельного человека или нескольких людей, обычаи – для всего социального целого). Основанные на памяти и привычке, обычаи стоят очень близко к сфере чувств человека, а потому они очень сильно защищены *моральным чувством* [Toennies. 1926. §§7–8 1-го раздела книги II]. Вера, предание и укорененная во времени традиция так надежно защищают социальную норму *изнутри* каждого отдельного индивида в общине, что она может длительно существовать и сохранять свою форму, не будучи никак зафиксирована на бумаге, в специальных документах. Правда, заповеди были даны на скрижалях, и есть исторические свидетельства о том, что иногда законы, данные тем или иным царем, высекались на камне.

Но речь в этих случаях идет о реальных общинах, а в них, как мы с самого начала оговорили, всегда существуют элементы, характерные для противоположного типа. Там же, где законы не устанавливаются заново, а существуют издавна, обычно вполне достаточно морального чувства, чтобы им быть полноценно функционирующей нормой. Право, основанное на обычае,

поэтому и называется в специальной юридической терминологии “*обычным правом*”.

Напротив, для юридического права, характерного для общества, необходима обязательная и подробная фиксация в виде документа (что утверждается еще печатями и подписями), и для защиты этих постановлений и норм формируются специальные органы, приводящие в исполнение наказания (которые также подробно фиксируются: кому, за что и какое наказание положено). Естественно, поскольку нет религиозного и традиционного обоснования нормы, моральное чувство за ее нарушение слабеет: то нарушение, которое прямо меня не касается, не вызывает во мне никакого желания бороться с ним и как-то принимать участие в его ликвидации. И если в писаных законах существуют лазейки, которые можно использовать, чтобы реализовать свои интересы, то такое “уклонение” от принципа уважения к праву считается если и не похвальным, то по крайней мере естественным (можно “понять человека”: уж очень ему было нужно). Так что по мере наращивания внешних “бастионов” формальных санкций и расширенных органов исполнения права внутренний дух защитников социальной нормы слабеет.

Здесь следует повторить (чтобы сосредоточить на этом внимание), что то место, которое в общине в обосновании и подкреплении социальных феноменов занимает религия, в обществе отведено общественному

мнению. “Религия прямо и по существу своему моральна, она теснейшим образом связана с тем телесно-духовным союзом, который объединяет поколения людей” [Toennies. 1926. S. 241]. Ценностное и моральное чувство – это то, что естественно для религиозной атмосферы. Это – основа “священности” нормы.

Религиозное обоснование правовой структуры общины способствует тому, что формируется “порядок, который не только осознается и вводится как некоторый объект, но существует в человеческом сердце как склонность [чувство = Gefühl] к необходимому и доброму и как отвращение к различной мерзости, то есть как закон совести”. Поэтому “естественное право есть одновременно религиозное и божественное право, и находится в ведении священников” [Toennies, 1926. S. 207].

Материал, связанный с работой общественного мнения, – это представления и точки зрения: оно занимается согласованием отдельных частных мнений с общими и официальными. Эту работу приходится проделывать постоянно, поскольку субъект рациональной воли руководится в своих действиях собственным мнением, и эти частные мнения далеко не часто совпадают друг с другом и с уже выработанными общими точками зрения. Но общественное мнение имеет признанную им доктрину, которая на данный отрезок времени считается правильной, – и вот по отношению к этой доктрине оцениваются вновь возникающие в обществе социальные нормы, устанавливаемые социальной волей тех или иных социальных образований, – и в случае согласия с этой доктриной считаются правильными и общепризнанными [Toennies. 1926. S. 231–232; §31].

Поскольку общество отнюдь не представляет собой хорошо согласованного единства, в нем возникает борьба различных социальных групп за свои интересы, которые для своего осуществления требуют определенного типа социальных структур. Механизмы создания и обработки общественного мнения, которые хорошо известны любому человеку в наше время (партийные заявления и программы, пропаганда и агитация, компании в СМИ и проч.), имели место уже и во

времена Тённиса. К этому очень активно распространяющемуся феномену он относился достаточно сдержанно, не выражая особенного восторга по поводу эволюции социальной системы в этом направлении.

Итак, подводя итоги своего разделения на идеальные типы, Тённис указывает: век общины “характеризуется социальной волей в форме согласия (Eintracht), нравов и религий”, а век общества – “социальной волей в виде конвенции, политики и общественного мнения” [Toennies. 1926. S. 247]. Но это не описание генезиса как такового. В реально существующих видах поселений, общин, сел, городов и т. д. оба типа признаков обычно бывают в наличии, *но в разной степени*. И все они одновременно *существуют в одном и том же времени*.

Собственно, представление об эволюции возникает в концепции Тённиса только тогда, когда он, тщательно выстроив свои идеальные типы, переходит наконец к анализу того, что располагается между ними. Это, как мы понимаем, уже реальные феномены, существующие в действительности, но Тённис рассматривает их не во всей полноте их многообразной жизни, а в соответствии со своими переменными. Поэтому для него это не происшедшие друг за другом или друг из друга формы, а наборы его идеально-типичных характеристик, взятые в различной степени развитости, то есть явления опять-таки не исторические, а логически сконструированные, но за которыми исторические феномены просматриваются довольно ясно.

На том отрезке континуума, который прилагает к идеальному типу “община”, располагается прежде всего община кровнородственная, затем общины, характерные для земледельческих поселений. Основаны они на обычном праве. Носителем этого обычного права для кровнородственной общины является большая семья с ее многочисленными разветвлениями, а для земледельческой – *народ*, Тённис называет его “коллективным существом”. По сравнению с кровнородственной общиной народ внутренне гораздо более дифференцирован, в нем выделяются отдельные группы и органы. Согласие поддерживается и вырабатывается в этом суще-

стве на основе общего языка, общих воспоминаний, а также ввиду необходимости осуществлять общее действие. Выработанные социальные нормы и представления фиксируются в культуре. “В общине, – утверждает Тённис, – идея (то есть представление о социальном теле) чище, а в коллективном существе – полнее” [Тоennies. 1926. S. 220]. Коллективное существо в прямом смысле общиной уже не является, но оно, подобно общине, в процессе своего развития складывается помимо целенаправленного усилия его членов.

Главными формами общинной жизни являются дом, село, город (речь идет о небольшом городе в той форме его, которая была характерна для средних веков, например). Дом (семейная жизнь) наиболее чисто воплощает идею *единомыслия* (Eintracht), человек принадлежит к ней всеми своими убеждениями. Для деревни характерны *нравы*. Они существуют в виде обычаев (Brauch), которые утверждаются благодаря повторению одинаковых действий в одинаковых условиях, а поддерживаются традицией и преданием (Überlieferung). Обычай – отчасти простое и естественное действие, такое, как свадьба или похороны, но он включает в себя проявление чувственных знаков и мыслей, а также в разной степени развитые символические элементы.

По мере расширения поселений, развития миграции, передвижения целых народов и т. д. кровнородственные связи дополняются и замещаются соседскими. Увеличивается возможность вражды, столкновений из-за нарушения установленных сфер собственности, норм уважения и проч. В этих условиях авторитет наделяется усиленной функцией охраны права, хотя общинная культура вырабатывает и свои все более сильные способы объединения людей: торжественные празднества, обряды и церемонии. Увеличивается роль символического элемента. Там, где становится недостаточно естественного движения чувства для охраны нормы, на помощь моральному чувству приходит *чувство долга*.

Внешними факторами, скрепляющими эту внутренне уже довольно сильно дифференцированную общину, является связь по земле, а также во времени: могилы предков, воспоминания о пережитом вместе и др.

Тённис пишет об этом скрепляющем людей факторе с большим и даже, можно сказать, поэтическим чувством:

“Земля несет на себе их [земледельцев] шатры и хижины, и чем прочнее, долговременнее жилища, тем сильнее срастается человек с этим своим ограниченным клочком земли... это – общая, постоянно повторяющаяся работа бесчисленных поколений... но также и способность к ней, требование занятия и навыка, передаваемого от отца к сыну. Поэтому *заселенная* и освоенная область общей земли – это страна отцов и предков, по отношению к которым все ощущают себя истинными потомками, и к своим современникам привязаны, как к братьям и сестрам. И таким образом понимаемая, она [земля] может представлять собой живую субстанцию, которая будет оставаться неизменной при всех сменах человеческих поколений как их акциденция и элемент, обладающий собственной духовной и психологической ценностью, как общая сфера воли, создающая связь между не только *рядом*, но и друг после друга живущими поколениями людей. Точно так же, как привычка образует наряду с инстинктом крови сильнейшую связь между рядом живущими людьми, память связывает еще живущих с умершими, их еще знают, боятся, почитают. И если родина вообще приковывает к себе как место дорогих воспоминаний, то отделение от нее тяжело, удалившихся влечет назад ностальгия, тоска по родине, ведь она имеет для выросших на ней и верящих

в нее еще особое значение – как место, где жили их *предки* и где они похоронены, где еще витают духи ушедших в стенах жилищ и над их кровлями, сохраняя их и опекая, но также напоминая и требуя. *Метафизическая сущность* рода, племени, а также деревенского или городского сообщества – это их законная земля, она живет с ними как бы в браке обозначенный законом период. То, что в браке – привычка, здесь – нравы (Sittl)” [Toennies. 1926. S. 214–215].

Мы специально привели здесь эту длинную выдержку, чтобы дать представление о Тённисе не просто как ученом, разработавшем интересную концепцию, но как о мыслителе более широкого плана. Сам он неоднократно подчеркивал, что описывает не конкретную общину или обобщенную разновидность ее – просто работает с абстрактными переменными, комбинируя их по-разному и, разумеется, опуская все многочисленные детали, составляющие живое тело конкретной общины. Но приведенный отрывок показывает его неравнодушие. О нем говорили, что он явно питает склонность к одному из заданных им типов (действительно, ведь он, как уже говорилось, вырос на ферме своего отца и должен был хорошо знать и переживать общинные отношения). Но, по-видимому, его неравнодушие относится все-таки не к самой общине как таковой, а к людям, которых неумолимый процесс разрастания городов и вторжения их характеристик во все большее количество реальных социумов вырывает из теплой, обжитой и надежной системы отношений и выбрасывает беспомощными и неподготовленными в чуждую им жесткую среду.

Постепенно элементы, чуждые общинному духу, все больше внедряются во внешне все еще патриархальные образования, происходит их распад, чаще всего приобретающий весьма болезненные формы. Русские писатели-разночинцы и народники зафиксировали этапы распада русской сельской общины в конце XIX века. Особенно характерны в этом отношении очерки Глеба Успенского, долго жившего в такой общине среди крестьян. Впрочем, сами “доброхоты” русской общины много содействовали этому распаду, отправляясь в село пропагандировать среди

крестьян новые, более современные, с их точки зрения, взгляды и способы поведения. Они не понимали, что таким образом разваливают изначальную систему, поддерживающую общинную совместную жизнь. Им казалось, достаточно немного что-то исправить и добавить – и прежняя совместная жизнь станет лучше, а следовательно, прочнее. И они не понимали, почему крестьяне так сопротивляются их попыткам нововведений. Не понимали этого и многие просвещенные помещики и управляющие имениями, тщетно пытавшиеся внедрить новые способы хозяйствования и новые отношения с крестьянами.

Очень любопытны с этой точки зрения размышления Л. Толстого над данной проблемой в его романе “Анна Каренина”. Обычно, читая этот роман, стараются побыстрее пробежать глазами или даже вовсе перелистнуть занудные рассуждения Левина о его отношениях с крестьянами. Но они исключительно интересны с той точки зрения, которую мы здесь разбираем. Левин пытается наладить с крестьянами договорные отношения, предлагает им участие в общих прибылях, некоторые новые и более выгодные для них способы расчета, но все время натывается на совершенно непонятную ему реакцию: крестьяне, которым он все это объясняет, не то что не понимают ход его рассуждений (их-то они как раз понимают), но как-то внутренне не приемлют всего этого: они скучают, начинают думать о другом и стремятся побыстрее вернуться к своим привычным делам и обязанностям. Моментом откровения для Левина является его присутствие на покосе, когда он становится свидетелем яркого праздника: крестьянки проходят мимо него (лежащего в копне сена, невидимого им) с песнями и хохотом, потом на месте ночлега разводятся костры, и практически всю ночь оттуда снова несутся смех и песни. После тяжелого трудового дня эти люди как бы получают второе дыхание. Им хорошо вместе (несмотря на трения, столкновения, взаимные обиды, которые, безусловно, существуют в их совместной жизни), праздник – покос – как бы все это отодвигает, делает неважным, а важно – совместное чувство, омывающее душу, возрождающее ощущение общности и принадлежности к чему-то

целому, изначально существующему. Необычайно яркий пример того, что Тённис назвал инкорпорированностью естественной воли в действие. В результате своих размышлений Левин приходит к выводу, что русский человек хорошо работает, только нужно дать ему работать так, как он привык и как ему кажется удобным. Потому что улучшение различными способами ведения хозяйства, по-видимому, *может отрицательно повлиять на другие не менее важные* (а может быть, и более важные) *стороны жизни крестьянина, которые он ценит*.

Начинать рассуждать об участии в общих прибылях с помещиком, рассчитывать эти прибыли – означает изменить всю привычную систему мышления, выделить ее из действия, расчленив на составляющие части, понять, где цель и какие средства будут ей соответствовать. Специализация же представлений о целях и средствах, как утверждает Тённис, – это поворотный момент на пути от общины к обществу. Может быть, советчики правы, и вновь возникшее целое будет чем-то лучше привычной общинной жизни, но, чтобы его достичь, придется пройти период разрушения старых форм, а это очень болезненный и, что самое главное, длительный период, так что поколение, начавшее этот переход, не воспользуется его результатом, его жизнь придется именно на период распада.

Известен факт, что в начале XX века, когда в Польше началась борьба за всеобщее образование, польские крестьяне противились введению в селах школ общего типа. Они объясняли это так: “В них нашим детям прививаются представления и идеалы, которые они потом не могут реализовать в своей жизни, и просто становятся несчастными, разочарованными людьми на всю жизнь”. И в этом много здравого смысла. По нежеланию разрушать основные формы общинной жизни (которые к тому времени уже и так достаточно были размыты и по существу не имели уже никакого будущего) русские крестьяне массами отказывались выходить “на отруб”, как предлагал им Столыпин, уверенный, что новая система землевладения улучшит перспективы русского земледелия. Само земледелие она, наверное, действительно улучшила бы, но

вот другие стороны жизни крестьян от этого могли пострадать – ведь в общине все так тесно связано и переплетено.

Идеально-типичные характеристики одной системы плохо сочетаются с характеристиками другой. Когда они оказываются примерно в одинаковой “весовой категории” в том или ином социуме, то начинают сталкиваться и угнетать друг друга. И надо сказать, что общество в условиях борьбы – система более сильная. Человек общества стремится овладеть природой, включая и свое социальное окружение. Но поскольку в этих его стремлениях ему противостоит другой, со своими целями, действующий “независимо от него и даже в противовес ему”, то они должны найти какие-то формы, чтобы существовать рядом друг с другом, *соблюдая каждый свои интересы* [Toennies. 1926. S. 130]. Они обладают мышлением, которое “отделено от действия и возвышается над ним”, они умеют планировать свое будущее, “превращая для себя конец и результат в цель”. Отделение средств от целей позволяет производить выбор средств и формировать соотношение средств с целями, располагая их наилучшим способом с точки зрения достижения цели. Продолжая чувствовать себя чужими друг другу, эти люди умеют выделить общие им желания, наметить общие дела и ради общих достижений входят в отношения друг с другом. Короче, каждый отдельный человек способен овладеть ситуацией, преодолевать неблагоприятные обстоятельства, договори-

ваться с различными, совсем не близкими ему людьми. Человек общины ничего этого не умеет. Выброшенный из общины процессами ее распада, он оказывается в новых обстоятельствах совершенно беспомощным. Новый образ мышления формируется долго и трудно, и часто – только во втором или третьем поколении.

Как процесс экономического развития, так и утверждение государства, которого общинное существование не знало, активно действуют, как определяет Тённис, “против народных обычаев и всех традиционных авторитетов, а следовательно, и против Церкви, поскольку она сохраняет свою собственную мотивирующую силу и собственную концепцию” [Toennies. 1925. S. 38].

И здесь в дело вступают и начинают все лучше осознаваться важнейшие проблемы бытия и становления человеческой культуры. Ведь “бытие ее – это изменение, а значит одновременно различие и разложение существующих форм” [Toennies. 1925. S. 234].

В ходе этого процесса общинное сознание на уровне “коллективного существа”, то есть народа, все более раздвигая рамки осознаваемого мира, вырабатывает идею о человечестве как особого вида общине. И здесь важной становится “идея Церкви и духовного царства-универсума, идея, которая, будучи вечной, возрождалась все вновь и вновь на базе возвышенного и знанием проясненного сознания и, по мере своего существования, все более оформлялась” [Toennies. 1925. S. 266–267].

Ощущая, что огромная всенародная община должна как-то поддерживать свою внутреннюю общность, общинное сознание приходит к выводу, что это может быть достигнуто, если члены такой общины “ощущают себя членами мистического тела Церкви, и более того, если они верят, что они принимают в себя Главу Церкви, участвуя в причастии, при этом они входят в чувственно-сверхчувственную связь со своим Божественным Главой, а тем самым и друг с другом” [Toennies. 1925. S. 38].

Однако корпоративное (социумное) сознание вырабатывает свои способы объединения изначально чужих друг другу, не связанных между собой людей, именно: происходит процесс

оформления “обычного права” в формальное, юридическое, а вместо идеи Церкви в качестве объединяющего фактора выдвигается знание, и носительницей его является наука.

Структуру нравов общинных форм социума испокон века подкрепляли обычаи, традиции и вера. И вот эта опора начинает ослабевать и разрушаться. Правила разумного порядка в обществе пытаются устанавливать на основании науки. Она первоначально сохраняла какие-то моральные основания. Но постепенно образ мышления человека в обществе становится все менее предрасположенным к религии и все больше – к науке.

Тённис утверждает, что “реальное значение философских споров в начале современной эпохи (то есть в XIX веке) – это уход в прошлое христианской точки зрения на мир и возникновение новой, которая ищет себе обоснование в научном понимании, а не в вере, но по этой причине оказывается противостоящей всем точкам зрения, опирающимся на природное, традиционное, освященное” [Toennies. 1925. S. 37].

Были ученые, воспринимавшие такое положение вещей с одобрением. Им казалось, что благодаря этим процессам человек высвобождается из-под сильного влияния общины и религиозных догматов и становится наконец свободной и разумной личностью, способной распоряжаться собственной жизнью и строить ее по своему усмотрению, а не по каким-то предписанным ему социумом программам, пришедшим из далекого прошлого и безнадежно устаревшим. Но Тённис к таким энтузиастам не принадлежал. Он так описывает последствия политической и идеологической деятельности, направленной на “выдавливание” из общества всяких общинных форм: “Как в политической, так и социальной системе возрастают лишённые предрассудков и даже шепетильности рационально-волевые, индивидуальные члены общества, которые стремятся к власти и используют любое имеющееся в наличии средство для достижения своих целей. Таковыми они созданы, так и действуют: отдельные люди, группы и государства становятся все более дифференцированными, втянутыми в конкуренцию, способными

без оглядки на других соблюдать свою собственную выгоду» [Toennies. 1925. S. 39].

Приведем здесь и еще один, более жесткий пассаж о человеке корпоративной культуры развитого большого города. «Большой город и корпоративное состояние – это угасание и смерть народа, который пытается обрести силу в большинстве и, когда ему кажется, что он этого достиг, использует эту силу для мятежа, усиливая тем свои несчастья. Массы, поднявшиеся к сознанию, повышают свою образованность посредством школ и газет. От классового сознания они переходят к классовой борьбе. Классовая борьба разрушает общество и государство, которые она собиралась преобразовать. И вся культура в общественной и государственной цивилизации преобразуется так, что в этой своей преобразованной форме сама культура приходит к концу; тем не менее, по-видимому, после ее разрушения остаются некоторые жизнеспособные зародыши. Суть и идеи общины будут возвращаться, и из них таинственными и внутренними путями разовьется новая культура» [Toennies. 1926. S. 246–274].

Подобной же довольно пессимистической точки зрения придерживались и Макс Вебер, и ряд других крупных ученых и личностей. Предчувствие тяжелых времен характерно для начала XX века, о котором поэт Осип Мандельштам сказал: «Мне на плечи бросается век-волкодав». Две мировые войны и тяжелые социальные потрясения обрушились на Европу, что, конечно, не способствовало развитию культуры из «жизнеспособных зародышей». Но здесь нужно обратить внимание на то, что Тённис, не воспевая процесс социальной эволюции, ведущий личность и общество к расцвету, тем не менее и не подписывал смертный приговор человеческой культуре вообще. Просто он реально оценивал процесс преобразования общества как длительный и тяжелый, во время которого преобладают элементы распада по сравнению с элементами созидания. Он прекрасно осознавал, что сам не увидит эту новую преобразованную культуру, вновь ставшую уютной для человека. Что остается делать в такой межеумочной ситуации? Рабо-

тать, конечно. Тённис и работал. Но процессы преобразования охватили и европейскую науку.

Пальма первенства понемногу начала переходить к американским социологам. Но накопленный багаж социологической мысли тем не менее существует и постепенно осваивается современной социологией. Для России, в которой судьбы науки еще дополнительно осложнились тем, что власти усвоили себе порочную практику объявлять целые области знания «лженауками», чем вызвали огромный разрыв в развитии, в частности, также и социологии, освоение наследства того времени, для которого характерно интенсивное напряжение мысли, является, по нашему мнению, важнейшей задачей. Наша российская социология должна стать на прочное культурное основание. И одним из краеугольных камней этого основания должны явиться работы Тённиса, а они, как мы уже указывали выше, у нас еще даже не освоены.

Литература

Toennies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft: Grund-begriffe der reinen Soziologie*. Berlin: Karl Curties, 1926².

Toennis F. *Begriff von Gemeinde // Sozioloische Studien und Kritiken*. 1925. № 2.

Toennis F. *On Sociology: Pure, Applied, and Empirical. Selected Writings / Ed. by W.Y. Cahnman, R. Heberle*. Chicago: University of Chicago Press, 1971.

² На русском языке: Тённис Фердинанд. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. М.: Владимир Даль, 2002.

О. Оберемко

Локальная идентичность благотворителя как представление о “территории свободы”

Эта статья – не о собственно благотворительности, а о “теориях благотворительности”, существующих в сознании тех, кто ею занимается и так или иначе думает, принимает решения и обосновывает их. Материалом для статьи послужили 90 полуструктурированных интервью с предпринимателями-благотворителями (малый бизнес) из трех малых городов Подмосковья. Интервью собраны в рамках проекта “Создание благоприятной среды для развития благотворительности в Подмосковье”, реализованного Институтом гендерной и социальной политики при поддержке Канадского фонда “Гражданское общество”¹. Здесь реконструированы два известных типа, или две стратегии благотворительности, – личная и корпоративная. Интерпретация в терминах теории идентичности представленных локальными благотворителями поведенческих образцов позволила охарактеризовать *общинный* и *общественный* взгляды на местное сообщество как на пространство благотворительной деятельности. Это до определенной степени соответствует классическим *общинному* и *общественному* типам самосознания, описанными Ф. Теннисом в классическом труде “Община и общество”. В эмпирических исследованиях социальной идентифика-

ции в качестве отправной точки часто берется когнитивный компонент социальной идентичности (как установочного образования), по которому при интерпретации актору вменяются гипотетические поведенческие стратегии: скажи мне кто ты, и я скажу, как ты себя ведешь. В данном случае соразмерность акторов с их социальным контекстом (малые предприниматели-благотворители в малом городе) позволила идти в противоположном направлении: когнитивный компонент реконструируется по описанию поведенческих стратегий. Интервью с благотворителями оказались удобны для анализа и интерпретации в русле избранной теории, однако в той же логике может интерпретироваться социальное поведение любого деятельно активного актора.

Основные понятия и их трактовка

Центральное понятие – локальная идентичность. В терминах оппозиции социальной и личной идентичности, которая положена в основу вдохновленного Г. Тэджфелом направления экспериментальных исследований, нам надо было бы говорить о локальном аспекте социальной идентичности, подразумевая под локусом сооб-

¹ Подробнее см.: [Оберемко, 2006].

щество малого города. Однако нужно иметь в виду, что деление на социальную и личную идентичность носит не принципиальный, а аналитический характер.

Г. Тэджфел, основоположник теории социальной идентичности, ссылаясь на некорректность употребления этого понятия и предлагал под социальной идентичностью индивида понимать только его “знание о своей принадлежности к определенным социальным группам и эмоциональную и ценностную значимость этой принадлежности” [Tajfel. 1972. P. 292]. Ценность узкой трактовки ключевого понятия – в том, что она задает ориентир, помогающий при интерпретации данных, неизбежно порождающей расширительное толкование, которая таит опасность семантических сдвигов, оставаться в заданном терминологическом поле: субъект из своей индивидуальной перспективы категоризирует социальное пространство и определяет в нем свое место. Это и есть социальная идентичность – результат самоидентификации в терминах социальных групп.

Различать две трактовки идентичности (самосознания) считают полезным многие авторы. Например, Л.М. Дробижева: согласно узкому пониманию, идентичность – это простое самоотнесение к группе, а в широком понимании простое самоотнесение дополняется представлениями о своей группе, о ее языке, культуре, истории, государственности и т. п. Дополнение этого списка представлений “интересами, осознаваемыми личностью, группой как этническими”, делает возможным работать с идентичностью как с установочным образованием, включающим когнитивный, эмоциональный и регулятивный (поведенческий) компоненты. Это дополнение расширяет объяснительные возможности концепта идентичности, позволяет, в частности,

объяснять случаи, когда фиксируемые, проявляемые вербально когнитивные компоненты, не связанные с соответствующими интересами, могут не реализовываться в поведении [Дробижева. 2006. С. 10–11]. Широкая трактовка не противоречит узкому пониманию, но вырастает из него, расширяет объяснительные возможности концепта.

Один из вариантов широкого толкования социальной идентичности в диалектике их взаимообусловленного становления прописан Зигмундом Бауманом. При всех художественных достоинствах этот текст содержит ряд тезисов об условиях становления социальной идентичности индивида. Эти тезисы вполне пригодны для систематической интерпретации качественных данных.

3. Бауман, размышляя о специфике социальной реальности – предмете социологии – и о случайности границ между научными дисциплинами, пишет: “то, что мы на самом деле знаем, – это не мир сам по себе, а то, что мы с ним *делаем*”². По его логике, нет в человеческом мире естественных, данных от природы границ между пространством социологии и пространствами других наук; границы порождаются разделением труда между учеными [Бауман. 1996. С. 11]. И далее автор распространяет эту пространственно-деятельностную логику на повседневность. “Может оказаться... что если я, скажем, британец и мой родной язык – английский, то уютнее всего я чувствую себя дома, среди людей, говорящих по-английски... в другом месте... я не могу *свободно* общаться, не понимаю смысла того, что делают другие люди, и я не знаю, что мне самому делать, чтобы выразить свое намерение и достичь желаемого результата. Я чувствую себя растерянным... не только при посещении других стран. Подобно этому выходец из рабочей

ных, данных от природы границ между пространством социологии и пространствами других наук; границы порождаются разделением труда между учеными [Бауман. 1996. С. 11]. И далее автор распространяет эту пространственно-деятельностную логику на повседневность. “Может оказаться... что если я, скажем, британец и мой родной язык – английский, то уютнее всего я чувствую себя дома, среди людей, говорящих по-английски... в другом месте... я не могу *свободно* общаться, не понимаю смысла того, что делают другие люди, и я не знаю, что мне самому делать, чтобы выразить свое намерение и достичь желаемого результата. Я чувствую себя растерянным... не только при посещении других стран. Подобно этому выходец из рабочей

2 В цитатах из литературных источников и из интервью выделения в тексте везде мои – О.О.

семьи может чувствовать себя *неловко* среди богатых соседей из среднего класса” [Бауман. 1996. С. 29].

Не будет большой смелостью утверждать, что в данном случае речь идет не только о камерных сообществах, но также о большом и очень большом городе. Соответственно, ощущения *уют*а и *неловкости* формируются не только в результате первичной социализации, но и в результате всех последующих вторичных социализаций. *Качество отношений* может быть разным, а *переживания* от них – сходные.

*Тезис 1 – о пространствах уют*а и *неловкости*: в результате социализации индивид делит социальное пространство на свой и чужой локусы.

Свой локус дает ощущение *уют*а и *свободу* действия. В чужом локусе – ощущение *неловкости* и *отсутствие свободы*. Каково происхождение уюта и *свободы*? Повседневность размечается границами в ходе нашей жизнедеятельности – во взаимодействии с другими людьми, которых мы считаем своими. “Именно в этой группе я наиболее полно могу осуществить свою свободу (...выбрать способ действия, приемлемый для других и вполне соответствующий ситуации)... Научив меня своим способам и приемам, моя группа позволяет мне на практике действовать свободно” [Бауман. 1996. С. 29].

Прежде чем перейти к формулированию следующего тезиса, обратим внимание на употребление слова “группа” – которая обучает не только репертуару “своих приемов”, но также обучает, как выбирать приемлемые способы действия. Из иллюстративных примеров следует, что З. Бауман этим словом обозначает не (только) группу взаимодействия, а более широкие общности, составляющие “региональные миры”: британцы, рабочий класс; для кого-то “своим” является мир своего языка, своего класса. Семантический сдвиг от *группы* к *миру* важен, чтобы подчеркнуть: речь идет о гетерогенных общностях, а значит, далеко не всякое намерение и действие индивида гарантированно встречает благодушный прием: “я узнал, что моего решения и доброй воли еще недостаточно, если у ме-

ня нет средств для того, чтобы обеспечить осуществление своего решения” [Бауман. 1996. С. 28]; “группа, к которой я принадлежу... формирует у меня способность... точно ориентироваться относительно действий и намерений других людей, *влияющих на результаты моих усилий*” [Бауман. 1996. С. 29–30].

Тезис 2 – о происхождении свободы: свобода происходит из повседневной, деятельной, групповой идентификации – совместного (вос)производства, или конструирования принадлежности индивидов к своей группе.

В силу своего деятельного характера идентификация – это не просто то, что мы знаем о себе, о своей группе и о своем (вместе с группой) месте в мире. Идентификация – это то, что мы *делаем* в пространстве, которое вместе со своей группой считаем своим. Собственно, именно потому и *делаем*. Делание и удостоверяет нашу свободу. Сказанное является лишь перифразой приведенной выше цитаты о границах между научными дисциплинами: “то, что мы на самом деле знаем, – это не мир сам по себе, а то, что мы с ним *делаем*”. Отсюда следующий тезис.

Тезис 3 – пространственно-деятельностное определение идентификации: идентификация – это социальное (групповое, совместное, необязательно скоординированное, но ориентированное друг на друга) повседневное, деятельное (вос)производство и/или конструирование принадлежности индивидов – многих Я – к своей группе.

В терминах феноменологической социологии можно сказать, что деятельная идентификация имеет место тогда, когда мы с *напряженным вниманием* относимся к пространству своей группы и тем самым делаем ее *мир* реальным [Бергер, Лукман. 1995. С. 40–41]. Делаем мир реальным для себя и демонстрируем эту реальность другим своим социальным поведением. Напряженное внимание к миру в то же самое время делает реальным и индивидуального деятеля. Я переживает себя как реальность в реальном мире – вместе с реальным миром.

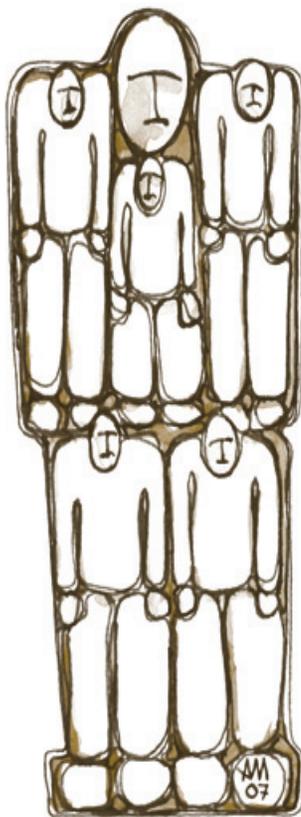
Упомянутой целостностью, рождаемой возможностью свободно действовать в своем про-

странстве, мы обязаны прежде всего себе (напряженное внимание требует волевых усилий) и своей группе. А также существованию групп *чужих*: “Научив меня своим способам и приемам, моя группа позволяет мне на практике действовать свободно. Но тем самым она ограничивает эту практику своей территорией”. И чуть выше: группа “ограничивает мою свободу действий в огромном, плохо размеченном, зачастую отталкивающим и пугающем пространстве за пределами группы” [Бауман. 1996. С. 29]. Приведенные выше тезисы можно переформулировать, чтобы подчеркнуть производство/конструирование границы между территориями уюта и неловкости:

Тезис 4 – о границе: свобода действовать на своей территории означает несвободу вне (вос)производимых (конструируемых) пределов своей территории.

Следствие: об эффектах несвободы. Отсутствие свободы препятствует позитивной, деятельной идентификации. В результате либо территория свободы сжимается, либо ведется поиск иных, превращенных выходов для активности.

В условиях несвободы для позитивного действия вместе с территорией свободы, подобно шагреновой коже, сжимается и идентичность. Согласно национальным опросам 1992–2002 годов, “именно первичные группы (близкий круг общения, включая семью, друзей и товарищей по работе) составляют устойчивый комплекс групповых идентификаций” россиян, а “главными ресурсами выживания остаются персональные сети общения: круг знакомых, вызывающих доверие” [Данилова, Ядов. 2004. С. 8, 9]. Речь, разумеется, не идет о формально закрепленных политических и экономических свободах, которые, спору нет,

расширились и открыли столь необходимые для мотивирования экономической активности каналы социального расслоения, привели, наконец, к появлению благотворителей и благополучателей.

Поскольку эмпирическим объектом нашего исследования являются предприниматели-благотворители, проблемы (физического) выживания и поиска превращенных выходов для активности (уход из бизнеса) остаются за кадром. Теперь обратимся к анализу данных.

Изложенный в тезисах подход соответствует представлению Ф. Тённиса о том, что “социальные сущности или объединения и ассоциации людей имеют по существу идеальный характер, они – продукт мышления в том смысле, что сам факт существования их зависит в сильной степени от сознания их членов” [цит. по: Чеснокова. 2007. С. 91].

Два типа локальной идентичности

Собранные данные позволили выделить два уровня деятельной локальной идентификации, различающихся масштабом благотворительной деятельности, который находит свое выражение в границах ответственности. После нескольких попыток кодирования в качестве базовой для типологии переменной мы выбрали ответ на вопрос: “Проводите ли Вы разницу между личной благотворительностью и благотворительностью предприятия?”

Конечно, масштаб благотворительности связан с развитостью бизнеса (и шириной кругозора!). Однако поскольку в выборку попали предприниматели, работающие в разных отраслях, классификация по объективному критерию потребовала бы дополнительных сведений о показателях хозяйственной деятельности и для сравнения построения учитывающих отраслевую

принадлежность комплексных показателей, что не входило в задачи исследования. Подчеркнем, что ответы на указанный вопрос послужили не независимой (причиняющей) переменной, а удобным основанием для типологизации. Выделив типы, мы потом сосредоточимся на описании типичных мотивов благотворительности, оценок разных мотивов и границ свободы при принятии решений.

Карман неделимый и делимый

Итак, принципиально важным для масштабов деятельности локальной идентификации является развитость бизнеса. На прямой вопрос предпринимателям, видят ли они разницу между личной благотворительностью и благотворительностью предприятия, мы получили два типовых ответа: разницы нет, разница есть. Типовой аргумент в пользу первого варианта: предприятие *частное*, поэтому карман – один.

“Я один, поэтому все из своего кармана” (Д13/В3)³.

“Предприятие маленькое, мои личные средства и средства предприятия – в одном кармане” (Ф19/В3).

Таким образом, отсутствие различий между личной благотворительностью и благотворительностью предприятия основано на том, что бюджет бизнеса воспринимается как расширенный бюджет домашнего хозяйства, как единый внутрисемейный бюджет, имеющий специфические статьи доходов и расходов от рыночной деятельности. Принципиальное в данном случае отличие домашнего хозяйства от недомашнего заключается не столько в размере, сколько в том, что во втором случае владельцы частных предприятий вместо одного бюджета видят два: личный доход и прибыль предприятия.

“Конечно, есть разница. И мое предприятие занимается благотворительностью, и я лично. Т.е. помогаем из прибыли предприятия, и лично я помогаю своими личными деньгами” (Ф20/В3).

“Конечно, большая разница. Что там говорить! Благотворительность предприятием осуществляется за счет прибыли, а личная – отрываешь деньги от семьи” (Ф09/В3).

“Конечно, провожу. Это разные вещи. Сама я могу помочь из своих доходов, а предприятие должно иметь возможность это делать, но тоже ограничено в своих возможностях состоянием бизнеса” (Д29/В3).

В последнем высказывании специально подчеркивается, что предприятие должно иметь возможность вести благотворительную деятельность. За этим различием стоит принципиальная разница в отношении к *личному доходу* и к *прибыли предприятия*; предприниматель как бы говорит: в случае чего сам я могу ужаться в своих потребностях, а предприятие – нет. Эту разницу еще можно выразить через понятия *личной* и *корпоративной* благотворительности.

Личные мотивы vs цели предприятия

Личные мотивы

Всякая благотворительность целиком связана с теми ролями, которые предприниматель готов играть. В первом случае это “домашние” и смежные с ними роли: надежного друга, (доброе) соседа, отзывчивого человека и т. п. Связанные с этими ролями мотивы – личностные, они коренятся в *gemeinschaftliche* отношениях. Именно играя “домашние” роли, предприниматели помогают школе, где учатся их дети, поддерживают воинское братство, в котором много школьных приятелей, и т. п.

“Вот не так давно обращалась за помощью школа №..., на эту просьбу я, естественно, откликнулся, там учатся мои дети” (Ж27/Б1-2).

“У нас есть Афганское братство, в котором состоят многие мои приятели, с которыми я учился в одной школе. Поэтому если они ко мне обращаются, я никогда им не

³ Индекс содержит указание на город (Д – Дубна, Ж – Жуковский, Ф – Фрязино), архивный номер (13) и раздел интервью (В3).

отказываю. Так было при сборе средств на создание мемориала погибшим в Афганистане воинам” (Д02/В5).

На основе двух последних цитат можно сделать важное уточнение об *объективном* масштабе ответственности: личный характер мотивов благотворительности не означает категорического ограничения кругом персонально дорогих, персонально знакомых лиц, хотя *явный* мотив связан именно с узким кругом “своих”.

Очевидно, что если предприниматель покупает, например, шторы в класс, где учатся его дети, шторами любуются и остальные ученики. Если в воинском братстве состоят мои бывшие одноклассники, *выжившие* в Афганистане, то мемориал *погибшим* буквально строится не им, не тем, кого я лично знаю. Фактические границы братства шире, но они все-таки видятся сквозь призму личных отношений. Таким образом, границы воинского братства автоматически распространяются и на “дальних” членов городского сообщества, но явный мотив связан все-таки с “ближними”.

Здесь можно говорить о формировании *собирательного образа* воинского братства, который объективно по объему (референту) может совпадать с *целостным образом*. Разницу между собирательным и целостным уместно концептуализировать через противопоставление индивидуалистского и холистского понимания общества. В обоих случаях референт один и тот же, но адресаты помощи – субъективно разные, что проявляется в разных “режимах аргументации”.

Адресная помощь “ближнему” не требует *общественного* признания – дающему достаточно выражения *личной* благодарности, даже заочной.

“..Получатели помощи всегда очень благодарны, но со многими я вообще никогда не сталкиваюсь: помогла – и забыла” (Д06/Г4).

“Я оказываю помощь, потому что детям это доставляет радость” (Ж16/Г4).

В таких случаях работает модель личного запроса.

“Естественно <делаю различие>. Я как бы помогаю тем, кто обращается ко мне лич-

но. Предприятие... ну естественно, предприятие – это предприятие” (Ф22/В3).

Именное письменное обращение “Уважаемый Имярек” к предпринимателю со стороны администрации или других посредников с просьбой оказать помощь на “большое дело” воспринимается без энтузиазма. Потому что в “большом деле” не различить ни “ближних”, ни “дальних”. И тут дело не в гордыне, а в желании удостовериться, что оторвал средства от своей семьи/предприятия не зря.

“Мы купили там детские кровати тысячу на 70... Я считаю, что надо покупать что-нибудь, от чего будет реальная польза. Потому что неизвестно куда иначе деньги уйдут. Мы же должны конкретно помогать детям, а не просто детскому саду” (Ф22/В5).

“Конкретно детям, а не просто детскому саду” – вот разница между собирательным и целостным образами.

“Местные власти хотят много и непонятно. Нам выгоднее непосредственно кому-то помогать, чем вносить какие-то средства на непонятные нужды. Например: выделить на обустройство праздника – это совсем не то” (Ф28/Г4).

Обратим внимание на слово “выгоднее” в последней цитате. Здесь эту лексическую неточность трудно трактовать иначе как профессиональную деформацию. Если выгоднее вопреки желанию администрации, то буквально коммерческой выгоды от собственно помощи предприятие не получает (о чем см. ниже).

Впрочем, дело не столько в форме обращения, сколько в том, чтобы срезонировала личностная струна.

“Лично можно заниматься благотворительностью, когда тебя что-то затронет. А предприятие, думаю, не ищет специально, куда еще можно вложить деньги с целью благотворительности. Как правило, к ним обращаются, а они со своей стороны сами решают, помочь или нет. Я специально не строю планы, кому помочь, например, в этом месяце, – все получается спонтанно” (Ф04/В3).

Предпринимателю, которому “положено” мыслить рационально, спонтанность важна. На предприятии целенаправленно взвешивают: “решают, помочь или нет”. А частник-единоличник ценит возможность решить спонтанно. При этом спонтанность не только нерациональна, она зачастую и несправедлива, поскольку обусловлена симпатиями.

“Да, это – цели. Личная благотворительность диктуется исключительно моральным долгом или симпатиями. У предприятия могут быть и другие цели” (Ж28/В3).

По сравнению с рациональной благотворительностью предприятия личная благотворительность не преследует какую-то конкретную цель – кроме собственно помощи.

“Сложно сказать, если цель – помочь человеку и ничего больше, тогда нет никакой разницы” (Ж06/В3).

“Нет. Какая разница? Благотворительность есть благотворительность, бескорыстная помощь людям” (Ж07/В3).

Таким образом, личная благотворительность бесцельна, но не бессмысленна.

Цели предприятия

Корпоративную и личностную благотворительность отличают цели и мотивы:

“Да, <разница есть>. Мне кажется, цели и мотивы здесь совершенно разные” (Ж29/В3).

В основе корпоративной благотворительности лежит расчет: либо стремление избежать неприятностей, либо преследование вполне конкретных целей, выходящих за рамки собственно помощи.

“Разница есть, прежде всего она заключается в целях. Предприятие не будет ничем заниматься, если ему это невыгодно” (Ж10/В3).

“Личная благотворительность всегда диктуется моральными соображениями. Благотворительность предприятия... Например, если это по просьбе администрации, то мы занимаемся этим только потому, что не хочется портить отношения с городскими властями” (Ж26/В3).

“Разница, думаю, есть. Благотворительность предприятия может преследовать иные цели: например помощь администрации в целях получения землеотвода или что-то еще в этом роде” (Ж30/В3).

“<...> предприятие, занимаясь благотворительностью, может преследовать какие-то цели: например налаживание связей в администрации, получение какой-нибудь выгоды или просто реклама”. (Ж12/В3)

Подразумевается, что выход за рамки собственно помощи чреват пренебрежением интересами благополучателя. В то же время возможности корпоративной благотворительности больше, чем личной. Конечно, масштабы благотворительности соответствуют тому, как человек определяет свое место в мире, и масштабу ответственности, которую он лично готов на себя взять. Не больше. Но и не меньше.

“Провожу <различие>. Благотворительность предприятия имеет порой совсем другие цели и масштабы. В данном случае далеко не всегда речь идет о помощи из чувства морального долга” (Ж08/В3).

“Лично помогаю из своих денег, а предприятие – из общих. Если обращается мой знакомый, помогаю из своего кошелька, если организация – за счет предприятия” (Ф05/В3).

“Да, на мой взгляд, разница, несомненно, есть. Личная благотворительная помощь – это когда ко мне пришла бабушка, попросила денег. Благотворительность предприятия носит более масштабный характер” (Ж12/В3).

Наряду с масштабами просителей, речь идет об ином уровне значимости социальных проблем, на решение которых предприятия направляют свои средства. При этом регулярное увязывание личной помощи с моральностью поступка наводит на мысль, что, с точки зрения предпринимателя-обывателя, корпоративная благотворительность проигрывает личной благотворительности в моральном аспекте, но выигрывает в масштабах решаемых задач.

Выстраивается противостояние: моральная личная благотворительность против амо-

ральной корпоративной благотворительности! Все очень просто. Даже слишком просто. Разобраться в этой простоте нам поможет Ф. Тённис.

Надо учесть, что моральность “малых” дел противопоставляется аморальности “больших” дел теми, чьи ресурсы ограничены общинным, “домашним” предприятием – теми, кто живет в мире “устойчивых, социально закреплённых и поддерживаемых систем норм и правил”. Мир “гораздо более «эфмерных» во времени, менее определенных и текучих человеческих отношений” человеку общины представляется аморальным. В то же время именно в обществе, согласно Ф. Тённису, “явления индивидуальной психики выходят вовне, воплощаясь в слова и действия, и начинают формировать социальные феномены”, начинается сфера настоящей человеческой свободы, “область человеческого выбора” [Чеснокова. 2007. С. 92].

Отсылки к Ф. Тённису уместны и в следующем разделе, где за различием между личной и корпоративной благотворительностью можно видеть разницу между естественным единомыслием и сконструированным договором (или конвенцией).

Разная свобода при принятии решений и ее последствия

Предприятие – это Я

В бизнесе, построенном на манер домашнего хозяйства, предприятие – это Я или в крайнем случае – Мы. Мы (Я) видим один бюджет, и наше (мое) предприятие – это продолжение домашнего хозяйства, а значит, при принятии решения о благотворительности нам не приходится переключаться с “домашней” логики на “корпоративную” и обратно, как это делают корпоративные предприниматели. Сравним:

“И мое предприятие занимается благотворительностью, и я лично. Т.е. помогаем из прибыли предприятия, и лично я помогаю своими личными деньгами” (Ф20/В3).

И что еще важно, в “домашней” логике не приходится преодолевать сопротивления (воспринимаемых частниками) безличных, надиндивидуальных акторов с их безличными потребностями. Я, если посчитаю нужным, волен распоряжаться не только своими доходами, но и личным временем. Мое рабочее время – это часть личного времени, ибо только я устанавливаю режим собственной занятости.

“Оказание помощи я осуществляю за счет своего личного времени и своих личных средств” (Ф13/В3).

Если в “домашних” предприятиях есть наемные работники, то их особое мнение либо вовсе не учитывается (как мнение ограниченных в праве голоса членов семьи), либо работники (наряду с членами семьи) разделяют моральную ответственность вместе с владельцами предприятия. При этом предприниматель считает важным “по-свойски” нести ответственность за благополучие работников-домочадцев.

“Наверное, <разницы> нет. Хотя помогал я нашим сотрудникам, когда были экстренные случаи. Но особой разницы нет” (Ф27/В3).

Здесь высоко ценится возможность принять решение самостоятельно и по доброй воле, а не под нажимом обстоятельств. Вынужденная благотворительность проигрывает в моральном измерении.

Предприятие – это больше, чем Я

Когда предприятие перерастает рамки “домашнего хозяйства”, в приходной части бюджета, который некогда воспринимался как единый, появляется деление на доход и прибыль.

“Безусловно <есть разница>. Я стараюсь разделять предприятие и себя, т.е. бюджет своей семьи и предприятия” (Ф18/В3).

Одновременно поверх личной сферы ответственности начинает интенсивно формироваться сфера социальной ответственности. Это

хорошо заметно, если сравнить описания зон социальной ответственности бизнеса, которые приводят владельцы “домашних” и “корпоративных” предприятий. Первые склонны ограничить зону ответственности уплатой налогов и производством качественной продукции (услуг); как максимум – обеспечением небольшого числа работников достойной зарплатой и социальным пакетом. Брать на себя более широкую ответственность, например за создание новых рабочих мест, они считают уделом крупного бизнеса. Малому бизнесу хватило бы средств на содержание необходимого минимума работников.

Совсем иначе выглядит описание ответственности в интервью предпринимательницы, чье хозяйство переросло размеры домашнего.

“Мы создаем рабочие места, мы стремимся выдавать качественную продукцию. Непосредственная наша задача – лечить людей. Мы разрабатываем новые современные методики, сотрудничаем с другими медицинскими учреждениями. С другой стороны, с точки зрения решения социальных проблем, наши услуги – это и есть решение социальных проблем: оказание медицинской помощи, увеличение продолжительности жизни. Улучшая здоровье, улучшаем качество жизни. Лечим бесплодие – решаем демографическую проблему. Наши сотрудники проходят лечение бесплатно за счет предприятия” (Ф18/А2).

Непосредственная производственная деятельность тесно увязывается с масштабными социальными проблемами. И в то же время на этом уровне развития бизнеса масштаб ответственности существенно ограничивает свободу (произвол) действий владельца (или управляющего). Объем полномочий возрастает, но приходится учитывать мнение многих людей, отношения с которыми мало напоминают

“домашние”. Это, в частности, и другие руководители.

“Иногда я считаю, что нужно помочь, а предприятие может рассмотреть – и посчитать, что это ненужно. В этом смысле надо искать компромисс” (Д17/В3).

“Бывает, когда я помогаю лично, а есть вещи, которые мы обсуждаем с совладельцами нашего предприятия” (Ф16/В3).

“Поскольку предприятие довольно успешное, обращения за помощью есть. Но мы не можем тоже всем ее оказывать. Иногда я могу оказать помощь сама из личных средств. А если это от предприятия, то нужно решение дирекции” (Д28/В3).

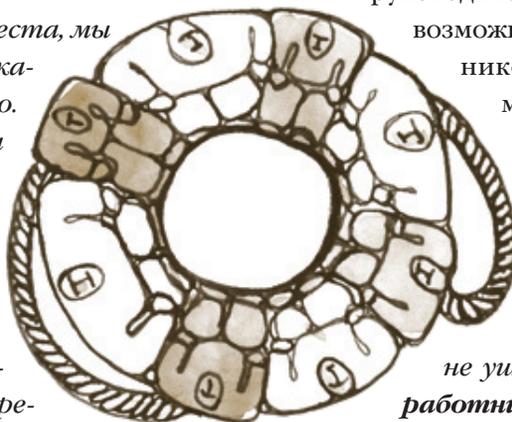
Помимо конструирования согласия с другими руководителями, приходится учитывать возможную реакцию наемных работников, которую надо воспринимать как социальный факт.

“Да, есть разница. Зависит, кто и из какого кармана достает деньги. Любой руководитель предприятия оказывает благотворительность, но с тем чтобы не ущемить при этом интересы работников предприятия” (Д10/В3).

Необходимость согласовывать свое решение лишает действие столь ценимой спонтанности и гораздо легче достигаемого при частной благотворительности ощущения “я сам это сделал”. То, что частными благотворителями ценится отсутствие необходимости в трудных согласованиях, показывает следующий пример.

“...Школе помогла – сшили занавески, а моим детям высказали: чем шторы шить, лучше бы учителям платья сшила. Ну, я сказала: хорошо, больше не буду помогать” (Д06/Г4).

Подобную демонстрацию обиды корпоративным благотворителем следовало бы считать неадекватной реакцией. Трудно себе представить, что владелец предприятия, которому нужен, скажем, землеотвод, может обидеться на подобное замечание со стороны той же адми-

нистрации и отказаться от запланированной акции. Представитель корпорации абсолютно лишен личной свободы в проявлении спонтанности.

Если сотрудники корпорации *добровольно* оказывают помощь из своей собственной зарплаты, без специальной агитации они не имеют оснований пережить ощущение “я сам”, поскольку добровольно они действуют не автономно, а как члены корпорации.

“У нас благотворительная помощь оказывается только по решению правления, у сотрудников кредитного союза удерживается часть из заработной платы – в размере однодневного заработка” (Д20/В3).

Даже если речь идет не о сотрудниках большой корпорации, а о единоличных частниках, благотворительность “по призыву”, пусть добровольную, оказывает не самостоятельная личность, а *член бизнес-сообщества.*

“Предприятие может помогать не только из милосердия... ну вот я, например, как и многие предприниматели в городе, постоянно занимаюсь благотворительностью в пользу администрации. Это и есть благотворительность предприятия. Меня как отдельную от бизнеса личность вряд ли о чем-то попросили бы” (Ж14/В3).

Мысль о дефиците свободы, если решение принимаются в рамках корпоративной благотворительности, отражена и в следующем высказывании:

“Личная благотворительность – это, как я понимаю, то, что я дал нуждающемуся человеку из чувства жалости, это деньги из моего собственного кармана. Благотворительность предприятия... обычно с предприятий собирают деньги” (Ж09/В3).

Резюме

Можно говорить о двух типах, или стратегиях, благотворительности: личной и корпоративной. Если мы говорим о стратегии, то неизбежно сводим действующего индивида к некоторому свя-

занному набору действий. Внутренняя логика тогда приписывается набору действий, и “выбрасывается” сам деятель – мы допускаем редукцию и получаем общество без индивидов.

Понятие “идентичность” в данном случае позволяет увязать воедино мотивы, цели, масштаб ответственности, характер личностной вовлеченности и разную степень свободы при принятии решений. И все это вместе вписать в социальный контекст – каким он представляется действующему индивиду.

И еще. Утверждение о том, что корпоративная благотворительность начисто лишена морального измерения и решительно не оставляет места для ощущения “я сам это сделал”, выглядит явным перебором. Более корректно утверждать, что при корпоративной благотворительности для достижения морального удовлетворения от человека требуются титанические усилия по конструированию согласия, поиску компромиссов. Но зато если они венчаются успехом, ценность морального поступка многократно увеличивается масштабностью решаемых социальных задач.

На титанические усилия способен и готов не каждый, а только тот, кто имеет соответствующие ресурсы. Важнейшим ресурсом, в дополнение к ресурсам материальным, является деятельная локальная идентичность – восприятие местного сообщества как территории свободы для моральных деяний. Неуклюжее властное противодействие ведет к сжиманию территории свободы, к самоограничению сферой частных отношений. Отрефлексированное самоограничение приводит к недоверию общественным институтам, к тому, что общественной деятельности – в данном случае корпоративной благотворительности – отказывают в моральности. Ее могут считать либо показухой, либо видеть в ней преследование эгоистических интересов. И ничего больше.

Ощущаемая благотворителем *неуютность* может подвигнуть его на борьбу с “интервентами”, покушающимися на его территорию свободы, но тогда он станет борцом за создание условий, благоприятных для благотворительности. И одним благотворителем будет меньше.

Эти сюжеты можно было бы описывать в терминах стратегий, но тогда за скобками остается вопрос: почему *общинно* думающие и действующие благотворители без уважения относятся к “большой”, *gesellschaftliche* благотворительности? Почему бы им спокойно, без ресентиментов, не следовать своей стратегии малых дел, утилитарность которых для них очевидна, а большие дела оставить *уважаемым* корпоративным благотворителям? Потому что частная и корпоративная благотворительность живут в разных мирах, разницу между которыми давно сумел уловить Ф. Тённис.

Литература

Tajfel H. La categorisation sociale // Introduction a la psychologie social / Dir. par S. Moscovici. P.: Larousse, 1972. Vol. 1.

Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie. Berlin: Karl Curties, 1926.

Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. С.П. Баньковской. М.: Аспект Пресс, 1996.

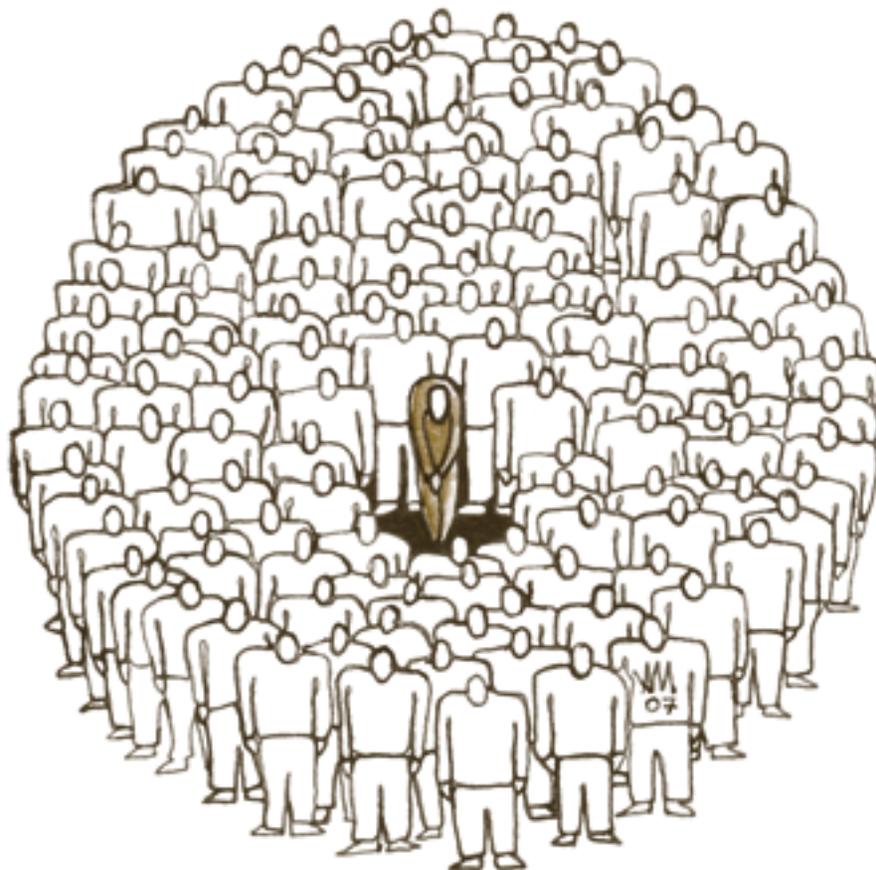
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Данилова Е.Н., Ядов В.А. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения: Материалы всероссийского семинара / Под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. Краснодар: КубГУ, 2004.

Дробизева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.

Оберемко О.А. Благотворительность в моем городе: анализ перспектив благотворительности в городах Подмосковья. М.: Институт социальной и гендерной политики, 2006.

Чеснокова В.Ф. Фердинанд Тённис. Община и общество // Наст. изд. С. 90–105.

А. Ослон

Мегаопросы населения России Проект “ГеоРейтинг”

От опросов к мегаопросам

Общество не может существовать и развиваться как органическая целостность без специальных институтов, представляющих ему информацию о том, что думают граждане по тому или иному поводу. Ни одна общественная сфера не может обойтись без знаний того, что у людей “на уме”, какие воззрения и мнения для них характерны: что думают избиратели (это предмет интереса политических организаций), потребители (эти сведения необходимы для нормальной деятельности экономических структур), наконец, сексуальные партнеры (без представлений об этом невозможна демография с прогнозами рождаемости). Один из важнейших источников такого рода знаний – опросы населения, вошедшие в России в привычный обиход немногим менее 20 лет назад.

Становление индустрии опросов

На начальном этапе – в конце 1980-х годов – результаты опросов воспринимались как своего рода открытие неведомой, загадочной страны. Каждый опрос привлекал к себе внимание и зачастую оказывался маленькой сенсацией. В то время в обществе высказывалось слишком много разнообразных предположений относительно того, чего хочет народ, на что он способен и как поведет себя в будущем. Поэтому тогда опросы имели особое значение: по ним сверялись и синхронизировались представления о субъек-

тивном мире, при ознакомлении с их данными люди избавлялись от иллюзий и необоснованных гипотез.

Нечто аналогичное происходило и в первые годы после развала СССР – опросы давали хоть какие-то ориентиры в радикально обновившемся социальном мире, где все привычное оказалось отмененным. Из них можно было узнать, что думают другие люди о незнакомых и зыбких новых реалиях, и в результате найти свое собственное место в спектре разноречивых мнений.

Так на переломе эпох опросы дважды сыграли роль своеобразного источника нарративов на тему “что мы думаем о себе, о стране и о мире”. В последние советские годы они помогли уйти от коммунистических формул и стереотипов, усвоенных с детства, но уже не соответствовавших реальности (не случайно всеведущему Ю. Андропову приписывается высказывание: “Мы не знаем своей страны”). В первые несколько лет существования “новой России” – с начала 1992 года – опросы способствовали адаптации к радикально иной реальности социального хаоса, осененного уже капиталистическими формулами и стереотипами.

После переизбрания Б. Ельцина в 1996 году, можно сказать, возникла третья страна, в которой “классовые” столкновения между “красными” и “белыми” сменились для одних – борьбой за выживание, а для других – битвами за богатство и влияние. В этот период становления “капи-

талистической” России опросы в еще большей степени выступали путеводителями по быстро меняющейся социальной реальности, во-первых, потому, что они стали широко применяться в рыночных исследованиях, а во-вторых, потому, что возникло много организаций, занятых их проведением [подробнее см.: Ослон. 2006].

Общероссийские опросы

Вплоть до начала нового века основной формой опросов населения были опросы либо по общероссийским репрезентативным выборкам, либо по отдельным регионам.

Общероссийские опросы отражали состояние ментального пространства России и применялись в первую очередь для изучения реакции населения на многочисленные острые социально-политические ситуации, для выяснения отношения к инновациям и главным образом – для зондажа электоральных предпочтений в преддверии федеральных выборов. Как и в предыдущие годы, такого рода опросы рассказывали о стране в целом, но их результаты теперь не воспринимались как открытие – накопленные массивы данных уже в достаточной мере раскрыли и сделали общедоступными представления о “состоянии умов”. К опросам привыкли, и они стали приобретать смысл как мониторинги и как способ уточнения отдельных деталей общей ментальной картины в связи с теми или иными событиями.

Постепенно становилось ясно, что информация о том, что и как думают “россияне в целом”, необходима, но уже недостаточна, поскольку в своем подтексте она как бы несет скрытое сообщение об относительной однородности страны, о том, что в Москве, например, и на Дальнем Востоке распределения мнений примерно одинаковы. Недаром подобную информацию часто сравнивают со “средней температурой по больнице”, имея в виду, что она не отражает очевидных и существенных межрегиональных различий.

Тем не менее в течение долгого периода времени задача организации обширных опросов с одновременной репрезентацией регионов

страны не ставилась. Одна из причин этого, возможно, состояла именно в том, что субъекты РФ слишком сильно различались, ибо после известного предложения Б. Ельцина “брать столько суверенитета, сколько проглотите” в значительной мере жили самостоятельной и даже суверенной жизнью. Они во многих случаях представляли собой как бы отдельные страны со своими властными элитами и политическими лидерами (характерное выражение конца 1990-х годов: “региональные бароны”), собственными правительствами, парламентами и силовыми структурами, местными сводами правил (законами, уставами, а иногда и конституциями) и т. д. В обращении даже были местные платежные средства – в основном для натурального обмена (во времена бартерных платежей) и местных выплат (особо показательным в этом плане был проект Уральской Республики и уральских франков).

Опросы в “регионах-странах”, разумеется, проводились, причем как внешними по отношению к ним исследовательскими структурами, так и региональными опросными центрами (по заказу местных ведомств и организаций). Но в основе таких опросов практически всегда лежало представление о регионе как о самостоятельном и самодостаточном субъекте, отделенном своей границей от “внешнего” мира. По аналогии с опросами, репрезентировавшими “большую” страну, региональные опросы репрезентировали “маленькие” страны, а их содержание – собственно вопросы – связывалось со специфическими региональными темами и проблемами.

Возвращение “целостной страны” в социальную реальность

В 2000 году, когда президентом России стал В. Путин (март) и был реформирован Совет Федерации (июль), система взаимоотношений “центр – регионы” начала радикально меняться. Губернаторы потеряли сенаторский статус и превратились скорее в хозяйственных, нежели политических деятелей, были ужесточены правила межбюджетных и налоговых взаимодействий, запущен процесс унификации региональных законодательств. Все эти инновации проходили

под знаком выстраивания «вертикали власти». Позднее – осенью 2004 года – был полностью изменен порядок формирования корпуса глав субъектов РФ, которые теперь не избирались населением, а утверждались местными законодательными собраниями по представлению президента РФ.

Одно из наиболее фундаментальных последствий происшедших в начале XXI века изменений в федеральном устройстве России заключается в том, что выражение «целостность страны» из часто употребляемой политической фигуры речи стало превращаться в понятие, наполненное более или менее реальным смыслом. Траектории жизни и развития российских областей и республик оказались хоть как-то синхронизированы, и наряду с метафорой 1990-х годов «регион – это маленькая страна» начала возрождаться почти забытая словесная формула «регион – это часть большой страны».

Целостность страны является фактом отнюдь не тогда, когда отторжение тех или иных территорий исключено или маловероятно. Это вытекает хотя бы из того, что оценки такого рода рисков весьма субъективны. Кто, например, мог в 1991 году предположить, что к концу года исторически сложившаяся и казавшаяся монолитом целостность СССР перестанет существовать? Территориальная целостность – всего лишь следствие гораздо более фундаментального фактора: присутствия «целостности» в умах большинства населения. Иными словами, реальная целостность обусловлена наличием умозрительного понятия «целостность» в социальной реальности и возникновением благодаря этому общей социальной диспозиции, направленной на поддержание целостности в любых тематических коммуникациях и действиях.

Здесь есть два аспекта. Удержание «целостности» в социальной реальности становится возможным, если это понятие, во-первых, наделяется ценностными смыслами, переживается как что-то значимое, желательное, вызывающее волнение, страх потери, и, во-вторых, содержит в себе образ пространства, на котором все государственные, политические, экономические, военные, социальные, информационные и прочие

процессы когерентны, структурно подобны и при всем местном разнообразии имеют общий каркас. Другими словами, целостность может быть реальной, если она реальна в воображении миллионов людей и дорога им. Исчезновение последнего условия и привело к распаду территориальной целостности советского государства, при том что никто не посягал на его границы, да и не в этом было дело: границы становятся иллюзией, если целостность перестает существовать в умах людей, проживающих внутри этих границ.

Карта страны как символическое обозначение целостности

В отличие от многих иных абстрактных понятий, «целостность страны» можно увидеть воочию, она может быть визуализирована в виде карт. Именно географические карты знакомят младшего школьника с его страной и в ходе этого знакомства подспудно придают ей определенный онтологический статус. Страна начинает осознаваться как реальность, ибо есть вполне реальная карта и подтверждаемая учителем несомненность существования прототипа этой карты. Изображение на карте обозначает страну, и, обращаясь к карте, мы как бы имеем дело со страной. Например, можно путешествовать по стране, не выходя из дома, но только разглядывая карту и воображая тайгу и тундру, большие города и малолюдные деревни, жаркие пустыни и вечные ледники. Можно пересекать границы страны, «бродить» по зарубежью, а потом снова возвращаться домой и тем самым еще и еще раз незаметно подтверждать для себя очертания своего дома. Поэтому любое изменение знакомой с детства «картины мира» (в буквальном, то есть визуальном смысле этого понятия) для большинства людей оказывается фундаментальным потрясением. Именно здесь, а не в пресловутом «имперском сознании» следует искать истоки ностальгических сожалений о развале СССР, испытываемых, как показывают опросы, большинством бывших советских людей и подобных известному феномену фантомных болей в ампутированных конечностях.

Возвращение мультирегиональных социальных исследований: Проект “ГеоРейтинг”

Исследования общества не могли не откликнуться на социальное восстановление “целостности” страны в описанном выше смысле. Подтверждением тому является перепись населения, проведенная в 2002 году, впервые после последней советской переписи 1989 года. Тот факт, что “новая Россия” существовала 10 лет, не имея в сущности статистических данных о своем населении, объясняется просто: в хаосе постреволюционных 1990-х годов отсутствовало представление о наличии общества, и мысль о переписи, даже если и возникала, связывалась не с объектом обследования – страной, территорией, населением, – а с пустотой.

Тогда же, в 2002 году, ощущение того, что понятие “целостная страна” (возникшее в том числе на основе общероссийских опросов) постепенно возвращается в социальную реальность, привело к идее мегаопроса, представляющего страну не в формате “средней температуры по больнице”, а в виде географических карт, где общую картину создает мозаика регионов, расцвеченных в зависимости от их особенностей. Но только летом 2003 года нам впервые удалось провести такую работу, и она получила название: Проект “ГеоРейтинг”.

Суть Проекта. Исходная идея Проекта предельно проста: она состоит в проведении в максимально большом числе субъектов РФ одновременных опросов, репрезентирующих население этих субъектов. В результате такого исследования возникает совершенно новый социологический продукт – социальные карты России. При усреднении данных по регионам в Проекте “ГеоРейтинг”, конечно, воспроизводятся данные общероссийских опросов, но карты показывают, насколько велики иногда межрегиональные различия и насколько грубыми оказываются выводы, сделанные без их учета.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем в качестве примера вопрос, часто встречающийся в различных опросах: *“Как Вы считаете, руководитель вашей области (края, республики) работа-*

ет на своем посту хорошо или плохо?” В среднем по России доля тех, кто дает ответ “хорошо”, в октябре 2005 года составляла 47%. Понятно, что в разных регионах – разные ситуации, разные начальники и, соответственно, разное отношение к местной власти. Но данные “ГеоРейтинга” дают об этих различиях довольно неожиданную информацию. На одном полюсе оказываются Москва (85%), Хабаровский край (84%), Кемеровская и Тюменская области (по 81%), на другом – Алтайский край (14%), Костромская (15%), Ивановская, Амурская, Нижегородская (по 17%) области.

Каждый вариант ответа на каждый вопрос, задаваемый респондентам в ходе опросов “ГеоРейтинг”, порождает распределение по регионам долей тех, кто выбрал этот вариант. Чтобы это распределение могло быть представлено на карте, на его основе следует выделить кластеры регионов и раскрасить их в разные цвета. Самый простой способ выделения кластеров – задать диапазоны в указанном распределении либо поделить регионы на кластеры так, чтобы в каждом их было примерно одинаковое количество.

Для рассматриваемого примера такие – равнонаполненные – кластеры получаются, если разделить регионы по следующим диапазонам:

- кластер “очень плохо” – от минимального значения 14% (в Алтайском крае) до 29%;
- кластер “плохо” – между 29% и 41%;
- кластер “средне” – между 41% и 48%;
- кластер “хорошо” – между 48% и 57%;
- кластер “очень хорошо” – от 57% до максимального значения 85% (в Москве).

На картах “ГеоРейтинга” регионы с наибольшими значениями обозначаются обычно зеленым цветом, с наименьшими – красным цветом, а промежуточные кластеры – градациями этих цветов.

Мегаопросы. В опросах Проекта “ГеоРейтинг” каждый субъект РФ репрезентируется случайной выборкой объемом 500 респондентов. Как и в других опросах Фонда “Общественное мнение”, формирование выборки по региону осуществляется в три этапа. Вначале случайно отбираются административные районы из списка городских и сельских районов региона. Затем в отобранных районах производится случайный отбор избирательных участков. И, наконец, на

территории попавших в выборку избирательных участков случайно отбираются домохозяйства (дома или квартиры). Последняя операция производится либо по списку домохозяйств (он составляется путем предварительного обследования), либо так называемым маршрутным методом, когда интервьюеру вручается маршрут, и он, двигаясь по нему, выбирает домохозяйства по специально разработанному алгоритму случайного отбора. В каждом домохозяйстве интервьюер по особой процедуре выбирает одного члена семьи и проводит с ним интервью. Если в каком-то домохозяйстве взять интервью оказывается невозможно (никого нет или отказ), интервьюер ищет «замену» (также по жестко фиксированной процедуре). При проведении следующих опросов те домохозяйства, где уже побывал интервьюер, исключаются.

Весь этот метод нацелен на максимальное приближение к идеалу выборочных исследований: каждый житель территории должен иметь равные шансы на включение в выборку. На практике, конечно, достичь идеала не удастся – жители запретных зон, больниц, казарм, общежитий, бомжи и т. п. заведомо лишены возможности попасть в нее. Но, как показывает опыт многочисленных опросов, этот метод обеспечивает приемлемый компромисс между точностью и стоимостью и широко применяется во всех странах, где проводятся опросы. Отметим, что формирование выборки для общероссийских опросов осуществляется по той же логике.

С точки зрения теории математической статистики выборка в 500 респондентов обеспечивает достаточно точную репрезентацию всего населения (напомним, что, согласно той же теории, степень этой точности зависит только от объема выборки и НЕ зависит от численности населения). Это означает, что не было бы большой разницы в результатах, если бы тем же методом случайный отбор респондентов производился много раз. Однако подобный объем не позволяет анализировать части выборки, выделяя, скажем, мужчин/женщин или группы по возрасту. Он слишком мал, чтобы получать устойчивые

данные по таким группам (поэтому, кстати, в опросах чаще всего используются выборки объемом 1–3 тысячи респондентов). Но в «ГеоРейтинге» задача анализа отдельных групп в каждом регионе и не ставится. Все, что нужно, – это иметь возможность получать статистические оценки по населению региона в целом, чтобы сравнивать регионы между собой и представлять их в виде размеченных цветами карт.

В принципе в опросы «ГеоРейтинга» следовало бы включать все субъекты РФ, но по понятным резонам это сделать затруднительно: слишком дорого обходились бы опросы, например, на Чукотке или в Якутии, или – другая причина – слишком специфичной может быть региональная ситуация в какой-то части страны (Чечня, Дагестан). Поэтому в уже проведенных исследованиях в работу включались 62–69 субъектов РФ.

Таким образом, в проведенных опросах «ГеоРейтинга» число респондентов составляло от 31 до 34,5 тысяч. Это огромные массивы, но только они и позволяют создавать социальные карты России. Именно из-за уникального для опросной практики масштаба исследований мы называем опросы Проекта «ГеоРейтинг» мегаопросами.

Общий объем выборки каждого мегаопроса, более чем на порядок превышающий обычные объемы общероссийских опросов, дает уникальную возможность анализировать малые социальные группы. В частности, группа тех, кто дает ответ: «у меня есть собственный бизнес», составляет всего 4%. При обычных опросах с выборкой, скажем, в 1500 респондентов – это всего 60 человек, и, конечно, анализ ответов этих людей на другие вопросы, то есть полноценный анализ группы, невозможен. В «ГеоРейтинге» же такой проблемы не возникает, так как в массиве содержится случайная выборка представителей данной группы объемом более 1300 человек, что, по сути, эквивалентно общероссийскому опросу.

Данные. Для отображения данных Проекта «ГеоРейтинг» в виде размеченных цветами социальных карт в Фонде «Общественное мнение» была разработана специальная компьютерная программа ФОМГео¹. Она представляет собой

¹ Программа ФОМГео разработана специалистами НИВЦ МГУ к.ф.-м.н. А. Ковалевым и к.ф.-м.н. Н. Богомоловым.

особым образом организованные таблицы процентных распределений по субъектам РФ доли выбравших те или иные варианты ответа на вопросы. Пользователь может обращаться как к самим таблицам, так и к картам. Каждая карта открывается в отдельном окне, что позволяет рассматривать и сопоставлять сразу несколько карт. Пользователь сам может менять число кластеров по каждому распределению и указывать способ их получения. Удобной опцией является раскраска кластеров регионов не только на карте, но и в самой таблице и, кроме того, на выдаваемой в отдельном окне столбчатой диаграмме, где регионы упорядочены по убыванию процентного распределения. Программа позволяет также представить данные, карты и диаграммы в форматах doc и html для последующего анализа или распечатки.

Чтобы воспользоваться программой ФОМГео, надо скачать ее с сайта www.fom.ru вместе с массивами таблиц. Чаще всего этой программы оказывается вполне достаточно для проведения сравнительного анализа субъектов РФ. Но в тех случаях, когда ставятся более сложные аналитические цели – например, исследование укрупненных регионов или отдельных социальных групп, – необходимо работать на массивах исходных данных. Они тоже доступны в формате SPSS (по запросу в Фонд “Общественное мнение”).

Программа ФОМГео уже широко используется для представления данных мегаопросов, в том числе для подготовки бюллетеней, публикаций в ежемесячном журнале “Социальная реальность” (с его электронной версией можно ознакомиться на сайте www.fom.ru), а также выпуска серии социальных атласов².

Тематика. Начиная с августа 2003 года в рамках Проекта “ГеоРейтинг” было проведено 14 мегаопросов. Каждый такой опрос – весьма дорогостоящее дело, поэтому их реализация могла происходить только в режиме политематического вопросника (так называемый “омнибус”) для различных заинтересованных структур-заказчиков. Это соответствовало общей на-

целенности Проекта на создание своего рода энциклопедии, в которой российская социальная реальность будет представлена в ее разнообразии. Так что тематика мегаопросов, с одной стороны, возникла в силу стечения обстоятельств, но с другой – отражает общую установку Проекта на широкий тематический охват. Что касается вопросов, раскрывающих те или иные темы, то в соответствии с духом Проекта предпочтение по возможности отдается формулировкам, направленным на выявление региональных дифференциаций и контрастов.

Как и в других исследованиях Фонда “Общественное мнение”, тематика опросов определяется двумя основными факторами [подробнее см.: Ослон 2003]. Первый из них – актуальная повестка дня, задаваемая в масштабах всей страны средствами массовой информации (мы говорим с респондентами о событиях и явлениях, актуализированных “телевизором”) и календарем, в соответствии с которым происходит (и интерпретируется в СМИ) большинство событий (от праздников и годовщин до реформ и саммитов). Второй фактор – мировоззренческие установки, не связанные напрямую с текущим моментом, но оказывающие фундаментальное влияние на интерпретации, мнения, суждения (от образа жизни и повседневных привычек до политических взглядов и потребительских предпочтений). Исходя из этого, каждая тема, выбранная для исследования, раскрывается несколькими вопросами, причем достаточно экономно, так как всегда имеет место избыток актуальных и важных проблем. Этот подход в полной мере воплощен в Проекте “ГеоРейтинг”. ■

Литература

- Россия сетевая. Атлас интернета. М.: Европа, 2006.
 Ослон А. Мнение – сила! / Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.
 Ослон А. Как в 1996 г. Аналитическая группа сделала опросы социальным фактом // Социальная реальность. 2006. № 6.

² Начало этой серии положила книга “Россия сетевая. Атлас интернета”, выпущенная издательством “Европа” в октябре 2006 года.

Проект «ГеоРейтинг»: тематический реестр (август 2003 – февраль 2007 г.)

Ситуация в стране

Оценка направления развития России: правильное или неправильное

Оценки изменения ситуации в стране в целом: к лучшему или к худшему

Чувства и эмоции при мыслях о стране

Ситуация в регионе

Удовлетворенность ситуацией в регионе

В каких сферах ситуация в регионе улучшилась

В каких сферах ситуация в регионе ухудшилась

Изменения ситуации в регионе в целом: к лучшему или к худшему

Изменения настроения людей в регионе за последние год-два: к лучшему или к худшему

Изменения экономической ситуации в регионе за последние год-два: к лучшему или к худшему

Недовольство властями региона

Заметно или незаметно недовольство жителей региона его властями

Сравнение ситуации в своем регионе с ситуацией в соседних

Есть или нет желание сменить место жительства, переехать в другой регион?

Социальная сфера в регионе

Положение дел в сфере образования в регионе

Изменения в сфере образования в регионе

Затраты на учебу ребенка (последние 3 месяца)

В наше время важно или неважно иметь высшее образование?

В вашем регионе можно или нельзя получить хорошее высшее образование?

Ваша семья готова или не готова пойти на серьезные материальные затраты ради того, чтобы ребенок получил высшее образование?

Положение дел в сфере здравоохранения в регионе

Изменения в сфере здравоохранения в регионе

Ситуация с развитием здравоохранения в регионе Вас интересует или не интересует? Если да, то в последние год-два она улучшается, ухудшается или не меняется?

Когда Вы в последний раз посещали поликлинику по месту своего жительства?

За последний год денежные затраты, связанные со здоровьем, были или их не было? Если были, то на что Вы тратили деньги?

Положение дел в сельском хозяйстве региона

Изменения ситуации в сельском хозяйстве региона

Положение дел с получением или приобретением жилья в регионе

Изменения в сфере получения или приобретения жилья в регионе

Информированность о возможности обращаться в банки за ипотечными кредитами

Есть или нет потребность в улучшении жилищных условий? Если есть, острая или не острая?

В ближайшие год-два улучшить жилищные условия удастся или не удастся? И если Вы думаете, что удастся, то Вам придется или не придется за это платить?

Какую примерно сумму в рублях Вам придется заплатить за улучшение жилищных условий?

Какое жилье Вы планируете приобрести?

Нужная сумма на улучшение жилищных условий есть или нет? Если нет, из каких источников намерены собрать эту сумму?

Оценка ситуации в регионе с общественным транспортом

Задачи и функции государства

Какая государственная задача важнее: укрепление государства или улучшение жизни людей?

Какая государственная задача важнее: поддержка слабых людей или создание перспектив для сильных?

Какая государственная задача важнее: добиваться соблюдения прав граждан или добиваться выполнения гражданами своих обязанностей?

Допустимо или недопустимо сосредотачивать власть в руках одного человека?

Какое общество более справедливое – российское или западное?

Российское общество должно или не должно быть похожим на западное?

Власть должна или не должна решать государственные вопросы вместе с церковью?

Национальные проекты

Информированность о нацпроектах

Самый важный нацпроект для региона

Самый важный нацпроект лично для человека

Какие из национальных проектов реализуются сегодня успешно?

Вам известно или не известно о переменах к лучшему в вашем регионе, вызванных реализацией нацпроектов? Если да, то с каким проектом (проектами) связаны перемены?

Средства массовой информации уделяют нацпроектам слишком много внимания, слишком мало или столько, сколько следует?

Политика

Прожективное голосование на президентских выборах

Оценки работы президента

Уровень доверия президенту

В деятельности президента было больше достижений или неудач?

Деятельность президента отвечает или не отвечает интересам таких людей, как Вы?

Оценки работы правительства

Прожективное голосование на выборах в Думу

Оценки работы Думы

Уровень доверия партиям

Заметность работы партий в регионе

Нужны ли партии и сколько партий нужно?

Вы проголосуете или нет за действующего губернатора?

Уровень доверия губернатору

Кого Вы бы хотели видеть на посту главы региона – нынешнего губернатора или другого человека?

Оценки работы губернатора

Что предпочтительнее: чтобы президент предложил того же главу региона или кого-то другого?

Оценки работы местного законодательного органа

Реформы

Вы сегодня задумываетесь или не задумываетесь о том, какого размера пенсия будет у Вас в старости?

Вы лично хотите или не хотите, можете или не можете самостоятельно откладывать деньги из своих сегодняшних доходов для пенсии, которую Вы будете получать в старости?

Как Вы думаете, что именно, какой источник доходов в первую очередь обеспечит Вашу старость?

Пенсионная реформа нужна или не нужна?

Информированность о начале пенсионной реформы

Информированность о намечаемых изменениях в пенсионной системе

Отношение к введению накопительной пенсионной системы

Коснутся ли Вас изменения в пенсионной системе?

Информированность о деятельности Пенсионного фонда и уровень доверия ему

Информированность о деятельности регионального отделения Пенсионного фонда и уровень доверия ему

Какой Пенсионный фонд Вы выбрали – государственный или частный?

Размер пенсий должно устанавливать государство или он должен зависеть от накоплений?

Пенсия по новой системе будет выше или нет?

Знаете ли Вы об изменении порядка выборов глав регионов?

Изменение порядка выборов глав регионов будет иметь больше положительных или отрицательных последствий?

Заксобранье поддержит любую предложенную президентом кандидатуру или будет оценивать ее самостоятельно?

Отношение к тому, что глав регионов выбирает не население, а Заксобранье

Информированность о реформе льгот

Отношение к реформе льгот

Отношение к идее замены льгот выплатами

Оценки хода реформы по замене льгот выплатами: работа организована хорошо или плохо

Каких людей в регионе больше – довольных или недовольных заменой льгот выплатами?

Вам положены или не положены льготы?

Есть ли среди положенных Вам льгот такие, которые должны быть заменены выплатами?

Вы будете или не будете участвовать в акциях протеста в связи с реформой льгот?

В регионе много или мало людей, которые приняли бы участие в акциях протеста?

Акции протеста

Интерес к акциям протеста

Возможность участия в акциях протеста

Знакомые участники акций протеста

Возможность добиться решения проблем акциями протеста

Польза стране от акций протеста

Антропология

Как следует относиться к людям: доверять им или не доверять?

Вы лично доверяете или не доверяете людям?

Отношение к переменам

Вы строите или не строите планы на будущее? Если да, то Вы строите планы только на ближайшее будущее, только на отдаленное будущее или и на ближайшее, и на отдаленное будущее?

Возможно ли достичь успеха без помощи государства?

Такие люди, как Вы, могут достичь успеха без помощи государства?

В какой степени Ваше положение зависит от Ваших собственных усилий?

От Вас лично или от обстоятельств зависит ваше материальное положение?

Какие из перечисленных на карточке слов означают наиболее важные для Вас лично понятия?

Какие из перечисленных на карточке слов означают наиболее важные понятия для большинства людей, живущих в вашем регионе?

Вы себя чувствуете свободным или несвободным человеком?

Вам важно или неважно чувствовать себя свободным человеком?

Большинство граждан чувствуют или не чувствуют себя свободными?

Большинству граждан важно или неважно чувствовать себя свободными?

В какие времена люди были более свободными?

В вашем регионе права и свободы нарушаются чаще или реже, чем в других?

От кого зависит больше защита прав и свобод – от федеральных или региональных властей?

Считаете ли себя верующим человеком? К какой профессии себя относите?

Вы лично испытываете или не испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?

Есть ли в вашем городе (селе) какие-либо противоречия, конфликты между приезжими других национальностей и местными жителями?

Если бы в вашем регионе было принято решение о высылении за пределы региона представителей некоторых национальностей, Вы бы одобрили или не одобрили такое решение?

Посещаете ли храм? Как часто посещаете храм?

Соблюдаете ли церковные посты?

Молитесь ли Богу и как молитесь?

Читаете ли Евангелие и другие тексты?

Как часто исповедуетесь и причащаетесь?

Коммуникации

Какие телеканалы смотрели чаще всего за последний месяц?

Какие из перечисленных телеканалов может принимать Ваш телевизор?

Какие телеканалы стали в последнее время работать лучше, стали Вам больше нравиться?

Какие телеканалы стали в последнее время работать хуже, стали Вам меньше нравиться?

Какие телепередачи Вас больше всего привлекают?

В какие дни на прошлой неделе Вы лично смотрели телевизор?

Сколько в среднем часов в день Вы лично смотрели телевизор в будние дни на прошлой неделе?

Сколько в среднем часов в день Вы лично смотрели телевизор в выходные дни на прошлой неделе?

Чтение прессы

Прослушивание радиостанций

Оценка ситуации в регионе с кинотеатрами

Посещение кинотеатров

Оценка ситуации в регионе с библиотеками

Посещение библиотек

Деньги

Доход на члена семьи

Хватает ли денег на жизнь?

Оценка личного материального положения

Оценки изменений материального положения: улучшилось, ухудшилось или не изменилось

Прогнозы относительно личного материального положения в ближайший год: улучшится или ухудшится

Есть ли у Вас возможности работать и зарабатывать?

Есть ли у Вас шансы иметь много денег?

Наличие денежных запасов

Направления денежных трат

Положение на шкале благополучия в настоящее время

Положение на шкале благополучия 5 лет назад

Положение на шкале благополучия желательное

Положение на шкале благополучия предполагаемое

Помогают ли Вам родственники материально?

Помогаете ли Вы родственникам материально?

Пользование банком

Стремление иметь как можно больше денег

Отношение к людям, стремящимся иметь как можно больше денег

Хорошо ли для страны, когда растет число богатых?

Инновации

Интерес к бизнесу и ситуация в регионе в сфере бизнеса

Оценка влияния бизнеса на экономику региона

У Вас есть или нет собственный бизнес? Если нет, то есть или нет желание его иметь?

Пользование новыми навыками (e-mail, мобильный телефон, карточка, компьютер и пр.)

Пользование интернетом

Места пользования интернетом

Частота пользования интернетом

Пользование компьютером

У Вас есть или нет мобильный телефон? Если нет, то есть или нет желание его иметь?

Другое

Оценка своего здоровья

Физическое самочувствие на прошлой неделе

Чувства и эмоции на прошлой неделе

У Вас есть автомобиль? Если нет, то Вы хотите или не хотите его иметь?

Три страны, вызывающие симпатию (выбор из 12 стран)

Дружественны ли США по отношению к России?

Вам приходилось или не приходилось когда-либо бывать за границей? И если да, то в каких странах?

Вы умеете или не умеете читать на каком-либо языке, кроме русского? И если да, то на каком именно языке?

Вам приходилось или не приходилось за последний месяц пить алкогольные напитки? И если да, то что именно Вы пили?

Вы жуете или не жуете жевательную резинку? И если нет, то почему?

Если Вам приходилось за последний месяц пить пиво, то сколько примерно литров Вы выпили?

Есть знакомые, употребляющие наркотики?

Оценка ситуации в регионе с наркотиками по сравнению с Россией в целом

Вам приходилось или не приходилось давать кому-либо деньги или подарки в качестве взятки? И если приходилось, то когда был последний такой случай?

Какую сумму в рублях Вам пришлось потратить в этом последнем случае, когда Вы были вынуждены давать деньги или подарки в качестве взятки?

Авторы номера...

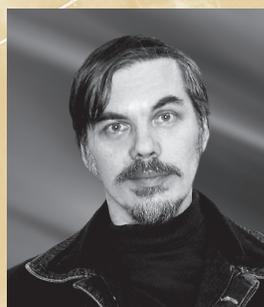
Елена Вовк
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

Григорий Кертман
Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Олег Оберемко
Кандидат социологических
наук. Старший научный
сотрудник Института
социологии РАН. Доцент
кафедры социальной
психологии и социологии
управления Кубанского
государственного
университета

Георгий Любарский
Кандидат
биологических
наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное мнение”

Александр Ослон
Кандидат технических
наук. Президент Фонда
“Общественное
мнение”. Профессор
ГУ–ВШЭ

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии РАН

Людмила Преснякова
Кандидат
политических наук.
Ведущий специалист
отдела социологии
Фонда “Общественное
мнение”

Валентина Чеснокова
Социолог. Консультант
Фонда “Общественное
мнение”. Консультант
Института национальной
модели экономики

Подписка – 2007

на журнал “Социальная реальность”

Заполните купон и отправьте в Агентство “Книга-сервис” по адресу:

117168, Москва, ул. Кржижановского, д. 14, корпус 1;

или по факсу: (495) 129-0154, 719-08-22

Адрес e-mail для связи: **public@akc.ru**

Подписаться на любые номера журнала можно в течение всего 2007 г.

На основании указанных Вами данных после получения купона

Вам будет выставлен платежный документ (счет или квитанция)

Вышедшие из печати номера будут Вам высланы по почте после получения оплаты

Подписка принимается только на территории Российской Федерации

линия отреза

Отметьте, пожалуйста, крестиком номера журнала
“Социальная реальность”, на которые Вы хотите подписаться

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Подписной
индекс

C86301

Стоимость подписки на один месяц 200 рублей (включая НДС)

Фамилия

Имя

Отчество

Почтовый индекс

Область/край

Город/село

Улица

Дом корпус квартира

Телефон подпись дата

Дополнительная информация для юридических лиц

ИНН

КПП

Полное юридическое название

Юридический адрес (при несовпадении с почтовым)

Улица

Дом корпус

В 2007 году бесплатная рассылка будет продолжаться в ограниченном объеме по списку редакции.

линия отреза

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.

Под ред. В. А. Колосова 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липшман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2